

Большая часть ранней жизни Блейз Филдинг была окрашена тенями трагедий. Первые годы её детства, словно экзотический сон, прошли в эквадорском племени т'чала на острове Кокос, где при рождении ей дали имя Лез, звучащее как шелест листьев секвойи. Но идиллия оборвалась, когда ей едва исполнилось три года. На остров обрушилась волна жестокости – воинственные орочи, словно саранча, сожгли деревню дотла, не оставив в живых никого. Маленькая Лез, единственная уцелевшая в этом кошмаре, чудом спаслась, скрывшись в непроходимых джунглях, где ей предстояло в одиночку познать суровые законы выживания.

Судьба, словно злой рок, привела её к Синдикату, преступной организации, не знающей границ. Они заточили её в психиатрической лечебнице Лос-Анджелеса, не с целью исцеления, а ради чудовищных генетических экспериментов. Но зловещие планы Синдиката не остались незамеченными. Офицеры полиции Аксель Стоун и Адам Хантер, словно рыцари без страха и упрека, пришли ей на помощь, вырвав из лап безумных учёных и разоблачив коварный замысел мистера Икс по установлению мирового господства.

В горниле борьбы с Синдикатом между Блейз и Акселем вспыхнула искра любви, скрепившая их союз. Вместе они противостояли злу, не давая планам Синдиката воплотиться в жизнь. Именно в это время в Блейз пробудились сверхчеловеческие способности, открылась связь с мистической квантовой энергией, которую она назвала "Огнём". Она познала суть космического сознания, или сознания "Христа", ощутив единство со вселенной. В свои сорок девять Блейз находится на пике своей силы. Она не просто овладела своими способностями, но и стала эмпатом, наделённым даром предвидения. Она видит ложь насквозь, ощущает приближение угрозы, что недоступно другим, словно её душа – камертон, настроенный на частоту истины.

Зная то, что было скрыто от глаз обывателей, она всё же утверждала, что её страсть рождена не личной выгодой, а жаждой справедливости для каждого. Синдикат нарёк её homo superior, но этот ярлык казался ей неуместным, отголоском патриархальной одержимости мистера Икс властью и доминированием, продиктованной его собственными нуждами. Её детство, годы взросления и отношения с окружающими выковали ту, кем она стала. Она не стыдилась ни прошлого, ни сделанного выбора, а черпала в них силу, находя благодарность за то, что понимала лишь она одна. И она свято верила, что безусловная любовь и взаимопонимание – вот истинный путь для человечества, а не ненависть и эгоизм, так жестоко продемонстрированные воинами на острове Кокос в тот роковой день.

Оторвавшись от окна, она увидела Дженнифер, с аппетитом уплетающую лапшу быстрого приготовления из ближайшего магазина. Тринадцать лет – возраст открытий и надежд.

Дженнифер Стоун, дочь Блейз, второй ребёнок в семье, испытала немало трудностей в детстве. Блейз любила её безмерно, как саму себя. Она радовалась, что Дженнифер унаследовала её инстинкты и привычки, её генетический код. Порой казалось, что она знает то же, что и Блейз. Их связь была уникальной, и последние несколько лет они жили вместе здесь, в доме Блейз.

- О чём задумалась? - спросила Дженнифер с набитым ртом, заметив рассеянный взгляд матери.

В глазах Блейз вспыхнул огонёк, когда она сосредоточилась на лице девочки.

- О, ни о чём особенном. Просто мысли вслух.

- Делись мыслями, мам, - игриво ответила Дженнифер, повторяя фразу, услышанную однажды от Адама Хантера. - Ты ведь сама учила меня, что чрезмерные размышления опасны.

Блейз улыбнулась:

- Ты права. Нужно плыть по течению.

Она вспомнила Акселя, отца Дженнифер. Он был настолько поглощён своими эмоциями, своими первобытными чувствами, что недостаток эмоциональной зрелости и эмпатии пагубно сказывался на его поведении. Не говоря уже о его загадочности и всей драме, которая с этим связана.

"Все мы проходим через это, - успокаивала она себя. - Все мы совершаем ошибки. Именно способность учиться и расти делает нас людьми." Аксель был живым тому подтверждением. Он стал твердыней внутренней силы; он рос над собой, чтобы идти вперёд, несмотря ни на что. И в результате он стал одним из её самых близких друзей.

- Сегодня тренируешься? - спросила она, убирая выбившуюся прядь каштановых волос с лица.

Дженнифер кивнула.

- В десять в додзё.

- Передай привет своему отцу. И проследи, чтобы он поел сегодня вечером.

Девочка улыбнулась, опустив глаза и накручивая лапшу на вилку.

- Конечно. Он был бы рад, если бы вы с Мерфи пришли посмотреть, как мы тренируемся вместе. Хотя, ты всегда так занята работой.

Сотни неотложных дел обрушились на Блейз, как только она подумала о работе в офисе, о связанных с этим проблемах и горе бумажной работы. На её лице промелькнула тень страдания.

- Знаю. Я бы тоже хотела, но ты ведь знаешь, как всё изменилось в этом городе в последнее время.

Дженнифер кивнула, жуя с набитым ртом. Мгновение спустя:

- Знаешь, мне кажется, он иногда очень по тебе скучает.

Их взгляды скрестились, и в глубине глаз Блейз мелькнула тень задумчивости. — Я знаю, Дженнифер. Я тоже это чувствую. Но твой отец — кремень, ему не нужна нянька, чтобы продолжать свой путь. — Её взгляд, казалось, окаменел, но тут же смягчился, и она продолжала смотреть Дженнифер в глаза, словно позволяя чувствам омыть их обеих. Глубоко вздохнув, она произнесла:

— Я постараюсь выкроить время.

Неловко поднесенная ко рту лапша безвольно повисла на вилке. Дженнифер медленно прожевала её, задумчиво проглотив комочек. — Просто скажи Мерфи, что здесь для него ждёт сэндвич. Он примчится в мгновение ока.

Блейз слабо улыбнулась, и эта улыбка переросла в тихий смех. — Возможно, так и сделаю.

Раздался телефонный звонок. Блейз отвернулась, чтобы ответить. Пока она говорила с комиссаром Бернштейном о каком-то деле, её голос звучал приглушённо и отрывисто. Дженнифер доела лапшу, унесла тарелку на кухню, сполоснула вилку и положила её на сушилку. Когда она вернулась, Блейз уже сидела, погружённая в собственные мысли, с тревожным выражением лица.

Дженнифер нахмурилась, уловив беспокойство в её взгляде. — Что случилось?

— О, ты не поверишь, — тихо ответила Блейз, словно опускаясь на октаву ниже. — Ещё одна необъяснимая смерть. Ты же знаешь, я не могу говорить.

Дженнифер достала телефон и принялась просматривать новости.

— Так, значит, ты собираешься на работу? Сегодня воскресенье, ты помнишь?

Блейз с сожалением вздохнула и кивнула. Визит в Додзё Стоунов придётся отложить. — Пора на службу, — сказала она, и в её голосе сквозила усталость.

Госпиталь Милосердия
Центральная часть Вуд-Оук-Сити
12:03

Полуденное калифорнийское солнце обрушивало свой гнев, и воздух дрожал в знойном мареве, словно пустыня дышала огнём. Температура зашкаливала, давящая влажность — запоздалое эхо утренней хмури, которая теперь развеялась, обнажив безжалостное небо.

Типичный день, типичная Калифорния. Блейз не придавала этому значения. Пекло снаружи не имело значения, если они с Мерфи проведут остаток дня в ледяном чреве больничного морга, где кондиционеры с маниакальным упорством боролись за поддержание температуры ниже семидесяти пяти градусов.

В подземельях больницы царил зловещая тишина, и эти помещения, выложенные кафелем, напоминали склепы. Блейз не раз чувствовала это,

посещая морг в разных больницах, где проводила вскрытия или занималась исследованиями охлаждённых, безмолвных тел, заточённых в ящики холодильника. Знакомые места, но утешения они никогда не приносили.

Доктор Хироси Шимомура, главный судмедэксперт больницы Милосердия, – лысый японец с жалким клочком седых волос на затылке. Металлические очки и ангельское выражение лица. Судя по его дружелюбной, дедушкиной улыбке, Блейз назвала бы его очаровательным, добродушным человеком, если бы не увидела в его глазах усталую, затаённую жесткость. За годы работы коронёром Шимомура, должно быть, насмотрелся на слишком много членов банд, извлеченных из искорёженных машин, слишком много самоубийств и бессмысленных несчастных случаев, слишком много нео-хаоса и деяний Сынов Тьмы, слишком много примеров причудливой природы смерти в этом городе.

Он тепло пожал руку Блейз и Мерфи. – Всегда рад вас видеть, детектив Филдинг. Вы – лучший полицейский Вуд-Оук-Сити. Не обращайте внимания на подколки в вашем отделе. Я знаю, что о вас говорят. Поверьте, в Вуд-Оук есть те, кто восхищается вами и вашей работой.

Мерфи ухмыльнулся и кивнул напарнице, обращаясь к коронёру: – У неё действительно огромный опыт работы со странными смертями, Хироси. Она знает свое дело. Нельзя её недооценивать.

– Безусловно. – Коронёр улыбнулся ей, и Блейз не смогла сдержать лёгкого румянца и ответной улыбки добродушному мужчине.

– Спасибо, ребята, за добрые слова, – сказала она тихо, со скромной улыбкой.

После короткой паузы она спросила: – В каком состоянии тело?

Выражение лица Хироси Шимомуры мгновенно стало профессионально-отстранённым.

– Мы использовали все возможные дезинфицирующие средства и хранили тело в холодильнике, чтобы остановить распространение любых биологических агентов, – сказал он. Санитар морга по имени Эдвард, сидевший рядом с ним, протянул блокнот и улыбнулся, как преданный щенок. Белый, молодой и тощий, он уже почти лысел, как и коронёр. По тому, как он боготворил Хироси, Блейз поняла, что доктор Шимомура – его наставник, и однажды этот скромный санитар сам захочет стать судебно-медицинским экспертом.

– Он в ящике 4Е, – сказал Эдвард, хотя Блейз была уверена, что коронёр прекрасно знает, где хранится тело. Санитар поспешил к стене холодильников, оборудованных ящиками из нержавеющей стали. Блейз знала, что в большинстве из них покоятся жертвы тупых травм, ножевых ранений, сердечных приступов, огнестрельных ранений или автомобильных аварий. Большинство – жертвы банд. Но один ящик был обклеен жёлтой лентой и предупреждающими наклейками с изображением когтистого круга и надписью "Биологическая опасность": 4Е.

– Спасибо, Эдвард, – сказал Шимомура, пока Блейз и Мерфи следовали за ним к холодильникам.

– Вы обеспечили надлежащий карантин? – спросила Блейз.

Шимомура посмотрел на неё. – Разумеется. К счастью, полиция так испугалась вида трупа, что приняла все меры предосторожности: перчатки, защитные повязки. Здесь всё, что соприкасалось с телом, сожгли в больничном инсинераторе.

Эдвард остановился перед ящиком из нержавеющей стали и сорвал наклейку "Биологическая опасность". На передней панели ящика красовалась табличка с надписью "ЗАПРЕЩЕНО ВСКРЫТИЕ, УЛИКИ ПОЛИЦИИ". Натянув стерильные резиновые перчатки, Эдвард схватился за ручку выдвижного ящика и дернул её на себя. – Вот он. Обычно нам не попадает ничего более... любопытного, чем этот бедняга.

Эдвард выдвинул ящик, и оттуда хлынул морозный поток, словно дыхание ледяного склепа. Обеими руками он извлёк тело мужчины, обёрнутое в скользкий пластик. Подобно презентации нового спортивного болида в автосалоне, служитель морга откинул простыню, открывая взгляду жуткую картину. Он гордо отступил в тень, уступая дорогу судмедэксперту Блейз, а также Мерфи, следовавшему за ней.

В воздухе стояла удушающая смесь едкого запаха дезинфектантов и ледяного дыхания холодильника, от которого у Блейз зашипало в глазах и ноздрях. Этот химический холод пробирал до костей.

Она невольно склонилась вперёд, рассматривая тело с мрачным восхищением. Под мертвенно-бледной кожей проступали багровые пятна запекшейся крови, напоминающие зловещие синяки, а по всему телу громоздились бугристые, рыхлые наросты, словно зловещие грибы, проросшие сквозь плоть. Это была уже пятая подобная "странная мутация" за месяц, и ни одна из жертв не скончалась, что ещё больше усложняло задачу. Причина оставалась загадкой, окутанной мраком неизвестности.

– Я никогда не видела, чтобы опухоли росли с такой невероятной скоростью, – пробормотала Блейз. – Обычные ограничения клеточного деления должны исключать подобное стремительное распространение. – Она наклонилась ближе и заметила слабый, слизистый налёт на некоторых участках кожи, такой же, как и на других телах. Прозрачная, тягучая слизь... словно след улитки на мёртвой коже. Что-то в этом казалось до боли знакомым. Где они могли видеть это раньше?

– Мы рассматриваем это как сценарий заражения высокой степени опасности. Результаты лабораторных анализов из Центра контроля заболеваний должны быть готовы через день, – сообщил Шимомура. – Я провожу собственный анализ под строгим контролем, но это... нестандартный случай. Нам не справиться с этим в одиночку. Поэтому я посчитал, что вы должны увидеть это своими глазами.

Блейз Филдинг продолжала изучать тело своим острым взглядом, анализируя симптомы, выстраивая закономерности в голове, пытаясь проникнуть в суть патологии.

Вязкая слизь словно вопила, притягивая к себе внимание. Санитар протянул ей коробку с латексными перчатками. Она натянула пару, разминая пальцы,

затем протянула руку, чтобы коснуться кожи трупа. Она ожидала почувствовать холод и твёрдость трупного окоченения, но к своему удивлению обнаружила, что тело остается тёплым, свежим и податливым.

— Когда доставили этого человека? — спросила она, не отрывая взгляда от тела.

— В пятницу вечером, — ответил Шимомура. — Совпадение это или нет, но его нашли на заброшенном складе, который, как известно, ранее использовался 'Сынами Тьмы', во времена террора Кообо..

— Это было так давно, — задумчиво проговорила Блейз. Она провела рукой по морозной стене холодильника. — Какая у него температура тела? Он всё ещё тёплый.

Шимомура с любопытством подался вперёд и положил руку в перчатке на посиневшее плечо трупа. Судмедэксперт повернулся и бросил на служителя морга суровый взгляд.

— Эдвард, у нас снова проблемы с холодильниками?

Служитель морга отпрянул назад, словно испуганная белка, потрясённый строгим тоном своего наставника.

— Всё работает идеально, сэр! Я просил техников проверить их вчера. — Он бросился к приборам, чтобы изучить показания. — Здесь написано, что в ящиках поддерживается постоянная температура.

— Проверьте его температуру сами, — отрезал Шимомура.

Эдвард, заикаясь, пробормотал: — Нет, сэр, я поверю вам на слово. Я немедленно вызову техобслуживание.

— Сделайте это, — сказал Шимомура. Он снял перчатки и подошел к раковине, чтобы тщательно вымыть руки. Блейз последовала его примеру.

— Надеюсь, эти холодильники больше не развалятся у нас на части, — пробормотал коронёр. — Последнее, что мне нужно, это чтобы от этого парня начало вонять.

Блейз снова взглянула на труп и попыталась представить, что происходит, позволяя своим мыслям свободно блуждать. И вдруг из глубин памяти всплыло воспоминание.

Внезапно она осознала, что существо, с которым она столкнулась на стадионе Wood Oak Wolverines в 2039 году, было покрыто такой же слизью. Это существо оказалось результатом таинственных генно-инженерных экспериментов, проведённых Синдикатом Игрек. Диджей K-Washi.

Казалось, что между этим существом и её столкновением с ним есть какая-то связь, которую она не могла игнорировать. Это вызывало у неё беспокойство и активизировало её детективные инстинкты.

Если бы подобное существо вырвалось на свободу, у них было бы много проблем в ближайшие недели. И если она не выяснит, что происходит, им придётся иметь дело не только с такими существами, как это.

Блейз была в замешательстве от возможных последствий.

— Пойдём, Мерфи, — сказала она. — Нам ещё многое предстоит сделать.

Она вытерла руки и откинула с лица свои длинные тёмные волосы, поймав его пристальный взгляд.

— Я думаю, нам нужно глубже разобраться в том, чем на самом деле занимались близнецы.

Театр Елисейских полей
Париж, Франция
Понедельник, 11:11

Оркестр доводил инструменты до совершенства, словно разминал голосовые связки перед ответственным выступлением, в то время как публика, разношёрстная, но претендующая на искущённость — пестрая смесь самозваной парижской знати и провинциальных звёзд, — волновалась, подобно нестройному хору, занимая места. Шёпот перекачивался по залу, подобно прибою, заглушая последние звуки настройки. Владельцы билетов, купленных за баснословные деньги, сверяли номера на своих роскошных креслах, обтянутых кожей цвета бордо. В застеклённых ложах, словно в аквариумах, возвышались тучные фигуры высокопоставленных чиновников с вычурными причёсками, они поднимали бокалы с шампанским, и их смех звучал как хрип перекормленных гусей. Сливки французского общества, раздутые от чревоугодия и власти.

В мгновение ока билетёры бесшумно закрыли двери, отрезая зал от внешнего мира. Театр был переполнен — яблоку негде было упасть. Сегодня Национальный оркестр Франции собирался исполнить попурри из любимых арий классических опер, услаждая слух состоятельной элиты, собравшейся под этой крышей.

Едва ли большая часть зрителей успела удобно расположиться, как воздух разорвал оглушительный хлопок, заставив всех присутствующих вздрогнуть в унисон.

Приглушённый свет зала, словно предчувствуя беду, лишь усилил эффект неожиданности.

Из-за кулис, словно демоны из преисподней, ворвались террористы Аомидзучи с автоматами в руках, вскинув их над головами. Один из них, не медля ни секунды, открыл огонь, и смертоносный металл, извергая пламя, принялся выписывать хаотичные узоры на потолке, заставляя штукатурку осыпаться дождём. Зал взорвался криками ужаса.

Люди Аомидзучи, действуя с хладнокровной слаженностью, рассредоточились, блокируя все выходы и удерживая в заложниках каждого, кто находился в

зале, включая музыкантов оркестра. Звуки инструментов оборвались, сменившись какофонией панических голосов, неразличимых в общем хаосе.

– Всем лежать! Я сказал, лежать! Тогда никто не пострадает! – прорычал бандит в маске, держа пистолет с уверенностью профессионала, описывая им широкую дугу, готовый в любой момент спустить курок. Женский визг пронзил воздух.

– Лежать! Лежать! – эхом отдавались крики.

На верхнем этаже, словно тени, террористы ворвались в застеклённые ложи, предназначенные лишь для избранных, и, приставив оружие к вискам перепуганных чиновников, заставили их опуститься на колени. Шампанское, символ беззаботной роскоши, пролилось на пол. Обезумевшие от страха, они безропотно подчинялись, цепляясь за ускользающую жизнь. На плечах боевиков, одетых в городскую камуфляжную военную форму, красовались нашивки с эмблемой клана Аомидзучи – печально известной японской преступной организации.

Тем временем, на улицах, французские полицейские и отряды спецназа США, действуя как единый организм, готовились к штурму здания, отдавая чёткие команды по громкоговорителям и разворачиваясь в боевые порядки. Их кропотливая работа по сбору разведанных в течение последних недель, наконец, должна была принести свои плоды. Настало время действовать. Эстель Агирре, сидя за рулем бронированного автомобиля RMMV Survivor R, бросила мимолётный взгляд на затянутое тучами небо. Они приближались к театру с западной стороны, двигаясь вдоль станции метро Рю-де-Маткрин. Солнце, словно разгневанный зверь, пыталось прорваться сквозь пелену облаков, неумолимо приближаясь к зениту. Над головой с оглушительным рёвом кружили полицейские вертолёты.

По радио звучали доклады штурмовых групп, сотен полицейских, стягивающихся со всего города к прилегающим улицам, перекрывая все маршруты отступления. Почти все силы национальной полиции были задействованы в этой тщательно спланированной операции, действуя в тесном взаимодействии со спецназом, чтобы нейтрализовать главаря террористов и освободить заложников. Заместитель комиссара французской полиции лишь сожалел о том, что они не смогли предотвратить эту трагедию раньше.

– Начинаем, – скомандовал он, и его голос прозвучал в микрофоне с хрипотцой. Группа спецназовцев, облачённых в безликие чёрные шлемы и бронежилеты, сжимающих в руках штурмовые винтовки, заполнила площадь перед главным входом в театр. Но прежде чем они успели сделать хоть шаг, из глубины здания донесся приглушённый гулкий звук, похожий на взрыв гранаты. Обменявшись тревожными взглядами, они всё равно двинулись вперёд, выполняя приказ, отданный сотням других офицеров по всему городу. Оружие было на взводе и готово к бою.

Рации потрескивали, связывая их с другими командами – сетью невидимых нитей, натянутых над городом. Так или иначе, сегодня "Аомидзучи" будут остановлены.

Эстель повернулась к Адаму, сидевшему рядом. Он казался спящим, погружённым в предрассветную дрему.

— Адам, проснись, — прошептала она, легонько толкнув его локтём в бок.

Адам Хантер вздрогнул, словно очнулся от кошмара. В глазах мелькнула тень, тут же сменившаяся настороженной решимостью. Он кивнул, коротко и ясно.

— Готов.

Щелчок. Эстель взвела курок "беретты", досылая патрон в патронник. Механический звук эхом отозвался в тесном салоне. Взгляд упал на разложенные на приборной панели отчёты. Фотография. Нашивки на форме с изображением змеи, обвивающей клинок — эмблема "Аомидзучи".

Ни страха, ни злости. Лишь холодная решимость, словно стальной корсет, сжимающий волю. Напоминание о том, с кем они столкнулись, и почему отступление невозможно. Неудача — не вариант. Это было бы её концом.

Она посмотрела на Адама. В его взгляде, спокойном и сосредоточенном, читалось безоговорочное понимание. Он знал, на что они шли, каждую деталь, каждый риск, выстраданный ими вместе.

— Вперёд.

— Вперёд, вперёд, — эхом отозвался он.

Завыли сирены, разрывая тишину. Они распахнули двери и, словно тени, скользнули из машины, вскинув оружие и надев шлемы. В ту же секунду, с визгом шин, возле кинотеатра затормозил чёрный фургон спецназа. Острый взгляд Эстель мгновенно выхватил и идентифицировал его опознавательные знаки.

Она перебросила Адаму обойму, и он перехватил её на лету. Из фургона, словно из чрева, высыпали французские спецназовцы. Их командир помахал им, приглашая присоединиться.

— Сержанты. Мы вас проводим.

Адам Хантер ответил строгим кивком. В торопливой тишине они присоединились к команде, заняв позицию у западного входа в зал.

Они напряжённо наблюдали, как один из спецназовцев подсоединил канистры с газом к системе вентиляции здания, трижды повернув вентиль. Эстель натянула противогаз. Адам сделал то же самое.

Все замерли в ожидании. Наконец, спецназовец подал условный сигнал. Груз доставлен. Сквозь фильтр противогаза хриплый голос Эстель прозвучал как скрежет камня о камень.

— Подходим.

Внутри театра, в одной из лож на верхнем этаже, одетый в безупречный костюм японец лет сорока пяти смотрел сквозь стекло на ряды зрителей внизу. Люди начали оседать, теряя сознание. Он сразу понял. Повернулся к стоявшей рядом с ним восточной женщине. Она спокойно кивнула, подтверждая, что осознаёт происходящее. Они надели тактические противогазы.

Женщина достала бесшумный пистолет и, не говоря ни слова, вышла из ложи. Они продумали каждую мелочь. Ошибок быть не должно.

Хорошо одетый мужчина снова посмотрел вниз и тихо выдохнул. Его звали Леон Шива.

На нижнем этаже один из террористов "Аомидзучи" намочил тряпку в питьевом фонтанчике и обвязал ею лицо. Остальные натягивали рабочие респираторы и грубые маски. Он видел, как они взводят курки автоматов, выкрикивая короткие команды, готовясь к штурму.

Время истекало.

Спецназовцы, словно тени, прорвались сквозь двери кинотеатра, и зал вспыхнул огнём перестрелки. Их движения, отточенные до совершенства, были стремительны, бесшумны и смертоносны.

В изогнутом коридоре трое бойцов, выстроившись клином, жестами подавали сигналы Адаму и Эстель. Они разделились. Эстель и спецназовцы вихрем взлетели по лестнице, а Адам, с пистолетом в опущенной руке, но готовым к бою, бесшумно скользил по другой стороне, методично зачищая комнату за комнатой.

Он открывал двери, сканируя каждый уголок, словно хирург, проводящий сложнейшую операцию. Пульс оставался ровным, на лбу – ни капли пота. Эти смертельные игры были его ремеслом, к которому он готовился с маниакальной тщательностью. Не было места сомнениям, лишь холодный выбор: действовать или умереть. Ворвавшись в третью комнату, он увидел мужчину в безупречном костюме, который, казалось, невозмутимо стоял и смахивал с плеча несуществующую пылинку, пока не осознал, что его мир нарушен.

Леон Шива обернулся. – Мы живем в сумеречном мире, мистер Хантер, – произнёс он, и его голос, искажённый фильтром противогаза и пронизанный едва уловимым японским акцентом, прозвучал как глубокое, успокаивающее воркование. Его тёмно-карие глаза встретились с ледяным взглядом Адама. – И в сумерках не бывает друзей.

Адам Хантер усмехнулся, чуть опустив ствол пистолета. В голове роились мрачные мысли. – Тебя подставили, Шива, – сказал он. – Эта осада – лишь прикрытие для Аомидзучи, чтобы уничтожить тебя. Мы несколько месяцев следили за их грязными играми. Они используют тебя, как марионетку, а потом выбросят, как мусор.

Шива фыркнул, изобразив нескрываемое веселье. – Неужели ты думаешь, я не знаю об их предательстве? Уверяю тебя, мой друг, я рассчитаюсь с ними,

как только они выполнят свою задачу. Мою задачу. Пауку следует больше бояться человека, Адам.

Адам слегка опустил пистолет. — Послушай, у меня есть два варианта: арестовать тебя или пристрелить. У тебя шестьдесят секунд, Леон. Решай. В любом случае, игра окончена.

Шива кивнул, театрально раскинув руки в стороны. — Ты мог бы убить меня, Адам. За ту боль, что я причинил твоей семье. За то зло, что я обрушил на весь мир. — Под маской противогаза его лицо исказила жуткая улыбка, словно мышцы застыли в предсмертной гримасе.

Адам не дрогнул, выдержав его взгляд, стараясь сохранить спокойствие.

— Ты не виноват в смерти Сэмми. Не играй в мои игры, Шива. Где меч?

Шива нахмурился, небрежно одернул пиджак, пожал плечами и устремил взгляд вверх. — Не здесь. — Его мысли вернулись к Онихиме и их тщательно разработанному плану. Усмехнувшись, он наклонил голову — ещё одно поразительно грациозное движение, как будто он когда-то брал уроки танцев, прежде чем выбрать карьеру наёмного террориста-изгоя. — Ты уже проиграл, мой старый друг.

Впервые с тех пор, как Адам вошел в комнату, в его глазах мелькнула эмоция, и она была злобной. Что-то в невозмутимости Шивы выводило из себя. Его губы обнажили зубы в едва заметном оскале, больше зверином, чем человеческом. Затем эмоция исчезла так быстро, что Шива мог бы и не заметить её, моргнув.

Но он не моргнул. Шива двигался с невероятной скоростью, воспользовавшись долей секунды замешательства.

Он выбил пистолет из руки Адама одним ударом, сломав запястье с громким двойным щелчком. Адам выругался от пронзительной боли, отшатнулся, но инстинктивно попытался поднять пистолет, открыв огонь. Левая рука Шивы отлетела назад, когда пуля пробил трицепс. Казалось, он не почувствовал ничего, кроме резкого толчка, когда свинец вонзился в плоть.

Адам не успел додумать свою мысль до конца, как заметил краем глаза движение. Это были тёмные волосы Шивы, который, пригнувшись, выбежал за дверь в коридор. Адам выстрелил ещё раз, но из-за боли в сломанном запястье не рассчитал время выстрела.

— Чёрт! — выругался он, согнувшись от боли.

В коридоре Шива разбил стекло в дальнем конце и выглянул наружу, чтобы посмотреть, что происходит внизу. Он достал из-за пояса чёрную верёвку, привязал её к колонне и перемахнул через край.

Макс Стоун прищурил левый глаз, принимая стойку каратиста, пока костяшки его сжатого кулака не коснулись грубой поверхности боксёрской груши.

Он выпрямился, стремясь унять дрожь волнения. Один удар. Всё решится в этот миг. После долгих месяцев изнурительных тренировок, его отец, Аксель, наконец, сможет с гордостью взглянуть на него.

Вдох. Сосредоточенность. Выдох. Расслабление. "Почувствуй это. Слейся с моментом". Слова эхом отдавались в его мозгу, пульсируя в унисон с бешено бьющимся сердцем. Ему потребовался ещё один глубокий вдох, чтобы обуздать страх и направить всю энергию в предстоящий удар.

Он должен это сделать. Доказать отцу, что он способен на это. Ледяная лавина сомнений пронеслась в голове, грозя погрести под собой всю уверенность. Что, если он потерпит неудачу?

Макс едва заметно передвинул правую руку. Аксель Стоун наблюдал за ним, словно переживая заново собственные тренировки. "Почувствуй волны своих эмоций," – звучал в памяти его глубокий, медвежий голос. "Ты – хозяин своих чувств. Рассчитай момент освобождения между волнами". Несмотря на бешено колотящееся сердце, Макс кивнул, фиксируя взгляд на боксёрской груше. В додзё было прохладно благодаря системе кондиционирования, но струйка пота предательски попала ему в глаз.

Его веки сомкнулись. Неожиданно для себя, с кошачьей грацией он перешёл в глубокий присед, пружинисто согнув колени, и обрушил на грушу сокрушительный апперкот, разорвавший её плотную кожу.

– Большой Апперкот!

Груша, словно подброшенная взрывом, отлетела назад и с грохотом врезалась в защитную сетку на стене. Макс, повинувшись инерции, выровнялся, слегка покачнувшись на каблуках, затем замер, поворачивая голову в поисках отца.

– Превосходно! Великолепно! – прозвучал голос Акселя сквозь густую, тщательно подстриженную светлую бороду. На его лице играла сдержанная улыбка. – Ты начинаешь постигать суть, Макс. Думаю, Локк был бы впечатлён.

Макс жадно впитал похвалу, ощущая волну прилив успеха. Он не смог сдержать улыбки. – Спасибо, отец, – почти автоматически произнёс он. В его карих, цвета горького шоколада, глазах отразилось облегчение. Мать всегда поддерживала его стремление к боевым искусствам, убеждая, что обретение внутренней силы – единственная достойная мотивация, и только в последние годы, после Кообо, он воспринял её слова всерьёз.

"Как много может измениться за такой короткий срок," подумал он.

– Ты заслужил свой чёрный пояс, – торжественно произнёс Аксель. – Добро пожаловать в клуб. – Он подошёл, чтобы повязать пояс на талии сына, сначала сняв его коричневый пояс, не прерывая зрительного контакта. – Помни. Этот пояс – всего лишь символ. Очисти свой разум от тщеславия. И прими мои поздравления.

Макс повернулся и слегка поклонился зрителям, которые отозвались сдержанными аплодисментами. Ему едва исполнилось двадцать. Его тринадцатилетняя сестра, Дженнифер, стояла в первом ряду с тётёй Тиной,

окружённая другими учениками и их родителями, но его матери, Блейз Филдинг, снова не было видно. Он окинул взглядом толпу, надеясь увидеть её лицо, но тщетно.

Он отмахнулся от этого чувства, как от назойливой мухи. Слишком хорошо знал он, как вязка и мрачна может быть жизнь в этом городе. Порой казалось, что его мать – едва ли не единственная искра света, что ещё теплится в этом затхлом месте.

Аксель похлопал его по плечу, словно выныривая из задумчивости. – Сегодня вечером едим всё, что душа пожелает, – пробормотал он, скорее себе под нос, но с теплотой в голосе.

Макс коротко кивнул, тихо соглашаясь: – Значит, индийская еда на вынос. Ты же знаешь... пища богов.

Аксель одарил его понимающей, почти отеческой улыбкой, и пошёл отпускать класс, попутно подписывая какие-то бумаги.

Народ начал расходиться. Макс направился к Дженнифер и Тине. Увидев его, обе расплылись в улыбках и заключили в ободряющие объятия. Дженнифер тут же затеяла шутливую борьбу, нанося выпады, которые он с театральным видом блокировал. Вокруг них люди переминались с ноги на ногу, болтали, и в воздухе витал гул смешанных, весёлых разговоров.

– Неплохая форма, братишка, – хмыкнула Дженнифер Стоун, выпрямляясь и оперев руки в бока.

Макс встретился с ней взглядом, и на поверхность хлынули обрывки детских воспоминаний. Он невольно расхохотался, но тут же посерьёзnel, опустив руки. – Спасибо, Джен. Это много для меня значит.

Она гордо улыбнулась. Ей было приятно видеть, что брат становится лучше. Она знала, каким трудным было его детство, и как это повлияло на него. Многие изменилось с возвращением отца. То, как он бросил их, уехав на Аляску, оставило глубокую рану в их семье, и им всем пришлось пройти долгий путь, чтобы добраться до этого момента, до момента, когда они снова стали семьей.

– Видишь? – сказала она с лукавой улыбкой. – Прогресс.

Он посмотрел на неё с легкой тоской и кивнул, восхищаясь её неистребимым позитивом. – Мама не смогла прийти? – спросил он, стараясь скрыть разочарование.

Её губы плотно сжались, выдавая волнение, но мышцы вокруг них всё же сложились в подобие улыбки. Она глубоко вдохнула, раздувая ноздри, словно собираясь с духом.

– В Вуд-Оук-Сити произошла ещё одна загадочная смерть, – сообщила она, тщательно подбирая слова. – Ты же знаешь, как сейчас всё обстоит. А мама – лучшая из лучших. Будем честны.

— Да. Я знаю, — смиренно ответил Макс. — Похоже, ей и правда не отвертеться. — Его мысли ускользнули куда-то далеко. — Интересно, кто на этот раз окажется психом. Без сомнения, какой-нибудь случайный отморозок.

Дженнифер обеспокоенно посмотрела на него. — Сейчас не время говорить об этом. И тем больше я за неё волнуюсь.

Он по-братски обнял её за плечи. — Я уверен, она будет здесь, как только сможет. — Пока они разговаривали, Тина Стоун протиснулась сквозь толпу и подошла к своему брату, Акселю.

— Тина, — произнёс он, заметно потеплевшим тоном, когда она приблизилась. Он отложил бумаги на стол и внимательно посмотрел на неё. — Спасибо, что привела её. Я знаю, Макс это ценит.

Она улыбнулась, слегка склонив голову набок, словно погружившись в свои мысли. Его слова слегка озадачили Дженнифер, словно она никогда раньше не видела подобного проявления чувств. — Всегда пожалуйста, брат, — ответила Тина. В её голубых глазах на мгновение вспыхнул какой-то огонёк. В памяти всплыл недавний телефонный разговор с мамой Дженнифер. — Кстати, тебе сообщение от Блейз. Она хочет, чтобы ты сегодня вечером встретился с ними в ZanTech Labs. Как будешь готов.

Аксель отвернулся, услышав эти слова. На его лбу пролегла глубокая складка, придавая лицу суровое и сосредоточенное выражение. Он стиснул зубы, переваривая эту неожиданную новость. Через пару секунд он снова посмотрел на неё и спросил: — С кем с "ними"?

— Блейз, Адам, Эстель. Зан и Флойд, — перечислила Тина, повторяя слова Блейз Филдинг. — Кажется, опять что-то затевается. Что-то важное, судя по всему. Она не хотела много говорить, но... они хотят, чтобы ты стал частью новых разработок.

Он пристально посмотрел на неё в ответ, не выдавая ни единой эмоции. Его чувства были заперты глубоко внутри, словно в надёжно охраняемом сейфе. Чтобы добраться до них, нужен был настоящий мастер-взломщик. И хотя его сестра долгие годы пыталась понять его, большая часть его забот была надёжно спрятана, похоронена глубоко, в самом безопасном месте. Спустя секунду он кивнул, словно соглашаясь с какой-то своей тайной мыслью.

— Отлично, — произнёс он. — Благодарю, Тина. Как только мы с Максом устроим праздничный ужин, я, пожалуй, нанесу им визит.

Лаборатория ZanTech
Вуд-Оук-Сити
Среда

— Проект "Зулу", — отчеканил Адам Хантер, и его слова гулко отозвались в тишине лаборатории.

Акселя словно пронзила ледяная игла. В голове вспыхнули зловещие образы: безликие учёные, коварные преступники, плетущие сеть интриг. Он глубоко вздохнул, дважды, словно пытаясь ухватить ускользающий воздух.

— Я так и знал, — выдохнул он, словно предчувствие, тускло мерцавшее на периферии сознания, вдруг обрело чёткие очертания. Может, это проснулись гены Блейз, а может, просто здравый смысл восторжествовал в этот миг.

Они сидели в главной лаборатории, разделённые лишь низкой перегородкой, играющей роль стола. Флойд Ирайя, Эстель Агирре и Блейз Филдинг — напротив, а доктор Гилберт Зан — во главе стола, его андроидное тело покоилось на гусеницах, словно у танка. "Стул для меня — излишняя роскошь," любил повторять он.

Адам Хантер излагал факты чётко, бесстрастно, словно зачитывал лекцию. Его рассказ о цепочке событий, приведших их к этому моменту, звучал почти отстранённо, словно он был лишь наблюдателем. Он просто делился тем, что знал. Безусловно, что-то назревало, но, возможно, так казалось всегда.

— Проект "Зулу" — это продолжение исследований, начатых Синдикатом Игрек с использованием древних артефактов шиноби, — произнёс он, и каменное выражение его лица не дрогнуло, когда он обвёл взглядом присутствующих, выискивая тревогу в их глазах. — Их план — подчинить волю населения планеты, установив контроль над разумом. В годы, последовавшие за войнами Синдикатов, Шива неустанно трудился над объединением разрозненных преступных группировок мира, используя свой уникальный опыт работы на вершине Синдиката и в рядах Нового Синдиката, чтобы дёргать за ниточки из-за решетки китайской тюрьмы. Он создал новую эру бандитизма в крупнейших городах мира, став катализатором, породившим Сынов Тьмы в Вуд-Оук-Сити несколько лет назад.

Закончив, он замолчал, давая им время переварить услышанное. Аксель шумно втянул воздух, словно зверь, готовый к прыжку.

— Мы покончили с Сынами Тьмы. Кообо мёртв. Уракабарамизля больше нет. Сейчас всё дело в Аомидзучи.

Адам встретился с ним взглядом.

— Это соответствует планам Шивы — работать через Аомидзучи. Он использовал их, чтобы заполучить реликвию Дзёмона, известную как Акудзики. Согласно легендам шиноби, Акудзики — это проклятый меч, сокрытый во времена правления клана Оборо, меч, что пил кровь воинов и похищал их души. Шива одержим идеей найти этот артефакт, чтобы реализовать свои планы в рамках проекта "Зулу", полагая, что в нём заключена невероятная сила, подобно другим артефактам шиноби, с которыми мы уже сталкивались. — Он бросил взгляд на Эстель, свою напарницу, и в этом коротком обмене взглядами отразилась вся тяжесть проделанной работы.

Она кивнула, и длинная, искусно заплетённая светлая коса перекинулась через её левое плечо. Виски были выбриты, а в глазах плескалась стальная решимость.

— Мы ожидали их нападения на театр в Париже уже несколько месяцев, — произнесла она хрипловатым голосом с едва уловимым акцентом, и взгляд её приковался к Акселю. — Разведданные указывали на то, что в тот день должна была состояться сделка по продаже меча Акудзики на чёрном рынке. В этом были замешаны весьма влиятельные люди. К несчастью для нас, Шива и его подручные исчезли, несмотря на все усилия задействованных сил спецназа — вместе со всеми следами артефакта. Он умудрился избежать столкновения с целой армией правоохранителей. Просто растворился в воздухе.

Аксель кивнул, глубоко вздохнул и поймал на себе задумчивый взгляд Блейз. Для неё это никогда не заканчивалось. И, похоже, для него тоже.

— Остальные террористы из Аомидзучи были задержаны, — добавил Адам. Пока говорила Эстель, он поднялся со своего места и ходил по комнате, словно загнанный зверь, а теперь остановился напротив стола, скрестив руки на груди. Воспоминания о недавней операции в Париже нахлынули на него, и боль сомнений, терзавших его последние пару ночей, пронзила его словно ледяной кинжал.

Блейз Филдинг пару раз моргнула, переваривая информацию. Арест террористов из Аомидзучи, безусловно, был лишь началом. Утечка информации могла вывести их на Шиву, если всё будет сделано правильно. Но, конечно, Адам и Эстель, скорее всего, уже подумали об этом.

— Вы их допрашивали? — спросила она.

Адам развел руками.

— Как обычно, молчат. Голодовки и всё такое. Но поскольку в последнее время в Вуд-Оук-Сити вновь появились признаки активности Аомидзучи, мы с Эстель здесь, чтобы провести дальнейшее расследование.

В голове Блейз вихрем пронеслись мысли: горы макулатуры, заваленные столы полицейского управления Вуд-Оук-Сити, нервозность комиссара Бернстайна при упоминании Аомидзучи. Её не покидала мысль о загадочных смертях, над которыми они работали с Мерфи, и о зловещей тени, нависшей над ними.

— За последние месяцы Вуд-Оук-Сити захлестнула волна смертей, — проговорила она, словно вслух формулируя свои подозрения. — Странные мутации, кошмарные новообразования... Словно те, что сплёл диджей K-Washi, отродье Синдиката Игрек.

Нарушив гнетущее молчание, заговорил Флойд. — Разве мы не пришли к выводу, что в деле K-Washi были замешаны древние артефакты шиноби? Что там вообще забыл синдикат? — Его кибернетические руки лежали на столе, механические пальцы выбивали нервную дробь по столешнице. Он замер, когда доктор Гилберт Зан наклонился вперёд, поднимая руки в примирительном жесте, сопровождаемом тихим жужжанием сервомоторов.

— Да, — подтвердил Зан. — Мы полагали, что избавились от всех пропавших реликвий, когда вы уничтожили Уракабарамизэля. Но кто знает, сколько ещё их затерялось во тьме веков?

— Есть ли у вас хоть какие-то предположения, кто может быть причастен к этим смертям? — спросил Аксель, не отрывая взгляда от лица Блейз. Выбившаяся прядь каштановых волос упала ей на щеку. Она машинально поправила причёску, убирая волосы с шеи.

— У нас с Мерфи пока слишком мало зацепок, — отрезала она. — В основном бумажная волокита. Но чутьё подсказывает мне, что здесь не обошлось без влияния Шивы. А если учесть, что над всем этим нависает зловещий проект "Зулу", совпадением это назвать сложно.

— С чего нам начать? — спросил Адам, подходя к столу и едва не задев его бедром. — Эстель и я здесь, чтобы остановить Шиву, и я знал, что могу рассчитывать на вашу помощь.

Блейз Филдинг вздохнула и кивнула. Ледяная волна тревоги захлестнула её, когда обрывочные мысли начали складываться в единую картину, подобно сложному оригами. Внутри рождалось неоспоримое предчувствие. Она встретилась с Адамом взглядом и тихо произнесла: — Кажется, у меня есть идея.

Мужчина, известный как мистер Игрек, сидел на своей койке, по обыкновению погружённый в омут собственных дум. На лице, белом, как у альбиноса, застыла маска мрачного безразличия, а седые пряди растрёпанных волос падали на глаза, словно траурные вуали.

Двадцать три часа в сутки он проводил в одиночной камере — бетонном склепе размером семь на двенадцать футов. Здесь не было ни окон, ни связи с миром за стенами. Базовый гуманитарный паёк — трёхразовое питание — просачивался сквозь щель в единственной титановой двери, защищённой механическими замками и стазис-полем ZanTech. Побег был невозможен, если не считать ежедневного часового моциона под усиленной охраной в закрытой клетке, приоткрытой навстречу глотку свежего воздуха.

Четыре года он был узником этой темницы, но так было не всегда. Когда-то он и его дорогая сестра, мисс Игрек, стояли во главе синдиката Игрек, стремясь воплотить в жизнь мечту их покойного отца. Действуя из тени знаменитого фамильного замка Ксетеуса — воздвигнутого на секретной островной базе в Тихом океане, создание которой санкционировал сам мистер Икс, используя достижения генной инженерии — близнецов Игрек...

Он рос в изоляции, с единственной целью — исполнить обеты, данные мистером Икс в ходе революции, если его безвременная кончина помешает ему сделать это самому.

Джордж Ксетеус, отец мистера Игрек, был, по его глубокому убеждению, одним из величайших людей в истории — последним в длинной семейной линии, которую он с гордостью прослеживал на протяжении нескольких столетий, изучая летописи предков и находя самые ранние упоминания имени «Ксетеус» в Южной Америке около 846 года нашей эры. Достойные мужчины и женщины, все они всегда противостояли идеалам, навязываемым обществами, стремившимися поработить их, боролись за мир, в котором каждый человек

мог бы наслаждаться своей истинной свободой: без оков контроля, навязанных ему привилегированными властями. Обрамлённые в золото портреты этих великих предков Ксетеуса всю его жизнь украшали освещённый канделябрами зал фамильного замка, неустанно напоминая мистеру Игрек о его истинной сущности, несмотря на неортодоксальность его генетического происхождения.

Так было, конечно, до того дня, когда замок был несправедливо разрушен четыре года назад во время военной атаки Нового мирового порядка. Эти назойливые грызуны во главе с Блейз Филдинг – большинство из которых ранее работали в международном детективном агентстве "Огненный шторм" – ворвались на базу и положили конец всем их трудам; эти жалкие линчеватели, эти идеалистические "блюстителы закона", которые стали причиной смерти его отца и разрушили десятилетия тщательного планирования и миллиарды вложенных долларов. В тот день синдикат Игрек рухнул, словно картонный домик, и ему уже не суждено было возродиться.

И его сестра...

Одна из бровей мистера Игрек судорожно дернулась при мысли о ней. Он любил мисс Игрек так же сильно, как и самого себя, ведь в конечном счёте они были двумя сторонами одной медали: единственным клоном любимой матери их отца, разделившимся на две зиготы во время роковой процедуры. Они были словно один и тот же человек, рождённый с двумя душами; нисходящий дух Марии Камилы, обитающий в двух человеческих телах.

Концепция Ба и Ка была древней научной и в то же время духовной идеей, которую он всегда мечтал обсудить со своим отцом, если бы тот ещё был жив; их отец, чьи великие эксперименты с "Теневой Рукой" положили начало переносу сознания и продлению жизни за пределы обычного понимания. Воистину, видение мистера Икс как повелителя золотых драконов Сохариса было вплетено в саму ткань судьбы, а близнецы Игрек были её живыми наследниками, единственной нитью, связывающей их с обречённым величием.

Он поднял обе руки и устало потёр ими лицо.

Мгновение он сидел, тяжело дыша сквозь ноздри в ладони, изо всех сил пытаясь подавить рвущиеся наружу эмоции. Ему было запрещено видеться с сестрой. Всё, что он знал – это то, что некоторое время назад она перенесла медицинскую операцию, прошла восстановительную физиотерапию и теперь содержится в этом же учреждении, отбывая несколько пожизненных сроков, как и он.

Он ни разу не видел её с тех пор, как закончился их фарс под названием суд. Если не произойдёт какого-нибудь немыслимого чуда, они оба умрут здесь от старости, превратившись в бледные тени самих себя.

Пронзительный сигнал разорвал тишину. Над дверью камеры вспыхнул изумрудный глаз, и утробное ворчание механических замков возвестило об освобождении.

Лязг, сперва грубый и властный, стих, словно выдыхающийся зверь, когда ZanTech снял стазис-поле.

Мистер Игрек поднял голову, опустив онемевшие руки на колени. Словно выпущенные из пружины, четверо охранников в глухой броне, вооружённые потрескивающими электрошокерами, ворвались в камеру, сомкнув вокруг него стальное кольцо. Один из них, скрестив пальцы в повелительном жесте, прорычал:

– Шевелись, заключённый. Ты знаешь процедуру. Сегодня твой счастливый день. У тебя гости.

В глубине глаз мистера Игрека вспыхнул слабый отблеск надежды, но он по-прежнему хранил молчание, дыхание оставалось ровным и спокойным. Буря эмоций, бушевавшая в нём мгновение назад, схлынула, уступив место холодному, выжидательному спокойствию. Медленно поднявшись, он безропотно позволил охранникам связать себя, подчиняясь их грубым приказам.

"Возможно, не всё ещё потеряно... возможно, в будущем ещё мерцает искра надежды," промелькнуло в его сознании, и его глаза, словно покрытые тонкой плёнкой льда, смотрели сквозь тюремные стены, когда его уводили прочь.

Новая тюрьма А2, административное учреждение строгого режима штата Невада

Акселя Стоуна и Блейз Филдинг проводили в зону безопасности двое: Барнаби, один из тюремных надзирателей, и Роберт Мерфи, напарник Блейз из полицейского управления. Они остановились перед дверью, оснащенной электронным Y-образным замком.

– На этом мы вас оставляем, – проговорил Барнаби, нахмутив густые брови. Круглое лицо, поросшее аккуратно подстриженной щетиной, и каштановые волосы, тщательно уложенные под фуражкой, придавали ему вид человека дотошного и педантичного. Он рассеянно вводил команды в планшетный компьютер, держа его в левой руке. – Мы будем в комнате наблюдения, следить за камерами. Удачи.

Блейз кивнула и обменялась обеспокоенным взглядом с Мерфи, облачённым в строгий костюм.

– Будь осторожна, – предостерёг он. – Просто дай нам знак, или что-нибудь...

– С нами всё будет в порядке, – заверила она его, чувствуя, как его беспокойство нарастает. Она дружески похлопала его по плечу и повернула голову, чтобы увидеть, как дверь с тихим гидравлическим шипением отворяется. – Это не первая наша встреча.

Аксель усмехнулся, затем, подмигнув Мерфи и показав большой палец вверх, первым шагнул в образовавшийся проём. Блейз последовала за ним по пятам. Переступая порог, он ощутил едва уловимую разницу в уровне окружающего шума, которую замечал на протяжении всего их пути от главной приёмной. Признаки использования множества стазисных полей, подумал он, как это и принято в наши дни.

Они вошли в стерильно-белый коридор без окон, следуя указателям, и остановились бок о бок перед ещё одной дверью в конце. Красный огонёк над ней горел, сигнализируя о том, что комната заперта.

Аксель, ожидая, не сводил взгляда с Блейз. – Должен признать, было бы приятно встретиться со старым другом, – произнёс он с лёгкой иронией.

Она глубоко вздохнула, на мгновение в её голове мелькнули обрывки воспоминаний, затем она встретилась с ним взглядом. – Мы ближе, чем когда-либо, – проговорила она приглушённым, стальным голосом. – Я чувствую это.

Аксель заметил, как она держала руки вместе, неосознанно касаясь запястий. Нервничает. Её слегка трясло. Он нахмурился. – Ты дрожишь, – констатировал он решительно, по-мужски. – Ты в порядке?

Она сжала руки ещё сильнее и повернулась к нему, застигнутая врасплох его наблюдением.

– Это не идеальная ситуация, – напомнила она ему. – Этот человек нам не друг, Аксель.

Он стиснул зубы. Она была права. Сарказм мгновенно испарился, сменившись твёрдой решимостью. Загорелся зелёный свет, и дверь отворилась. Они прошли в небольшую, пустую комнату охраны, площадью не более двадцати пяти квадратных футов, и дверь за ними захлопнулась. Камеры, установленные по четырём углам, горели зелёными огоньками, подтверждая свою работу. На противоположной стороне открылась бронированная дверь, и в комнату вкатили клетку размером с человека.

Сердце Блейз забилося чаще. Увидеть мистера Игрек... это потрясло её сильнее, чем она ожидала. Но она взяла эмоции под контроль, подчинив свою ауру своей воле. Глубокий вдох – и тревога отступила, словно вода, утекающая сквозь пальцы. Она наблюдала, как охранники установили клетку в центре комнаты и поспешно удалились через ту же дверь, что и вошли. Дверь снова заперлась, но Блейз знала, что охранники останутся начеку по ту сторону, следуя протоколу.

Мистер Игрек был закован в кандалы, лишённый возможности двигаться. Голова его слегка наклонилась вперёд, а широко раскрытые глаза смотрели на них с каким-то извращённым удовлетворением.

– Боже милостивый, – прозвучал его приглушённый, почти женственный голос. – Аксель Стоун и Блейз Филдинг. Я думал, после того как вы меня сюда спровадили, наши пути никогда больше не пересекутся. Но, видимо, судьба решила сыграть с нами злую шутку.

Безумная ухмылка расцвела на его лице, обнажая жёлтые, щербатые зубы. Аксель не мог понять, искренне ли этот человек доволен их визитом, или это лишь часть его бредового представления, но в одном он был уверен: мистер Игрек не станет откровенничать просто так. Любая попытка вытянуть из него информацию провалится, если они не сбросят маски.

Он откашлялся, собираясь с духом.

— Здравствуйте, мистер Игрек, — произнёс Аксель. — Надеюсь, вы чувствовали себя здесь комфортно последние несколько лет. Мы позаботились о том, чтобы вам было предоставлено всё самое лучшее.

Мистер Игрек издал легкий смешок, устремив на него взгляд.

— О да, Аксель. Весьма уютно, как ты и сам можешь представить. Это дало мне много времени для размышлений.

Уголки его губ опустились, улыбка исчезла, и в глазах мелькнула неприкрытая серьёзность.

— Чего вы хотите?

— В Вуд-Оук-Сити в последнее время произошла серия необъяснимых смертей, — вступила Блейз Филдинг. — Что самое интересное, к ним может быть причастен кто-то, имеющий доступ к технологиям Синдиката Игрек. Технологии, которую вы и ваша сестра использовали для создания K-Washi.

Мистер Игрек внимательно слушал её, и на мгновение его лицо смягчилось, словно тень удивления коснулась его черт, когда он осознал смысл этой информации. Но это было лишь мимолётное проявление, которое тут же сменилось стоическим выражением.

Он молчал, не отрывая от неё взгляда.

— Возможно, Леон Шива замешан в этом, — перешёл к делу Аксель.

Лицо мистера Игрек оставалось непроницаемым, словно высеченным из камня. Он глубоко вздохнул.

— И вот вы пришли ко мне, — медленно произнёс он, — полагая, что я смогу направить вас по верному пути. Должен признать, ваши аргументы звучат убедительно. Но, возможно, всё это часть моего собственного замысла, и судьба сыграла с вами злую шутку, заманив вас прямо в мои сети.

— У Шивы всегда были свои планы, — парировала Блейз. — То, что он затевает с Project Zulu, превратит все ваши разработки в жалкую пародию и навсегда оставит наследие Ксетеуса в прошлом. Ваша жизнь и жизнь вашей сестры будут ничем иным, как провалом. Ошибкой. Несчастливым случаем, который он с радостью забудет, чтобы достичь своих целей. В мире, под контролем Леона Шивы, не останется места его конкурентам.

— Полагаю, вам он знаком лучше, чем мне, — протянул мистер Игрек с лёгкой насмешкой в голосе. — Учитывая вашу долгую и... уникальную историю с ним. Но вам не нужно убеждать меня в его предательстве. Его поступки в конце войн Синдиката навсегда запятнали его связь с именем Ксетеуса. Хотя это было так давно...

— Наш враг — ваш враг, — отрезал Аксель.

Мистер Игрек устало взглянул на него, словно тема разговора ему порядком надоела. Вместо этого он решил добавить щепотку соли в старую рану.

– Блейз всё ещё любит тебя, Аксель. Ты знал об этом? И ты разбил ей сердце. Ты предал её.

Ноздри Акселя раздулись от гнева.

– Это не имеет отношения к делу. И к вам это не имеет никакого отношения.

Мистер Игрек криво усмехнулся, заметив, как Блейз внезапно съёжилась от его слов.

– Я нахожу историю с Энигмой весьма увлекательной. Знаете, ваши чувства друг к другу в конечном итоге приведут к вашей гибели. В конце концов.

Блейз шагнула вперёд, решив проявить смелость, а не эмоциональное смятение. Они не могли позволить ему перевернуть ситуацию в свою пользу, когда на кону стоит так много.

– Не меняй тему, – отрезала она. – Расскажи нам об артефактах Дзёмона, которые Уракабарамизель одолжил тебе. Ты поможешь нам, а мы поможем тебе уничтожить Шиву навсегда.

– Назови нам имя, – повысил голос Аксель. – И мы уйдём. Ты сможешь вернуться в свою клетку, зная, что мы его остановим.

Мистер Игрек издал тихий, насмешливый смешок, демонстрируя своё разочарование.

– Но я не хочу, чтобы вы уходили. Наше знакомство только начинается, вернее, возобновляется. Я лишь хотел узнать вас обоих получше. Знаете ли, многое из того, что мне о вас известно, я почерпнул из записей моего отца. Вы оба неизменно очаровывали его, и это кажется мне невероятно интригующим.

Плечи Акселя поникли, он шумно выдохнул, словно покоряясь неизбежному. В этом человеке было больше общего с его отцом, чем тот, вероятно, подозревал.

– Хорошо... Подойди сюда, Блейз, – произнёс мистер Игрек, поймав её взгляд своими пронзительными, как осколки льда, голубыми глазами. – Ты проявила невероятное терпение. Я должен кое-что тебе сказать. Дам тебе кое-что, чтобы твоя дорога не оказалась напрасной.

Лёгким кивком он манил её ближе, не имея возможности сдвинуться с места, скованный стальными объятиями наручников. Казалось, любой звук в этой комнате мог ускользнуть от всевидящих записывающих систем стазисного поля ZapTech, окружающего их.

Аксель с опаской наблюдал, как Блейз приблизилась к мистеру Игрек. Она встала вплотную к клетке и слегка присела, чтобы её ухо оказалось в нескольких дюймах от губ мужчины.

– Осторожно, Блейз, – инстинктивно предостерёг Аксель, протягивая руку, но она была уже вне досягаемости. Он подался вперёд, словно это позволило бы ему тоже услышать, но слова оставались недоступными.

Мистер Игрек нежно прошептал Блейз на ухо. Пока он тихо произносил эти фразы, она повернула голову и взглянула на Акселя. Он уловил перемену в её лице, то, как слова мистера Игрека повлияли на выражение её глаз, на то, как она посмотрела на него. То, как её брови нахмурились, а губы поджалась, как всегда, когда её аура начинала мерцать.

Мистер Игрек закончил говорить. Затем она отошла и встала рядом с Акселем. Блейз на мгновение погрузилась в раздумья, переваривая услышанное, затем слегка кивнула Акселю.

– Спасибо, – сказал Аксель, поймав кривую усмешку человека в клетке.

– Мы ещё увидимся, – ответил мистер Игрек. – Теперь я в этом совершенно уверен.

В бесплодных землях к северу от Вуд-Оук-Сити, где горизонт дышал маревом испепеляющей жары, Черри Хантер вцепилась в руль, словно в последнюю надежду, и бросила своего железного коня в погоню за отродьем панка, Кр. Сигнала. Пустынные холмы, изъеденные временем и радиацией, напоминали о выжженном первобытном ландшафте, навечно застывшем в библейском безмолвии. Но даже спустя двадцать шесть лет после трагического инцидента с проектом Игрек в Вуд-Оук-Сити, эта земля могла обжечь кости смертельным радиоактивным поцелуем. В знойном мареве, когда солнце обрушивало огненные кулаки на измученные склоны, редкие пучки растительности и обломки зданий, словно призрак прошлого, тонули в болезненном сине-зелёном свечении.

Черри сканировала горизонт, пытаясь выхватить из дрожащего воздуха хотя бы тень преследуемого. Он заплатит. Она заставит его заплатить. Мотоцикл, взревев от натуги, налетел на коварный плоский камень и на мгновение завис в воздухе, паря над бездной. Словно дикий зверь, вырвавшийся на свободу, заднее колесо бешено закрутилось, изрыгая клубы пыли и яростный рев двигателя. С оглушительным грохотом, от которого взвыли телескопические передние вилки, а сердце Черри подскочило к горлу, он обрушился на землю, дёрнулся влево, затем вправо, прежде чем ей удалось усмирить бешеного зверя. Теперь Черри слышала его. Второй звук двигателя, словно злобное шипение змеи, сначала едва различимый, но становящийся всё громче и злее по мере того, как она набирала скорость, преследуя сигнал "панка". Она резко выкрутила ручку газа, бросая вызов протестующему двигателю.

Колючие кусты, словно злобные когти, пронеслись мимо, оставляя кровавые царапины на руках и ногах. Но она не чувствовала боли. Вся её сущность была сосредоточена на размытом движении и ядовитом цвете в поле зрения, на удержании этого гангстера в прицеле своей ярости.

Тропинка предательски расширилась, а затем и вовсе исчезла, растворившись в широком пространстве твёрдой земли, усеянной колючими кустами,

низкорослыми деревьями и угрюмыми валунами. Впереди, словно призрак, мотоцикл панка наклонился, объезжая естественный у-образный каньон на склоне холма. Он вытянул левую ногу, словно матёрый гонщик мотокросса, и на мгновение исчез из виду, провалившись в чрево земли. Черри ответила зеркально, скользя подошвой ботинка по опалённой пустыне, ставя свой мотоцикл на грань между жизнью и смертью.

Кр. Сигнал, должно быть, услышал приближение её ярости. Он обернулся через плечо. Черри увидела его безумный ирокез и дикие белые глаза, горящие первобытной злобой. Эти сигнальщики, словно чума, расползлись по Вуд-Оук-Сити с тех пор, как банда переродилась несколько лет назад. Они встали на сторону Кообо, Красных демонов... а задолго до этого прислуживали синдикату мистера Икс – Сигналы всегда были гнойной язвой на теле города. Они были постоянной угрозой для тех, кто отчаянно пытался выжить, сохранить остатки нормальной жизни, и Черри больше не собиралась терпеть их злодеяния, особенно после всего, через что ей пришлось пройти. Нет, этот ублюдок совершил роковую ошибку и заплатит самую высокую цену за то, что посмел причинить боль её друзьям.

Но как сигнальщики узнали о свадьбе её подруги?

И вообще, почему именно сегодня? Что им было нужно от них?

Охрана была настолько усиленной, что Люси – одну из самых близких и старых школьных подруг Черри – чуть не арестовали за то, что она явилась без приглашения. Пара, вступающая в брак, были обычными людьми, двадцатилетними музыкантами, которые играли на задних дворах, дружили с группой Черри и время от времени выступали с ними на концертах, транслируемых на YouTube. Они были порядочными, законопослушными гражданами; достаточно мудрыми, чтобы понимать, что нужно держаться подальше от панков и подонков, не высовываться, чтобы просто безопасно жить в этом городе. Именно поэтому свадебную церемонию держали в строжайшем секрете, но, похоже, в эти дни в Вуд-Оук-Сити не осталось места для уединения. Этот город прогнил до самого основания, несмотря на все отчаянные попытки мэрии навести порядок.

Черри поморщилась. С расспросами придётся подождать. Она увидела, как левая рука мужчины исчезла, а затем появилась снова, сжимая пистолет – тот самый, из которого он начал палить в воздух на свадебной церемонии пятнадцать минутами ранее, до того, как разразился хаос – драка и эта безумная погоня. Не глядя, словно в бреду, панк завёл пистолет за спину и дважды выстрелил.

Пули, словно злые осы, прожужжали мимо, но Черри всё равно вздрогнула. Ещё два выстрела. Ещё два промаха. Черри крутанула байк влево-вправо, описывая безумные круги, и, переполненная решимостью, утопила газ в пол.

Она набирала скорость. Выходки этого отброса с пистолетом замедляли его, как бы он ни старался увеличить дистанцию между собой и преследователем.

Жалея, что у неё нет собственного оружия, Черри сократила расстояние между ними до критических двадцати ярдов. Пистолет снова повернулся, и на этот раз парень всё-таки рискнул бросить на неё быстрый взгляд, полный животного страха.

Он выстрелил снова. Пуля просвистела у самого виска Черри, оставив после себя лишь привкус страха и озона.

Впереди, словно манящая в бездну, зияла тропа, круто уходящая вниз. В голове вспыхнул план. Когда мотоцикл Сигнала миновал развилку, Черри, пересилив страх, заложила вираж, бросив байк на нижнюю дорогу. Мгновение – и преследователь исчез из виду.

Встав на подножки, словно цирковая акробатка, она повела мотоцикл сквозь лабиринт узких троп, пересохших русел и колючих кустарников. Ткань штанов превратилась в лохмотья, рукав рубашки безжалостно оторвался.

Она скосила взгляд влево. Над ней, словно тень, навис он. "Сработает," – подумала она с отчаянным оптимизмом, повинувшись инстинкту.

Резко прибавив газу, едва не врезавшись в упавшую пальму, она понеслась вниз по склону. Мотоцикл, как строптивый мустанг на родео, взбрыкивал, поочередно взмывая передним и задним колесом. За следующей рощей, в просвете деревьев, показалось место, где тропы вновь сливались воедино. Сразу за взгорком начиналась старая обочина, усеянная остовами ржавых машин и руинами, оставшимися со времен, предшествовавших кошмару проекта Игрек.

Достигнув перекрёстка, Черри, пригнувшись к рулю, перенесла вес вперёд и направила мотоцикл вверх по склону. На вершине, совершив дерзкий полуоборот на крошечной полянке, она обрушила его вниз, на три метра ниже, прямо на тропу. Кр. Сигнал был примерно в пятидесяти ярдах позади, хищно склонившись над рулём.

Мгновенно оценив скорость и расстояние, Черри переключилась на первую передачу и выжала газ до отказа. Двигатель взревел, и мотоцикл рванулся вперёд. Направив переднее колесо на небольшой бугорок, она вновь взмыла в воздух.

Полёт длился, казалось, целую вечность. За это время она успела заметить белые, безумные глаза Кр. Сигнала, широко распахнутые на его зверином лице. Такой странный, нездоровый цвет. В этом ледяном взгляде было что-то пугающее. Затем переднее колесо с металлическим скрежетом врезалось в руль преследователя, заглушив рёв перегруженных двигателей. Мотоциклы рухнули на землю, выбросив своих седоков в грязь.

Черри кувыркалась по каменистой почве, видя, как её мотоцикл крутится в диком танце, заднее колесо над передним, двигатель над сиденьем, топливный бак над коробкой передач. Он преследовал её по тропе, словно одержимый жаждой раздавить своей стальной рамой. Вот сейчас разможит череп о валун. С каждым ударом металла о камень в воздух взлетали оранжевые искры. Наконец, оглушённая, она врезалась в толстый, искривлённый ствол тополя. Несколько секунд она лежала, пытаясь сфокусировать зрение, которое предательски двоилось. В тридцати футах от неё два Сигнала-панка лежали в запутанном клубке из тел и металла. Когда люди и машины слились в одно, Черри, покачнувшись, поднялась на ноги. Боль пронзила всё тело.

В грязи, под кустом, виднелся пистолет. Она подбежала и схватила его. Но затвор был откинут – патроны кончились.

Кр. Сигнал уже стоял на ногах. На его скуле адела уродливая рана, кровь струилась по щетине, окрашивая выбеленные пылью чёрные волосы в зловещий бордовый цвет. Может, выстрелить она и не смогла бы, но вырубить его, а потом связать – вполне. А затем начать допрос. Она вскинула пистолет, целясь в висок врага...

...которого уже не было на линии огня. Он, казалось, растворился в воздухе, ускользнув от неминуемой расплаты, прежде чем принять боевую стойку: ноги расставлены, колени согнуты, кулаки подняты.

Черри отбросила бесполезное оружие в кусты и бросилась в атаку, целясь ребром ладони в горло парня. Панк блокировал удар и нанёс ответный, пришедшийся не по центру челюсти, заставив голову Черри резко дёрнуться в сторону.

Черри уклонилась от очередного удара – яростного, царапающего движения, нацеленного прямо в глаза, грозящего мгновенной слепотой.

"Это не сопляк Сигнал, не зелёный новичок", пронеслось у неё в голове. В движениях мужчины чувствовалась выучка, холодная расчетливость опытного гангстера, матёрого пса из бригады связи. Да, многие уличные отморозки могли помахать ножом или даже сойтись в рукопашной, если приспичит, но в этом типе была какая-то зловещая уверенность, от которой по спине Черри пробежал мороз.

Стиснув зубы, она резко замахнулась ногой, намереваясь сбить его с ног и вырубить ударом в висок. Удар пришёлся в цель, но гангстер умудрился превратить падение в акробатический этюд, зеркальным выпадом своего правого ботинка угодив Черри чуть выше лодыжки.

Теряя равновесие, она от отчаяния саданула противнику прямой в лицо, попав прямо в нос и разорвав тонкие сосуды.

Но тот увернулся, и в следующее мгновение Черри ощутила, как колени врага впились ей в живот, выбивая остатки воздуха из лёгких. Руки гангстера, словно стальные тиски, сомкнулись на её горле, начав безжалостно сдавливать. Она почувствовала, как в глазных яблоках взметнулось давление, готовое разорвать их изнутри, если она не сможет освободиться. Ледяной взгляд, устремлённый на неё, поражал своим бесстрашием. Ни злобного оскала, ни звериной ярости. Просто работа, ничего личного. "Профессиональный убийца", – настойчиво твердил внутренний голос. "Он – хладнокровный профессионал своего дела".

Зрение начало меркнуть, несмотря на все усилия Черри разорвать смертельную хватку. Она прекратила бессмысленные попытки. Так ей точно не вырваться. Противник слишком силён, а его позиция даёт ему подавляющее преимущество. Вместо этого, собрав остатки сил, Черри обеими руками нашарила в песчаной земле над головой. Пальцы наткнулись на что-то твёрдое, и она, из последних сил, подняла это над собой.

"Ты – Охотник, так сражайся как Охотник..."

Камень размером с апельсин обрушился на голову Кр. Сигнала с глухим хрустом, от которого по руке Черри пробежала дрожь. Гангстер заскулил и рухнул навзничь.

Черри попыталась оттолкнуть его и подняться на ноги. Она вложила всю свою ярость в комбинацию из двух ударов в живот, надеясь выбить из него дух и подготовить к нокаутующему финалу. Либо она промахнулась мимо солнечного сплетения, и тогда игра окончена, либо противник предвидел этот манёвр и напряг мышцы пресса, превратив их в естественную броню.

Покачиваясь, она всё же сумела встать. Две фигуры осторожно обходили друг друга, сжав кулаки. Никто не хотел рисковать, не убедившись, что противник окончательно повержен.

– Зачем вы напали на нас? Без всякой причины! – прошипела Черри сквозь стиснутые зубы. – Мы вам ничего не сделали.

– Удачные мишени, – выплюнул панк, злобно ухмыляясь. – Ты ничем не лучше других, тупая сука. Сигнальная бригада берёт то, что захочет и когда захочет. К чёрту твоих дружков. – Он разразился хриплым смехом, затем бросился вперёд, целясь Черри прямо в глаза.

Черри Хантер уклонилась от удара и мгновенно ответила ударом ноги, нацеленным в левое колено гангстера. При точном попадании это был сокрушительный удар, способный повредить связки и заставить его взвыть от боли, рухнув на землю. Но парень успел схватить приближающуюся ногу Черри обеими руками и резко дёрнул её вверх.

Однако, прежде чем её нога полностью выпрямилась, оставив её беззащитной перед гангстером, Черри напряглась, выгнулась дугой и, используя силу и энергию противника против него самого, грациозно перевернулась в сальто с места.

Движение высвободило её ногу, и в момент приземления она обрушила сокрушительный удар вбок по шее парня, застав его врасплах. Из горла вырвался хрип боли. Не дав ему опомниться, она вложила всю свою ярость в удар правым кулаком, целясь прямо в лицо. Кости носа хрустнули под натиском, рассыпаясь, словно карточный домик.

Кровь брызнула фонтаном, заливая всё вокруг. Панк издал предсмертный крик и рухнул навзничь, словно подкошенный. Он перевернулся на бок, пытаясь вдохнуть, но тщетно. Слабый стон, проклятие – и тишина поглотила его. Жизнь угасла, как догоревшая спичка в багровой луже его собственной крови.

Сердце Черри бешено колотилось, адреналин бурлил в венах, но постепенно приходило осознание – опасность миновала.

Несколько долгих мгновений она стояла неподвижно, глубоко вдыхая и выдыхая, опуская покрасневшие кулаки. Взгляд её был прикован к неподвижному телу Сигнального панка, а в голове роились мрачные мысли.

– Вот что бывает, когда связываешься с друзьями Черри Хантер, – прошипела она сквозь стиснутые зубы, словно зверь, ощетинившийся перед врагом.

Три часа спустя, осмотрев свои раны, признанные врачом из Вуд-Оук-Сити "поверхностными", Черри сидела в приёмной рядом со своим отцом, Адамом Хантером, на жёстких пластиковых стульях. Она наблюдала, как он заполняет многочисленные юридические бланки на планшете с зажимом, затем попросил её подписать один из них и вернул их секретарю за стойкой.

Безукоризненно одетая секретарша, симпатичная латиноамериканка с круглыми серьгами, свисавшими с лунообразного лица, на котором было слишком много косметики, тщательно пролиставла бумаги, переданные ей Адамом, проверяя правильность заполнения строк для подписи. Удовлетворённо кивнув, она заполнила недостающие данные.

– Спасибо, сэр, – сказала служащая за стойкой, бесстрастно выполняя свою работу. – Вы с Черри можете идти. Хорошего дня, ладно? – Она одарила их дежурной улыбкой, а затем её внимание вновь поглотил экран компьютера и рутинные ежедневные задачи.

Больница Авалон на севере города, с её вездесущим запахом дезинфицирующих средств, ярко-белыми коридорами и спящими медиками в халатах различных оттенков, ничем не отличалась от других медицинских учреждений Вуд-Оук-Сити. Больницы общего профиля, скорой помощи, поликлиники, клиники на кораблях, в доках, на военных базах, аптеки... Все они несли на себе корпоративную печать DahmCo Medical, фармацевтической компании, основанной Вольфгангом Дамом, сыном покойного доктора Генриха Дама, опозоренного кибернетика и одного из организаторов Синдиката. Логотипы компании, улыбающиеся лица счастливых семей, фотосессии различных лаборантов за работой – всё это транслировалось в виде вращающихся голографических изображений с мигающих проекторов, равномерно расположенных по всему помещению. Звуковые видеоролики, восхваляющие прорывы в биогенетических технологиях, которые в настоящее время осуществляются учеными DahmCo на передовых рубежах генетических и кибернетических медицинских исследований, прославляли Вольфганга Дама как пророка середины двадцать первого века.

В те дни DahmCo контролировала даже страховые компании; для многих жителей Вуд-Оук-Сити это было похоже на замкнутый круг. Многие из них считали, что Вольфгангу Даму нельзя доверять, учитывая военные преступления его покойного отца в эпоху Синдиката. После инцидента с проектом Игрек в городе по-прежнему хватало тех, кто с неприязнью относился к компании RoboCy и её основателю. Но если вы не хотели платить непомерные суммы за медицинское обслуживание, – а этого не хотел никто – «DahmCo Страхование Здоровья» на протяжении нескольких лет оставалась для них единственным призрачным выбором.

Женщина в белоснежном халате, с вышитым на груди логотипом DahmCo Medical, пронеслась мимо них, словно тень. Длинные тёмные волосы, собранные в тугий узел, и холодный блеск стетоскопа на груди лишь

подчеркивали её отстраненность. Цокот сабо по кафельному полу эхом отдавался в стерильной тишине коридора.

Адам Хантер проводил её взглядом, а затем, расправив плечи, встал, упершись руками в бока. Повернувшись к Черри, он коротко бросил:

– Всё. Готова домой, крошка?

– Да, здесь тошно, – выдохнула Черри, мечтая поскорее вырваться из этого места. День обернулся совсем не так, как она планировала.

Эмоции давили тяжким грузом. Она устало поднялась и, следуя за отцом, вышла в залитый солнцем вестибюль, а затем и на улицу, где их ждал старенький "Шевроле Малибу" 2040 года, принадлежавший отцу. Машина поблёскивала хромом на стоянке в полусотне ярдов.

Дорога домой по наземным улицам занимала от силы двадцать минут, если, конечно, не свирепствовали пробки. С тех пор как Адам продал старый особняк Хантеров в Ла-Хабра-Хайтс и семья переехала в Вуд-Оук-Сити, почти не было смысла пользоваться надземным метро для путешествия между городами. Черри это устраивало: здесь она была ближе к таким друзьям, как Флойд Ирайя, пусть даже и приходилось мириться с присутствием местных банд. Она задумчиво смотрела в окно, пока Адам вёл машину.

– Ты хорошо поработала сегодня, Черри, – нарушил молчание отец, не сводя глаз с дороги и скрывая взгляд за тёмными очками. – Но будь осторожнее, когда имеешь дело с подобными бандитами, особенно в пустынных районах. Ты же не полицейский, в конце концов.

– Знаю. Просто надеюсь, что этот подонок получит по заслугам, – обиженно пробормотала Черри, медленно повернувшись к отцу.

Адам кивнул.

– Уверен, так и будет. Но если тебе так уж не терпится поучаствовать в настоящем деле, загляни как-нибудь в ZanTech Labs. Возможно, в ближайшее время нам понадобится твоя помощь.

– Что-то новенькое? – с любопытством приподняла брови Черри. Как обычно, отец предпочитал не распространяться о своих операциях спецназа Эстель в Европе.

Уголок рта Адама тронула едва заметная усмешка. Поймав взгляд дочери, он коротко ответил:

– Разве в этом городе бывает иначе?

Сообщение привело Флойда Ирайю к сияющим вратам конференц-центра, возвышавшегося в самом сердце Вуд-Оук-Сити. Догорающий вечерний свет, словно застенчивый художник, прикрывал небеса акварелью сумерек, а из чрева стекляннно-стального колосса извергалось пульсирующее неоновое зарево, окутывая улицу густым фиолетовым саваном. Вдоль тротуара, словно

рой светящихся мотыльков, вились голографические галереи, каждая из которых без устали демонстрировала информацию о мероприятии и его расписании.

Он приближался, и чувства обострялись, словно струны старой скрипки, натянутые до предела. На миг отступила гнетущая усталость, словно испуганный зверь, почуявший опасность. Флойд знал, что расплата неизбежна, но сейчас он был собран, словно хищник перед броском.

Над входом, подобно маяку надежды или предостережения, возвышался плакат, провозглашавший название семинара: "Лучше не бывает – Миф об увеличении человеческого потенциала". Название врезалось в память, словно клеймо. Электронная книга, ставшая его основой, навечно вошла в пантеон бестселлеров "Нью-Йорк Таймс", а эхо её популярности разносилось в бесчисленных аудио- и видеOVERсиях, не говоря уже о бесконечных пересудах в новостных ток-шоу.

Флойд поднял глаза и встретился взглядом с улыбающимся лицом автора, застывшим на одном из голоэкранов. Тёплые, живые глаза Реймона Зана смотрели с отеческой заботой из-под простых очков, тем же самым выражением, которое украшало заднюю обложку каждого издания "No Better" и каждую брошюру его лоббистской группы "Прометей".

Реймон Зан был младшим братом доктора Гилберта Зана, основавшего ZanTech Labs в далёком 2030 году. Но в сердце Реймона жила непоколебимая уверенность: его брат Гилберт умер много лет назад, а нынешний Гилберт Зан – лишь бледная тень, автомат, порождение науки, которому нельзя позволить продолжать свои дьявольские эксперименты и осквернять память настоящего брата, человека, чью потерю Реймон оплакивал каждый день. Он присутствовал на похоронах Гилберта ещё до того, как МИ-6 добралась до него в конце Войн Синдикатов, и с тех пор неустанно обличал ZanTech и всё, что она олицетворяла в 2043 году – как кошмарное порождение своего отвратительного и так называемого "андроидного" основателя.

Реймон Зан создал "Прометей" с одной целью: рассеять туман заблуждений, окутывающий общество, и доказать, что технологии улучшения человеческого потенциала – это не благо, а проклятие. Как утверждали приверженцы Зана, кибернетические имплантаты лишь калечат человеческую сущность, делая человека меньше, чем он есть, чем-то неестественным, вместо того, чтобы возвышать и совершенствовать его. "Робо-Зан убил его настоящего брата ещё в 2017 году, во время "Несчастливого случая"", – любил повторять Реймон перед толпой, – и всё, что последовало за этим, было чудовищным извращением природы, невиданным доселе.

Флойд Ирайя, однако, с трудом воспринимал пламенную риторику "Прометея". Усовершенствования, которыми он обладал, его кибернетические руки, сделали его жизнь лучше, и в этом он никогда не сомневался. Они даровали ему силу, о которой он раньше не мог и мечтать, возможно, даже в эмоциональном плане. И когда он задумывался о том, что делает его менее человеческим, то понимал, что корень проблемы не в имплантах. Он нахмурился, отгоняя навязчивые мысли.

Элегантно одетые юноши и девушки раздавали листовки посетителям и всем, кто оказывался в зоне досягаемости. Флойд заметил, что многие из них

носили простые механические протезы, словно сошедшие со страниц истории двадцатого века, вместо современных кибернетических конечностей. Это были люди, подвергшиеся так называемой "дезаугментации", добровольно отказавшиеся от своих кибернетических имплантатов в тщетной попытке вернуть себе утраченную целостность. Но избавиться от аугментации – это не то же самое, что свести бандитскую татуировку или снять пирсинг. Зная многих, с кем он работал, и опираясь на собственный опыт, Флойд не понимал, как относиться к тем, кто добровольно сделал такой выбор. По его личным ощущениям, издержки явно перевешивали любые сомнительные выгоды. Какой смысл во всем этом?

Жизнь с обычным протезом была проще, не требовала постоянной заботы и еженедельных инъекций нейрופозина для поддержания нервных связей. Но Флойд на это не подписывался.

Впрочем, здесь он явно был в меньшинстве. Большинство посетителей "Даунтаунера" собрались, чтобы послушать лекцию Реймона Зана. Увидев его выступление по телевидению, Флойд не мог не признать, что у этого человека было достаточно харизмы, чтобы завладеть вниманием, и академического авторитета, которым многие восхищались. Вместе со своими сторонниками Зан прибыл на ежегодное заседание Научного совета NWO, чтобы продолжить крестовый поход против таких компаний, как ZanTech и DahmCo, крупнейших мегакорпораций города. И, несомненно, он примет участие в демонстрациях в защиту прав человека, которые пройдут в Вуд-Оук-Сити в ближайшие дни.

Когда Флойд вошёл в атриум конференц-центра, из скрытого динамика полился бархатный голос Реймона Зана: – Некоторые верят, что аугментация – это шаг в будущее. Что замена частей тела машинами превратит вас в сверхлюдей... Но правда в том, что с каждой принесённой в жертву частью себя вы становитесь меньше, чем были. Мой брат – да упокоится его душа – первым пал жертвой этих технологий, против своей воли, из-за коварных махинаций Синдиката. Сегодня аугментация – это чума, расплзающаяся по нашему обществу, вышедшая из-под контроля. Дамы и господа... вот почему я создал «Прометей». И сегодня я расскажу вам, почему вы тоже должны присоединиться к нему.

Флойд слегка нахмурился. "Крестовый поход Зана против аугментации" звучал как название воензированной группировки, и Флойд задался вопросом, было ли это случайностью. Некоторые сторонники Зана шли дальше книг и речей; вспышки насилия против аугментированных людей раздували пламя нетерпимости по всему миру. Такие группировки, как Кибер Зид и Аомизучи, с радостью извращали слова Зана, оправдывая свои агрессивные действия.

В Штатах и за их пределами хватало людей, которые не могли позволить себе аугментацию, и Флойд сомневался, что кто-то из них сможет заплатить безумную цену за билет на семинар. Как и те, кто чувствовал угрозу от новых технологий, от всего, что им было незнакомо. "Прометей" олицетворял собой две вещи: заботливую группу, стремящуюся открыть глаза аугментированным на их заблуждения, и силу, поддерживающую статус-кво. Флойд задавался вопросом, поймут ли когда-нибудь такие, как Реймон Зан, что джинна, выпущенного из бутылки, обратно не загнать.

— Чем могу помочь? — Загорелый молодой человек с протезом руки подошёл к нему. Он окинул Флойда быстрым взглядом, мгновенно заметив кибернетические руки и кибероптические импланты, и его лицо приобрело почти религиозное выражение. — Добро пожаловать.

За его спиной по одному из голографических баннеров пробежала волна света, и текст изменился. Возникла новая строка:

ФЛОЙД. ВЕРХНИЙ ЯРУС. СЕКЦИЯ G. МЕСТО 3.

Его глаза сверкнули, и он натянуто улыбнулся парню. — На самом деле, нет. Я точно знаю, куда иду, — сказал он.

Флойд прошёл мимо и без дальнейших приключений добрался до своей ложи. Всё было организовано безупречно, с прекрасным видом на сцену внизу. Свет в зале начал меркнуть, и в тот момент, когда дверь за ним закрылась, Реймон Зан вышел в круг света, под оглушительные аплодисменты. Флойд замер. В ложе царил полумрак, погружавший всё вокруг в таинственную полутьму.

Внизу, на сцене, Зан начал с тщательно отрепетированных банальностей, и Флойд уловил, как в полумраке кто-то злобно сплкнул.

— Да, с вас довольно, мистер Реймон.

Голос принадлежал мужчине средних лет. В тусклом свете, пробивавшемся сквозь плотно сомкнутые ряды кресел, вырисовывалась массивная фигура в просторной куртке и надвинутой на глаза бейсболке. Резким взмахом руки в перчатке он приглушил звук в зале и повернулся лицом к Флойд.

— Дай-ка угадаю. Вы — Шам Мухаммад? — спросил Флойд. — Оперативник. — На вид ему было около сорока, он был крепок, как скала, и излучал уверенность.

Под распахнувшимся воротом рубашки зловеще поблёскивала кибернетика — сталь и полимеры, обвивавшие его грудь и руки, обещая недюжинную силу.

— Вау, — отозвался Шам. — Флойд Ирайя. В жизни ты даже привлекательнее, чем на голограммах. Благодарю за встречу.

Флойд автоматически начал собирать данные о нём в уме. Непривычный акцент, с едва уловимым европейским оттенком, выдавал человека, проведшего большую часть своей жизни в Вуд-Оук-Сити и его окрестностях после того, как ядерный кошмар 2017 года обрушился на город. Он выбрал себе это усовершенствованное тело, избавившись от последствий радиационных мутаций, как от кошмарного сна. Шам Мухаммад поднялся. Его гипертрофированные мускулы впечатляли, делая его визуально крупнее Флойда, хотя в юности, возможно, он и уступал ему в росте. Сложная паутина датчиков и аудиорецепторов обвивала его шею, словно электронные змеи.

— Я слышал от Акселя, что вы напали на след Леона Шивы, — произнёс он, сканируя взглядом комнату в поисках признаков засады, но не обнаружив ничего подозрительного.

— Да, — подтвердил Флойд, нахмурившись, словно пытаюсь выудить что-то из глубин памяти. — Прошу прощения. Просто твой онлайн-профиль... эта "Тайна"... ну, он рисует образ человека, несколько... иного, чем ты есть на самом деле. Без обид.

Шам понимающе кивнул. — О, я тебя понимаю. Часто слышу такое. Детское прозвище.

— В вашем сообщении вы упоминали некую информацию?

Шам сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию. — Мои люди, работающие под прикрытием в DahmCo, столкнулись с чем-то... — Он запнулся, подыскивая подходящее слово. Его массивный лоб разгладился, — ... необъяснимым. Существует некая группа. Организация с обширным влиянием и невероятным терпением. Они систематически используют информационную войну и убийства против корпораций среднего звена...

— Разве не этим вы, ребята, занимаетесь? — перебил Флойд. Глаза Шама опасно блеснули, но он проигнорировал сарказм.

— У DahmCo давние связи с Леоном Шивой. Леон не просто убивает людей, чувак. И, если ты позволишь мне закончить, я хотел бы добавить, что не только корпорации, подобные DahmCo, попадают под раздачу. Другие независимые группы, такие как мы, тоже уходят в тень. Эти ублюдки уничтожают людей шантажом, вымогательством, подставами, поглощением. Аомидзучи — их боевые псы, мистер Ирайя. Эта... группа и этот "Проект Зулу". Эти мерзавцы делают за них грязную работу, — он наклонился ближе, его взгляд стал тяжёлым и пристальным. — Мы оба ищем одного и того же, Флойд. Мы оба задаёмся одним и тем же вопросом.

Флойд погрузился в молчание, его мысли лихорадочно метались. Какое отношение Шива имеет к грязным делам DahmCo? Что, чёрт возьми, представляет собой этот "Проект Зулу"? Неизвестность жгла, как кислота, соперничая с неутолимым любопытством. Он встретился взглядом с Шамом Мухаммадом, приняв выражение непроницаемой серьёзности.

Наконец, он произнёс это вслух.

— Чего они хотят? — спросил он.

Сквозь овальное окно герметичной двери Леон Шива видел, как утренний свет, облизывая далёкие исландские пейзажи, гнался за летящим на восток самолётом. К моменту их прибытия к цели — объекту, известному как "Четвёртая база", затаившемуся в недрах вулкана Катла, — рассвет должен был их настичь. Но пока восходящее солнце оставалось у них за спиной, расчерчивая горизонт багряными и золотыми мазками, подсвечивая перистые облака внизу. Самолёт плавно накренился, и Шива, инстинктивно вытянув руку, удержался от падения.

— Задумались о прыжке без парашюта, босс? — пророкотал гулкий голос за спиной.

Он обернулся. Медведь Рокки, стоявший почти вплотную, буравил его своим волчьим взглядом. В свои шестьдесят с хвостиком этот здоровенный американец с мощными усами оставался грозным исполином, эхом былой славы чемпиона по боксу в тяжёлом весе, коим он был много лет назад.

В пору расцвета он был страшен, как сам дьявол. Лысый череп обрамлял лицо, испещрённое багровыми шрамами от ожогов. Не тронутой осталась лишь синтетическая кожа на реконструированной челюсти.

Шива знал, что своим жутким видом Медведь Рокки обязан взрыву бомбы во время войн Синдикатов, но подробности оставались для него тайной. Здоровяк носил своё увечье с гордостью, словно боевой трофеей, подчёркивая его массивным медным кольцом в носу.

Шива, по сравнению с другими японцами, и сам не был низкорослым. В свои сорок с небольшим он был мускулист, покрыт многочисленными шрамами, свидетельствами былой доблести, но держался иначе, нежели Медведь Рокки с его развязной, почти бандитской повадкой. Он не испытывал потребности ежесекундно излучать угрозу. Он знал, что несёт на плечах ответственность за грядущие поколения, цель куда более возвышенную. Но, с другой стороны, люди, чья внутренняя сила находила отражение во внешности, могли стать ценным инструментом в его арсенале.

Шива всегда предпочитал тонкий подход, хотя при необходимости был способен обрушить всю ярость своего гнева — и насилия — в любой момент.

— Я не люблю летать, — просто ответил он. — Меня это до чёртиков утомляет.

На мгновение в его голове мелькнули тёмные воспоминания, и он поморщился, отгоняя их прочь.

— Слышал об этом, — кивнул Медведь Рокки, рассеянно теребя кожаную обивку подголовника кресла. — Самая дерьмовая авиакомпания в мире. Никакой чёртовой стюардессы и фильм в полёте отстойный.

Внешне реактивный самолёт ничем не отличался от множества обычных частных авиалайнеров, но под обманчивой оболочкой скрывался мобильный оперативный центр секретной и безымянной организации Шивы, по своим возможностям превосходивший любой передовой воздушный командный пункт в мире, и стоивший целое состояние.

Не говоря больше ни слова, Шива направился в сторону отсека, а Медведь Рокки последовал за ним по пятам. Он участвовал в паре миссий с этим американским чемпионом ещё в те времена, когда Синдикат был на пике своего могущества, и знал, что на этого человека можно положиться в самой гуще событий, несмотря на его устрашающую внешность. "В этом не было ничего удивительного", подумал Шива. Мистер Икс в свое время не жалел ни сил, ни средств, чтобы привлечь Рокки к работе в "Святая святых", и теперь его участие в проекте "Зулу" казалось вполне логичным. Он не был

простым уличным головорезом. Он знал своё дело не хуже любого из них и много раз доказывал свою преданность Синдикату.

Они оказались в просторной зоне отдыха на верхней палубе самолёта. Вдоль стены сверкала стальная барная стойка, перед которой стояли кресла и мониторы. Рокки, словно голодный медведь, рылся в шкафчике с едой, а Шива, отведя взгляд, заметил, что другой член команды занят обслуживанием кибер-руки.

— Яша, — окликнул он. Его голос звучал глубоко и с сильным акцентом.

Под тёмной курткой угадывался точёный кибернетический силуэт восточной женщины, словно изваянный из стали и плоти. Мускулы, достойные бодибилдера, перекатывались под искусственной кожей, а мощная шея говорила о недюжинной силе. Её тёмные, естественные глаза, казалось, хранили в себе печать вечной усталости, словно в них поселилась сама бездна. Чёрная шапочка плотно облегла длинные волосы, а глаза скрывали тёмные стёкла защитных очков. Аугментированные руки ещё сохраняли видимость человеческой плоти, но кисти и торс были целиком заменены кибернетическими имплантами.

Шива знал, что под облегающими боевыми леггинсами скрыты металлические ноги Яши. Иногда его терзали сомнения: осталась ли в ней хоть капля человечности после тех чудовищных манипуляций, которым её подвергли в DahtCo. Яша была самой молодой в их команде — едва перешагнула сорокалетний рубеж.

— Что случилось, Леон? — прозвучал её сухой, безэмоциональный голос. Она сорвала с головы шапочку и откинула очки. Взгляд, скользнувший по Шиве, был дружелюбным, но от него веяло ледяным холодом.

— Мы на подходе, — ответил он. — Передай сигнал Онихиме, пусть подготовит базу к приёму груза.

Она коротко кивнула и активировала персональное голографическое устройство, встроенное в правое запястье. Интерактивный дисплей, созданный микроскопическими излучателями, вспыхнул в воздухе. Яша ловко перемещала иконки и запускала приложения, управляя ими пальцами другой руки. — Приступаю, — сухо констатировала она. В ту же секунду в интеркоме раздался тихий щелчок, и из динамика, скрытого в стене, прозвучал голос пилота: — До посадки десять минут. — Связь прервалась.

Три или четыре секунды Шива пристально смотрел на Яшу, словно пытаясь прочесть что-то в её непроницаемом лице. — Ну вот и всё, — наконец произнёс он. — Готовьте снаряжение. Работаем по графику. Инструктаж начнём сразу после посадки и разгрузки. Все свободны.

Леон Шива повернулся к окну. За иллюминатором промелькнула зазубренная вершина вулкана. Видимость ухудшалась, воздух становился густым и ядовитым.

Несколько минут он неподвижно смотрел перед собой, погружённый в молчаливое созерцание, собираясь с мыслями. Внизу, сквозь пелену тумана,

проступили очертания Четвёртой базы и взлётно-посадочная полоса. Самолёт резко накренился, заходя на посадку.

"История – безжалостный властелин", подумал Шива. "У неё нет настоящего, только прошлое, неумолимо стремящееся в будущее. Попытка удержаться – верный способ быть отброшенным на обочину. Я двигаюсь вперёд, текучий, как вода. Скоро я буду контролировать всё."

Полицейское управление Вуд-Оук-Сити
Пятница

Кофе лишь притупил усталость. Крепкий, чернее ночи и с привкусом горечи, он, в сочетании с кофеином вчерашней выдержки и приторной сладостью несвежего сахара, пробудил в Блейз Филдинг подобие ясности.

Она сидела в мягком кожаном кресле в кабинете комиссара Бернштейна, напротив пустого стола, и нервно крутила в руках бумажный стаканчик. Косые лучи солнца пробивались сквозь закрытые жалюзи, окрашивая кипы незаконченных дел в янтарный цвет.

На улице царил духота в восемьдесят пять градусов, и кондиционер был единственным спасением. Но Блейз чувствовала, как зной преследует её, проникая в самую душу.

Наконец, дверь распахнулась, и вошёл Бернштейн. Он тяжело опустился в кресло, словно груз свалился с плеч, и бросил портфель на стол. Усталое лицо, налитые кровью глаза, но всё та же неизменная, громоздкая шинель, в которой он щеголял по улицам Вуд-Оук-Сити. Как он умудрялся носить её в такую жару, оставалось загадкой. Блейз предположила, что он сорвался сюда сразу же после доклада Мерфи.

– Какого чёрта ты творишь, Филдинг? – прозвучал тихий, хриплый голос, полный усталости. Он бросил на неё взгляд поверх очков в тонкой оправе, испепеляющий своим недоверием. Блейз моргнула. Она не помнила, чтобы Бернштейн когда-либо позволял себе ругаться в её присутствии, разве что в состоянии крайнего раздражения.

– Ты хоть представляешь, в какой ты заднице? Не трудись отвечать. Конечно, представляешь. Ты прокурор и детектив правоохранительных органов этого города, а не идиотка.

– У меня были причины, сэр, – выдавила она. – Мистер Игрек ...

– Это не оправдание! – прогремел он, не скрывая ярости. – Ты не имеешь права оправдывать подобную глупость! Посещение Близицево строго запрещено Международным договором о Новом Мире! Ты, как никто другой, должна это знать. Ты же сама его ратифицировала, ради всего святого!

Блейз заколебалась и бросила взгляд на камеру наблюдения в углу комнаты. Индикатор горел, подтверждая, что запись ведётся. Бернштейн установил её после инцидента с синдикатом Игрек, когда она ударила его по лицу из-за

'этических разногласий'. Она повернулась к нему. В её взгляде смешались гнев, разочарование, печаль и что-то ещё, что Бернштейн не мог понять.

— Ты поставила под удар полицию, свою карьеру, Блейз. Не только себя, но и всех нас. Мне пришлось выпрашивать дюжину одолжений у своих знакомых, чтобы замять это дело. Ты понимаешь? Для наших коллег из Госдепартамента твоя небольшая экскурсия в Неваду — глубокая операция под прикрытием, и так оно и останется. И я, чёрт возьми, не хочу, чтобы они узнали, что детектив под моим руководством проводит очередное несанкционированное расследование!

— Сэр, это был единственный способ...

Он продолжал, словно не слышал её: — Я знаю всё. Я знаю, что ты втянула в это Акселя Стоуна. После звонка Мерфи всё встало на свои места. Ты использовала свои связи с ZanTech, NWO и агентами спецназа, чтобы преследовать свои цели, прикрываясь деятельностью Firestorm, скрывая это от нас, в то время как твои прямые обязанности были заброшены. Это ведь не первый раз, когда мы сталкиваемся с подобным, не так ли?

Она не отвела взгляда. Каждое его слово было правдой. Последние несколько месяцев — с тех пор, как в Вуд-Оук-Сити начали появляться мутировавшие тела — она действовала по своему усмотрению, повинувшись инстинкту, ведя расследование, связанное с Аомидзучи, Шивой, и стремясь раскрыть правду во что бы то ни стало, невзирая на приказы оставить это на усмотрение соответствующих юрисдикций.

Гнев Бернштейна схлынул, словно отлив, оставив на лице лишь усталую обреченность. Он вздохнул, тяжёлым движением снял очки и положил их на стол, словно скидывая бремя. — Я виню себя в этом, Блейз. Должен был заметить признаки. Ведь не просто так Аксель Стоун больше не полицейский. И мы оба знаем, какой кошмар пережила твоя семья, пока Кообо сеял хаос в этом городе. Я должен был понять, что ты не готова вернуться к работе после дела "Сынов тьмы".

— Не говорите так об Акселе... — начала она, голос дрогнул, слова застряли в горле.

— Ты действительно думаешь, что сейчас, когда город стоит на краю пропасти, выяснение отношений с этим человеком — то, что нам нужно? — Бернштейн устало покачал головой.

— Вы не понимаете! — в отчаянии воскликнула она, сдерживая дикое желание броситься на него с кулаками. Вместо этого она закусилла нижнюю губу до боли и откинулась на спинку стула, стараясь взять себя в руки.

— Да, понимаю, — сказал он, уловив её полный обиды взгляд. — Я знаю, что Аксель до сих пор значит для тебя, Блейз. Этого не скроешь. В конце концов, он отец твоих детей.

— Кообо существовал много лет назад. Опыт Акселя может оказаться бесценным, — сухо парировала она. — Мои чувства к нему не имеют значения. Моя личная жизнь здесь ни при чём.

- Хотел бы я тебе верить, - проговорил Бернштейн. - Честно говоря, один только этот инцидент тянет на тюремный срок для вас обоих. А этот аборт, устроенный Мерфи... Если бы не твоя способность превосходить все ожидания, когда дело касается детективной работы, твоя карьера была бы окончена. Но это хуже, чем просто отступничество, Филдинг. Гораздо хуже. Ты стала непредсказуемой, даже одержимой. Ты попросту неуравновешенна.

- Я хочу справедливости! - выплюнула она в ответ. - Леон Шива до сих пор на свободе! Убийства в Вуд-Оук-Сити - это не единичные случаи, сэр. Есть и другие важные персоны, учёные, руководители корпораций, политики, даже послы Нового мирового порядка... все они стали мишенью убийц с похожими целями.

- Ты не можешь этого знать!

- Поверьте мне, сэр, я знаю, - отрезала она. - Я пыталась найти хоть что-нибудь, хоть какую-то ниточку, название... - Блейз вдруг осознала, как она, наверное, выглядит сейчас, по дикому напряжению в глазах; она с трудом сглотнула и попыталась успокоиться. - Вот почему я обратилась к мистеру Игрек. Он мог дать мне информацию, которую не достать никому другому. То, что никто другой мне бы не дал.

- Или, может быть, он просто играл с тобой? - ледяным тоном произнес Бернштейн. - Бывший лидер синдиката Игрек... - Он выплюнул это имя, словно проклятие.

Блейз пристально посмотрела на него. - У меня есть кое-что, что нужно проверить. Мы знаем, что DahmCo каким-то образом замешана в этом.

- Хватит! - Бернштейн с грохотом ударил ладонью по столу. - Я видел твои запросы в Отдел, эту тонкую, как бумага, макулатуру, которую ты называешь доказательствами. Тебе было отказано, потому что у тебя нет ничего, кроме предположений, которые ты наслушалась от осуждённого криминального авторитета. В лучшем случае, у тебя есть недоделанная теория заговора! Я старался не трогать тебя из уважения к тому, что ты сделала для этого города, и потому что знаю, что ты хороший человек. Но мне жаль, Филдинг. Ты перешла все границы.

Блейз почувствовала, как по спине пробежал холодок. - Итак... что теперь будет, сэр?

Бернштейн скрестил руки на груди. - Иди домой. Выспись, Филдинг. И не делай себе хуже.

Даже сквозь толстые стёкла лабораторного корпуса до него доносился гул протеста, яростно бушующего снаружи против DahmCo.

Скандирующие голоса, хоровое пение, лес плакатов, словно разгневанные знамена, и выкрики, полные ненависти, - эта толпа, печально известная своей склонностью к насилию, всегда сражалась против грядущего, отчаянно пытаясь остановить неизбежный ход прогресса. Но его это скорее озадачивало, чем злило или пугало. Последние протесты в Вуд-Оук-Сити

тянулись уже несколько дней, и лозунги, казалось, застыли во времени. Один, особенно ядовитый, клеймил его "адвокатом Сатаны". Эти группы, фанатично преданные гуманизму, включая печально известный "Прометей", всегда находили лазейки для продвижения своих радикальных идей, используя любые извращенные аргументы, лишь бы привлечь новых последователей. В глубине души он не верил, что эти радикалы когда-нибудь поймут, но в любом случае, это не имело для него равным счетом никакого значения.

Он коснулся ламинированного бейджа, прикрепленного к безупречно белому лабораторному халату. Фотография, сделанная пару лет назад, запечатлела его с неловким, почти юношеским выражением лица. Ему было всего двадцать шесть, и, несмотря на относительную молодость, он уже был одним из самых успешных бизнесменов и ученых-первопроходцев в мире. Тщательно уложенные седые волосы, обработанные воском, сияли профессиональным блеском.

Его голубые глаза, словно осколки льда, горели ярким, неутолимым любопытством, очарованные тайнами, что таились в темных углах Вселенной, в неизведанных глубинах квантовой сферы –

– наследие, полученное от покойного отца, посвятившего жизнь раскрытию этих тайн во благо человечества. На бейдже четко значилось: [доктор Вольфганг Дам] .

И хотя он стоял во главе мегакорпорации DahmCo – де-факто государственной организации – вместе со всеми её дочерними предприятиями, большая часть его текущих исследований оставалась тщательно скрытой от посторонних глаз, окутанной покровом секретности. Возможно, это было неизбежно, учитывая то, что многие называли "сомнительной законностью" некоторых его проектов. Он отчаянно не хотел, чтобы его снова сравнивали с сомнительной репутацией его отца и его корпорации RoboCy, особенно после трагической гибели последнего во время кровавых войн синдикатов.

Вольфганг знал: некоторые открытия должны оставаться погребёнными до поры до времени, иначе последствия для всех участников будут катастрофическими. Протестующая толпа за окном была живым подтверждением этой истины. Но он уже вписал свое имя в анналы истории науки, несмотря на зловещую тень отцовского наследия, независимо от того, узнает ли когда-нибудь мир о его самых амбициозных, революционных разработках.

Тем временем снаружи к зданию подъехали три чёрные машины службы безопасности, готовые вступить в извечный конфликт с протестующими, что мерно расхаживали перед главными воротами, намеренно блокируя движение. Охранники в униформе, выпрыгнув из патрульных машин, захлопнули дверцы. Выпрямившись во весь рост, они старались излучать угрозу, но были вынуждены действовать сдержанно, поскольку протестующие в этот день соблюдали тонкую грань закона. Никаких признаков экстремизма. На заднем сиденье одной из белых служебных машин сквозь сетчатое окно злобно залаяла дрессированная немецкая овчарка; собака, обученная вынюхивать наркотики и взрывчатку, а не нападать на людей, но её утробный рык, несомненно, заставлял протестующих нервничать.

В конце концов доктор Дам решил игнорировать отвлекающие факторы за стенами лаборатории. Медленно развернувшись, он вернулся к своим компьютерным моделям. Протестующие и охранники могли продолжать свой

бессмысленный спектакль до скончания веков, если бы он хоть немного обращал на них внимание. Он включил радио на полную громкость, заглушая внешний шум и сосредотачиваясь на работе, хотя, по правде говоря, ему не нужно было слишком усердствовать с вычислениями. Квантовые компьютеры брали на себя большую часть рутинной работы.

Из портативного бумбокса лились старые мелодии из облака – песни, которые, по мнению автоматизированного алгоритма, вызывали ассоциации со счастливыми деньками. Прямо сейчас певцы Саймон и Гарфанкел пели о миссис Робинсон, и доктор Дам, подпевая им вполголоса, вводил команды на консоли.

Голографические мониторы, парящие над четырьмя рабочими станциями с квантовыми компьютерами, являли собой калейдоскоп октоквантового кода, пульсирующего в такт одновременным моделированиям. Машины, словно вздыхающие механические звери, прогоняли миллиарды итераций в виртуальных экспериментах, не требуя даже намёка на вмешательство. Но доктор Дам упорно не расставался со своим лабораторным халатом – без него он ощущал себя самозванцем в храме науки. В удобной уличной одежде или, боже упаси, в костюме, он мог с тем же успехом коротать дни за бухгалтерскими книгами, а не стоять на передовой будущего.

Внезапно пронзительный сигнал разорвал тишину – частный звонок. Дам принял его небрежным взмахом руки.

– Да?

– Вольфганг, это Леон, – донёсся знакомый голос.

Улыбка понимания тронула губы Дама. В отдельном здании, за неприступным периметром лаборатории, могучие квантовые компьютеры DahmCo-III обрабатывали массив данных для грядущего биогенетического прорыва. Они изучали тончайшие нюансы манипулирования генетическим кодом – от модификаций специально созданных клонов до, осмелюсь сказать, сотворения принципиально новых видов homo sapiens.

Работа шла стабильно, окутанная завесой секретности, и, можно сказать, их эксперименты переживали эпоху бурного роста.

– Не терпится увидеть, как всё сложится, – прозвучал голос Шивы. – Меч Акудзики в наших руках.

Дам глубоко вдохнул и выдохнул, переваривая информацию. Это отличные новости, подумал он, значит, им удалось приоткрыть завесу тайны над скрытой силой артефакта Дзёмон. С помощью этих реликвий машины Дама, теоретически, обретут достаточно мощи, чтобы воссоздать любую генетическую форму жизни, какую только можно вообразить, и в кратчайшие сроки. Синдикат уже делал что-то подобное с DJ K-Washi, которого Дам сам использовал, но тогда технология была в зачаточном состоянии. Да и близнецы Игрек были такими незрелыми. Сегодня их работа достигла поистине головокружительных высот.

– Всё идет по плану, – констатировал Дам. Он переключил внимание на следующий экран моделирования, наблюдая за причудливым танцем контуров,

волн и графиков, разворачивающимся в наносекундном масштабе. Интуиция подсказывала, что самые смелые замыслы Шивы могут увенчаться успехом – если, конечно, новый источник энергии окажется тем, чем Шива его представляет. Секретные отчёты и служебные записки громоздились на столе, погребённые под лавиной распечаток с лазерного принтера. Цифры, формулы. Он был учёным, и мифы об исчезнувших японских цивилизациях его волновали мало; он знал лишь, что истинное происхождение этих реликвий необъяснимо, они противоречат всем известным законам науки. Жажда постичь непостижимое и гнала его вперед, поддерживая интерес к делу Шивы.

– С моей стороны никаких проблем, – подтвердил он. – Дайте мне знать, когда завершите первый анализ этой новейшей реликвии.

– Я сообщу о своих находках, – ответил Шива и отключился.

Суббота

Величественный стадион "Вуд Оук Вольверинс" стал эпицентром долгожданного противостояния между местными "Росомахами" и дерзкими "Ривер Сити Рейдерс". Арена "Ион-доллар", обошедшая городу в триста миллионов долларов, сияла, словно бриллиант в короне города, возведённая по инициативе мэра Ричардса, как символ новой эры процветания на месте некогда заброшенной прибрежной территории. Масштабное сооружение, сотканное из камня, стали и стекла, возвышалось под открытым небом, воплощая собой мощь и величие.

Окружённый кольцом телохранителей, мэр Ричардс приветствовал журналистов у входа в VIP-зону. Вспышки камер запечатлевали его безупречный, фотогеничный облик, а репортёры, словно стая назойливых мух, облепили его вопросами, большая часть которых касалась предстоящей игры.

– Господин мэр! – прокричал торопливый журналист из "Wood Oak Post", пробиваясь сквозь толпу. – В нашем городе происходит череда необъяснимых смертей. Блейз Филдинг...

– Комиссар Бернстайн бросил на это дело лучших своих людей, и это всё, что я могу сказать, – отрезал мэр, и его обаятельная улыбка на мгновение потеряла свою искренность. Нахлобучив на голову бейсболку с символикой "Росомах", он произнёс: – А теперь, если позволите, я принес билеты, чтобы увидеть, как наши парни разнесут этих зазнаек из "Ривер Сити".

Скрывшись от назойливых взглядов прессы, он проследовал в свою личную, роскошную ложу, откуда открывался панорамный вид на арену, напоминавшую огромную подкову. Трибуны ревели, вмещая более шестидесяти тысяч преданных фанатов, многие из которых облачены в черно-жёлтые цвета "Вуд Оука". На гигантском голографическом табло мелькали рекламные ролики медицинских брендов и корпорации "DahmCo". Игровое поле, занимающее более двух акров идеально подстриженной травы, манило к себе, обещая зрелищную битву между командами-соперниками. Это был старт нового сезона, и надежды на успех "Росомах" были как никогда высоки. Мэр Ричардс, втайне, молился об этом; победа в Суперкубке, несомненно, положительно сказалась бы на его рейтингах. Он приветливо помахал толпе, занимая свое место в ложе.

"Если бы только Бернштейн и его детективы могли решить эту маленькую, но досадную проблему, моя жизнь стала бы намного проще", подумал он.

В комнату ворвалась автоматная очередь, высекая искры из штукатурки за спиной Акселя. Он ответил яростным огнём, пока магазин не заглох в предсмертной агонии. Едва успев выбросить опустевший автомат и потянуться к пистолету, Аксель услышал крадущийся шорох в дверном проёме. Инстинкт заставил его обернуться, и он увидел зловещее жерло штурмовой винтовки, выглядывающее из-за покорёженных деревянных осколков рамы.

Снайпер. Последний из выживших Аомидзучи, словно тень, вынырнул из небытия, бросив свою винтовку ради более смертоносного трофея, сорванного с бездыханного тела товарища.

Аксель Стоун, как пружина, распрямился и преодолел разделяющие их шесть футов. Он вцепился в раскалённый ствол, дёргая его вниз и на себя, втягивая голову Аомидзучи в смертельный танец. Винтовка с грохотом упала на пол, и началась отчаянная схватка, где каждый искал мгновенного преимущества. Аксель вырвал инициативу, обрушив сокрушительный удар прикладом по лицу японца. Кровь брызнула фонтаном, а хруст сломанного носа заглушил вопль изумления.

Аксель выхватил свой SIG M11-A1, намереваясь обезвредить бандита метким выстрелом. Но вместо этого его запястье оказалось зажато в стальных тисках. Силач! Рука Акселя, словно марионетка, взметнулась вверх, а затем с хрустом пошла вниз, ломая кости. Пистолет выпал из ослабшей хватки. Отшатнувшись, Аксель увидел, как бандит, оскалив зубы в хищной ухмылке, потянулся к своему оружию.

– Ты труп, сука! Грёбаная сука! – прорычал бандит, с губ и подбородка которого стекала алая струя. Его акцент резал слух своей грубостью.

Время словно замерло. Аомидзучи замахнулся. У Акселя оставались доли секунды. Он бросился вперёд, нанося второй удар в самое сердце лица противника. Бандит шатнулся влево, притнувшись, но рука его осталась поднятой. Костяшки пальцев, сжимавших спусковой крючок, побелели от напряжения. Курок пошёл вперёд, и маленький, но смертоносный боек, выкованный из закалённой стали, совершил свой короткий путь к капсюлю-воспламенителю в донце патрона, ждущему своего часа в казёнке.

Аксель перенёс вес тела на левую ногу и, развернувшись полукругом, отклонился назад, выставляя правую ногу.

Из дула пистолета вырвалось пламя, длинное копьё лимонного света, обжигающее грудь Акселя. Оглушительный выстрел сотряс воздух, низкие частоты ударили по барабанным перепонкам, а высокие – требовали внимания, визжа и вибрируя в мозгу.

Куда попала пуля, Аксель не знал. Возможно, она пронзила жизненно важный орган или раздробила кость, но адреналиновый шторм в крови действовал как стимулятор, обезболивающее и галлюциноген в одном флаконе. Он не чувствовал ничего, кроме абсолютной сосредоточенности. Всё лишнее

исчезло, оставив лишь Акселя, головореза и пистолет, извергающий всё новые патроны, наполняя воздух пороховым дымом и ледяным металлическим привкусом раскалённой латуни. Горячие гильзы вылетали из патронника, одна обожгла кожу над правым глазом.

Когда магазин опустел, бандит отшвырнул бесполезное оружие, годное разве что на роль дубинки, хотя его собственные массивные кулаки подходили для этой задачи куда лучше. Он пошатнулся, ноги его запутались, и Аксель, подставив подножку, ускорил его падение толчком, от которого бандит потерял равновесие и рухнул в открытый люк, ведущий на нижний уровень – в складскую зону 03.

С диким воплем мужчина провалился в пустоту, его ведущая нога не нашла опоры. По пути вниз он ударился лбом о край люка, и затем исчез в темноте. Аксель, словно одержимый, бросился к лестнице, ведущей в складское помещение, его каблуки скользили по ледяным металлическим ступеням, и он едва не сорвался вниз, цепляясь за поручни.

Бандит теперь сидел на четвереньках, среди своих поверженных товарищей, с которыми Адам и Эстель расправились незадолго до этого.

Аксель оттолкнулся от шершавой ступени, и ботинок его врезался в корпус противника, отбросив его на окровавленный бетон. Хрип боли вырвался из горла, когда сломанный нос Аомидзучи с хрустом врезался в пол.

Недобитый, словно живучий сорняк, он, как тень, метнулся с земли, сбросив Акселя и вскочив на ноги. Рука, словно змея, хлестнула в замахе – удар, способный погасить свет в глазах. Но пелена боли и крови застилала его взгляд, делая движения рваными и медленными.

Аксель уклонился, и тут же его нога, словно хлыст, обрушилась на правое колено противника. Хруст костей, треск связок – и нога подломилась под ним. Аомидзучи рухнул, как подрубленное дерево, и тут же в солнечное сплетение вонзился кулак, выбивая остатки воздуха из лёгких.

Соппротивление сломлено, лишь стон вырывался из его горла. Белые, как мел, глаза на фоне багровой маски крови, стекавшей со лба и разбитого носа, – взгляд отчаяния, достойный лишь того, кто осмелился вторгнуться в неприступную цитадель Зана. Аксель занёс руку для финального удара...

– Нет... Стой! Пожалуйста! У меня есть информация... – прохрипел Аомидзучи, хватая ртом воздух.

Аксель нахмурился и опустил руку. – Дёрнешься – умрёшь, – прорычал он, задыхаясь, когда адреналин начал покидать его тело. – Что за информация?

– Ты хочешь знать, кто послал нас убить тебя, верно?

Аксель покачал головой. – Мы знаем, что за ниточки дёргает Леон Шива. Вы, Аомидзучи, – лишь его марионетки, расходный материал. Грязная работа за него. Хотя, должен признать, бросить штурмовую группу на лаборатории ZanTech – верх идиотизма. Неужели вы этого не понимали?

Бандит пробормотал что-то невнятное, избегая взгляда.

Внезапно, из ближайшего дверного проема, ворвался вихрь цвета. Эстель Агирре, задыхаясь, влетела в комнату, оружие в руках. Чёрная майка без рукавов, военные брюки, на шее – армейский жетон.

– На остальной территории чисто, – выдохнула она, приближаясь. Её взгляд мгновенно скользнул по поверженному бандиту, и на лице застыло холодное, выжидающее выражение. – Давай покончим с этим, – бросила она Акселью.

Аксель Стоун решил, что время слов истекло. Звериный рык вырвался из его груди, и кулак с силой обрушился на лицо Аомидзучи.

Лаборатория ZanTech

Вторник

Комплекс зданий приютился в промышленном чреве Вуд-Оук-Сити, восточного придатка мегаполиса, всего в нескольких кварталах от Карлодон-парка. Более дюжины строений, объединённых в единое целое, были опоясаны неприступным периметром, отрезая случайных прохожих от секретов, скрытых внутри. Лишь протестующие, словно назойливые насекомые, роились на обсаженной деревьями площади, выражая свой гнев и недовольство. Мощные защитные системы ZanTech, призванные отражать бандитские набеги, терзавшие этот район в прошлом, оцетинились по всему периметру. В отличие от устремлённых ввысь башен корпораций, доминирующих над горизонтом, пятиэтажные корпуса базы излучали сдержанную скромность. Прямоугольные окна, словно глаза исполинов, светились теплым светом, едва пробивающимся сквозь броню полигласса.

Снаружи комплекс казался неотличимым от своих промышленных собратьев, но его стены были укреплены против ракетных ударов, а в недрах таился прототип стазис-поля Titan-IV, гордость ZanTech.

Доктор Гилберт Зан обвёл взглядом палату на четвёртом этаже. Чистота линий, лаконичный декор – белые стены, хромированная мебель, ультрасовременное лабораторное оборудование – всё дышало функциональной элегантностью. На стене, словно осколок прошлого, висела гравюра Рубина "Флейтист", её меланхоличная мелодия отражалась в зеркальной поверхности огромного голографического монитора, расположенного в противоположном конце комнаты. За длинным столом с гладкой стеклянной столешницей сидели шестеро оперативников – Аксель, Блейз, Адам, Эстель, Черри и Флойд. Одеты в гражданское, они всё равно источали ауру профессиональных воинов, даже лишённые брони и оружия.

Зан гордился неприступностью своей базы. И тем сильнее его грызло чувство вины за провал с прототипом стазис-поля. Квантовая уязвимость, словно предательская лазейка, позволила Аомидзучи взломать экспериментальную технологию и впустить в комплекс свой отряд убийц. Тот же гениальный хакер нейтрализовал системы защиты ZanTech, выключив автоматические лазерные турели и автономных патрульных дроидов. Когда электронные стражи пали, людям пришлось вступить в бой, преграждая путь Аомидзучи. Зан поклялся, что проведёт в лаборатории столько времени, сколько

потребуется, чтобы найти и устранить уязвимость, исправить свои системы и сделать их безупречными. Он знал, что способен на большее.

Совершенствование его исследований стало единственной отдушиной, осколком реальной жизни. Даже вернувшись в свой пентхаус в Новой Италии, он, скорее всего, снова погрузился бы в работу, утопая в тишине и пустоте, окружённый книгами и фотографиями старых взрывов водородных бомб на островах в 1950-х или атомных грибов, расцветающих на полигоне в Неваде. В лаборатории он имел доступ к лучшим компьютерам, и он останется здесь столько, сколько потребуется. У него не осталось ничего, что другие назвали бы личной жизнью, ни потребности в еде, сне или естественных отправлениях. Он больше не чувствовал усталости и даже не испытывал скуки... хотя дни его функционирования как андроида были сочтены, он знал это. Его позитронная матрица не могла работать вечно.

Было время, когда доктор Элизабет Гарнет оставалась работать с ним допоздна. Проницательный, одарённый воображением молодой физик, она смотрела на ученого-андроида с благоговением. Элизабет обладала невероятным талантом, в совершенстве владела расчетами и умела предвидеть вторичные эффекты. Её преданность делу и неутолимая жажда знаний сделали её идеальным партнером и протеже. К сожалению, у неё было слишком много совести, и в её душе поселились сомнения.

Элизабет с яростью неопита примкнула к "Прометей" – детищу Реймонда Зана. Бросив работу в ZanTech Labs, словно бежала от зачумлённого барака, она не могла смириться с мыслью, что...

...Гилберт Зан давно мёртв.

Её пылкий переход в стан противника напоминал доктору Зану ревностных бывших курильщиков, ставших самыми яростными борцами с табаком. Он представлял её там, за стенами его империи, с плакатом в руках, выкрикивающую лозунги, требующую ареста, изливающую свою правду на головы тех, кто и слышать её не хотел.

Доктор Зан заставил себя остаться за компьютером. Он отказался вернуться к окну, бросить ещё один взгляд на свою блудную дочь. Не злоба, нет, он испытывал лишь... разочарование. Как он мог так просчитаться, так недооценить свою бывшую протеже? Как он мог позволить ей уйти?

Зато о замене беспокоиться не приходилось. Флойд Ирайя – настоящий бульдозер, лишённый тонкости и терпения, но одержимый одной лишь целью. Верный, преданный ZanTech Labs, особенно после щедрого дара в виде кибернетического оружия. Он, по крайней мере, продолжал исследования в этом направлении.

Флойд изучал его из-за стола для совещаний со стеклянной столешницей, на его лице отражалась озабоченность.

– Что случилось, доктор Зан? – спросил он. – Вы выглядите встревоженным.

Голова Зана слегка закружилась, наномышечные волокна на лице сложились в подобие отеческой улыбки. – Я лишь пытаюсь понять, как я мог допустить сегодняшнее фиаско, вот и всё, – произнес он. – Это позор для ZanTech.

– Не вините себя, Гилберт, – отозвалась Блейз Филдинг, подавшись вперёд на своем стуле. Она как никто другой знала о его конкурентах – DahmCo, об их кровавой истории, о том, как они, вероятно, приложили руку к этой диверсии. Если Шива, Дам и Аомизучи сплелись в клубок, то это лишь верхушка айсберга. – То, что мы делаем, по своей сути – игра с огнём, – продолжала она. – Всегда найдутся те, кто выискивает слабые места, возможности. Прячутся в тени.

– В следующий раз мы встретим их во всеоружии, – поклялся Зан, взметнув в воздух одну из своих кибернетических рук. Пальцы сжались в кулак, и он медленно опустил руку. – Я уже вношу коррективы в наше стазис-поле. А пока все автоматизированные системы защиты и нейтрализации нарушителей активированы на случай дальнейших попыток проникновения за периметр.

Блейз устало улыбнулась и кивнула. – Спасибо, доктор. Она рисковала головой, оставаясь здесь, но чувствовала, что поступает правильно. Это казалось единственно верным решением, словно инстинкт, предначертание судьбы. У неё ещё будет время поспать и восстановить силы, она знала это. И комиссар Бернштейн, как обычно, признаёт, что был неправ. Если её чутьё не подводит, то они напали на след чего-то очень серьёзного, чего-то, что невозможно игнорировать.

Слишком развитое внутреннее чутьё, как съязвил бы комиссар в своей снисходительной манере. Но все присутствующие за столом, вероятно, согласятся, что она, как правило, права, благодаря своему генетическому дару предвидения. Вот почему они здесь, размышляла она. Почему они доверили ей свои жизни. Десятилетиями она доказывала свою преданность, прошла с ними огонь и воду, ни разу не отступив от своего единственного стремления – к справедливости.

Адам Хантер прочистил горло. – Мы задержали нескольких агентов Аомизучи, – доложил он. – Как только кто-нибудь из них заговорит, вы узнаете об этом первыми. – Он повернул голову в сторону Эстель Агирре, которая молча ответила на его взгляд и едва заметно кивнула, передавая что-то невысказанное. Затем он вновь посмотрел на Зана и Блейза, встретившись с ними взглядами.

– Что касается военных Нового мирового порядка, – продолжил он, – это стало секретной операцией. Кстати, Блейз, верховный главнокомандующий Петров передаёт привет. Эстель и я уполномочены использовать все доступные средства, чтобы разобраться в ситуации. Он хочет знать, чем занимается Шива и как DahmCo вовлечена в это.

– Петров никогда не был поклонником DahmCo, – с улыбкой сказал Блейз.

– Нет, с тех пор как он был похищен отцом Вольфганга во время проекта Игрек. Я не могу сказать, что виню его.

– Я помню это задание, – сказал Аксель, задумчиво нахмурившись.

– Мне помогает то, что мы с Иваном остаёмся хорошими друзьями, – сказал Зан. – Он всегда верил в Firestorm и в то, что он представляет. Он верил

в тебя, Блейз, и всегда поддерживал мою работу в ZanTech. Я благодарен ему за то, что он всё ещё верит в нас.

Адам стиснул зубы.

— Я тоже не собираюсь подводить старика. Давайте приступим к работе, друзья.

Пламенная речь Леона Шивы, словно ядовитая змея, расплзлась по мировым стриминговым платформам – нескончаемый поток, захлестывающий основные онлайн-каналы, телевидение и даже голографические новостные ленты. Технологические гиганты Вуд-Оук-Сити и Нео-Лондона, казалось, пребывали в показном "недоумении", не в силах постичь, как подобное вообще могло произойти.

Облаченный в безупречный деловой костюм, с холодной уверенностью в глазах, Шива обращался к американской общественности и всему миру из тщательно обставленного, но безликого офиса-бункера. Его речь, выверенная до последнего слова, утверждала, что все его давние пророчества сбылись.

С обольстительной риторикой, сотканной из извращённых мотивов классической мифологии, он живописал свою роль главы Нового Синдиката, представляя себя героем угнетённых масс, предречённым королем Мира – или, по крайней мере, революционной фигурой, достойной войти в анналы человеческой истории, а не безумным террористом, каким его клеймили правительства. Он упомянул ядерное пепелище старого Лондона в 2018 году, провал проекта супероружия "Опустошитель Миров", свою "лебединую песнь" в 2027 году, положившую конец Войнам Синдикатов. Всё это, по его словам, символизировало его личную Голгофу – подобно греческому титану Прометею, он лишь похитил огонь у богов и даровал его человечеству, но был низвергнут прежде, чем его замысел смог воплотиться в полной мере. Коротко коснулся смерти своей сестры, Рудры, во время тех событий, и того, как эта трагедия закалила его решимость в течение двенадцати долгих лет заключения в тюрьме Китайской Народной Республики. Такая трагедия... Такая потеря... Такая несправедливость... Но на этот раз, клялся он, всё будет иначе, всё будет идеально, и так называемый Новый мировой порядок не сможет его остановить, даже если бы захотел.

— В моём распоряжении армия, – произнёс Шива мягким, успокаивающим голосом, словно обращаясь к любимому человеку. – Армия, которую я создал, которую я возвращал десятилетиями...

И словно в ответ на его слова, на улицах Вуд-Оук-Сити наёмники Аомизучи, окутанные чёрными робами, раздавали оружие беглым заключённым и членам банд, некогда преданных мистеру Икс. "Сигнальная бригада", "Красные демоны", "Лос Муэртос" и другие – все были вовлечены в хаос, вдохновлённые посланием Шивы о грядущей новой эре.

Праздничные выстрелы разорвали воздух, и преступники, вместе с отчаявшимися изгоями общества, сорвались с цепи, грабя, поджигая здания и учиняя погромы. Они чувствовали приближение своего часа. Они ждали этого момента долго, с тех пор как пали Кообо и Сыны Тьмы. Возможно, это был

взрыв подавленной ярости брошенного поколения, отчаянно ищущего выход своим страданиям. Граждане, охваченные жадой мародерства, хлынули на улицы, пополняя ряды стихийной армии.

Город оказался апатичным, созревшим для захвата. Полицейское управление Вуд-Оук-Сити захлестнула волна экстренных вызовов, их ресурсы трещали по швам. Мародёры наводнили обсаженный деревьями бульвар, напротив Даунтаун-парка. То, что когда-то было самым престижным районом Вуд-Оука, теперь было захвачено толпой нарушителей закона, вторгшихся в роскошные жилые дома. Вооружённые бунтовщики выбивали замки и ломали двери.

Превосходящие числом, запуганные швейцары и охранники либо отступали, спасаясь от обезумевшей толпы, либо присоединялись к восстанию.

Наёмники, заключённые, члены банд, вандалы, анархисты и простые оппортунисты, с дикими криками врвались в дома богатых и знаменитых.

– Потребительство и западный сатанизм канут в Лету, – продолжал вещать Шива. – Имущие будут вырваны из своих гнёзд упадка...

На Парк-бульваре мародёры разграбили шикарный пентхаус. Дорогостоящие телевизоры, голографические компьютеры и другая электроника становились предметом ожесточённых споров, прежде чем их выносили на улицу. Ящики комодов были выброшены на пол, превращая всё в хаотичную свалку. Антикварные столы и стулья были перевернуты, бесценные вазы и картины разбиты вдребезги. Бывшие владельцы квартиры – инвестиционный банкир и его молодая жена – забились в угол, наблюдая, как грабители копаются в их шкафах, выбрасывая на пол дизайнерские платья и сшитые на заказ костюмы. Бандиты-сигнальщики совершили набег на винный погреб, передавая по кругу редкие сорта вин, бутылки виски и пятидесятилетние бурбоны. Пустые бутылки с грохотом разбивались о стены. Дорогой алкоголь лился на персидский ковёр ручной работы. Преступники жадно затягивались кубинскими сигарами.

– ...и будут выброшены в холодный, жестокий мир, который мы все так долго знали и терпели...

Поначалу перепуганные владельцы квартир наивно полагали, что их пощадят, что бунт алчен лишь до их имущества. Но вскоре этот мираж рассеялся: вооружённые люди, словно бездушные големы, грубо вышвырнули их на улицу, где они, полураздетые, в жалком смятении жались друг к другу, окружённые разъярённой толпой. Их выводили под дулами автоматов, лишая даже возможности проститься со своими роскошными клетками.

– Скоро в моём распоряжении будут генетически модифицированные суперсолдаты, – продолжал Шива, в его глазах не дрогнул ни один мускул. – Элитные отряды homo emendus будут развернуты в каждом крупном городе, и любая попытка сопротивления будет подавлена в зародыше. Никто не остановит нас. Мы – Молчаливое большинство, истинный народ этой земли. Революция началась...

Хриплый смех, словно карканье воронов, сопровождал бандитов, уводивших своих пленников прочь из квартала. В невинных летели камни, объедки, оскорбления. Пустая бутылка с глухим стуком обрушилась на лицо банкира, погрузив его в беспомощность.

– Будут созваны Верховные Суды Нового Света. Фондовые рынки обратятся в прах. И тогда, мои верные последователи, вы вкусите плоды истинной свободы..

Некогда блистательный пентхаус превратился в эпицентр вакханалии. Десятки скваттеров оккупировали его, пожирая остатки роскоши, уцелевшие после первого набега мародёров. Алкаши, наркоманы, проститутки, беглые подростки – все они открывали бутылки шампанского, обливая друг друга пеной, попирая обломки мебели и семейные реликвии. Проститутки и наркоманки устроили вульгарный показ мод, щеголяя в сорванных с плеч мехах и примеряя бриллианты. Пьяница по имени Галсия, шатаясь, обмочил угол.

– И тогда, леди и джентльмены, наконец-то начнётся заключительный этап проекта “Зулу”, – провозгласил Шива, впиваясь взглядом в камеру. Ледяная улыбка тронула его губы, когда он произнёс последние слова:

– Поверьте, самое сладостное я приберёг напоследок..

Улицы Вуд-Оук-Сити
Четверг

Детектив Роберт Мерфи начал день на удивление хорошо, словно в противовес тем свинцовым тучам, что сгустились над его головой в последние дни. Дорога до работы выдалась на диво спокойной, словно незримая рука разгладила все ухабы и расчистила путь. Ни тебе вечных дорожных работ, ни внезапных пробок, ни сонных фур, растянувшихся на километры, – ничего.

Даже светофоры в центре города, казалось, стоворились играть ему на руку, выстроившись в череду приветливых зелёных огней до самого здания полицейского управления Вуд-Оук-Сити на углу Главной и Пятой.

Быстро припарковавшись, Мерфи обнаружил, что утреннее везение настолько его окрылило, что он не удержался и заглянул в свою любимую кофейню *Mi Tierra* за капучино и парой лакомств: датским пирожным с ананасами и хрустящим крулером. Он порадовался, что они ещё держатся на плаву, несмотря на то, что уровень преступности в городе взлетел до небес и многие заведения закрылись, не выдержав волны беспорядков.

В восемь пятнадцать, направляясь к лифтам, он одарил широкой улыбкой пухленькую Джули, дежурившую за стойкой администратора полицейского участка. Она всегда была милой и заботливой, но сегодня выглядела особенно усталой, хотя всё равно нашла в себе силы улыбнуться в ответ. Теперь же он сидел за своим столом в полуподвальном офисе, который делил с Блейз Филдинг, наслаждаясь этим неожиданным оазисом утреннего спокойствия перед тем, как неизбежный шторм бюрократических проволочек и

юридических коллизий обрушится на их головы и заставит их снова сорваться с места.

Он откусил кусочек датского пирожного и невольно застонал от удовольствия, когда сладко-терпкий ананас коснулся его языка, запив его глотком обжигающего кофе. И тут, словно по злему умыслу, на его настольном телефоне вспыхнул тревожный красный огонёк, поставив крест на его недолгой передышке.

Смахнув бумажной салфеткой крошки с губ, он взял трубку. Голос Джулии, донёсшийся из приёмной, звучал встревоженно, в нём чувствовалась дрожь.

— Детектив Мерфи, тут звонит женщина, доктор Элизабет Гарнет. Я сказала ей, что вас ещё нет, потому что видела, как вы забираете заказ, но она очень настаивала. Простите.

— Всё в порядке, Джули, соедини её, посмотрим, что у неё там стряслось, что не терпит до конца моего завтрака, — Мерфи дождался щелчков и гудков переключения. Он решил, что лёгкая игра мускулами вернет ему контроль над ситуацией с этой особой, посмевшей расстроить его секретаршу. — Детектив Роберт Мерфи слушает, доктор Гарнет. Надеюсь, у вас есть веские причины для столь раннего звонка. Мой капучино стынет.

— Агент Гарнет, — поправил его женский голос. — И для ЦРУ никогда не бывает слишком рано, детектив. Так что простите, если помешала вам наслаждаться сухариками. — Её голос был ровным и спокойным, но Мерфи имел дело со многими отморозками и прекрасно умел распознавать угрозу, скрытую в нарочито вежливом тоне. Он выпрямился, ощущая, как в животе всё сжалось в тугую узел.

— Нет проблем. В чём дело?

— Я хочу вас видеть. Лично. Сейчас.

Мерфи машинально взглянул на часы, хотя и понимал, что это бессмысленно. Когда хладнокровная дама из ЦРУ звонит тебе в восемь двадцать пять утра и просит... нет, требует личной встречи, тут уж не до сантиментов. Он опустил манжет рубашки, прикрывая "Гамильтон" — подарок Блейз на день рождения в прошлом году — и ответил:

— Конечно, почему бы и нет? Не думаю, что работа детективом в Вуд-Оук-Сити перегружает меня интересными делами. Я как раз сидел тут...

— Да, вы говорили, ели сухарики.

Связь оборвалась. Мерфи стиснул зубы, сожалея о том, что не выбрал карьеру садовника или разносчика пиццы, где безликие призраки не могли испортить ему утро.

Двадцать минут спустя телефон зазвонил снова. Его гостья прибыла.

— Проводите даму вниз, Джулия, — распорядился он.

— Обязательно, Мерфи, — ответила она, и ему показалось, что за этими тремя словами он уловил едва заметную усмешку.

В ожидании агента ЦРУ Мерфи изучал кабинет. На стене, словно трофей, висела фотография Блейз Филдинг в рамке. Её милостивое лицо с карими глазами лучилось улыбкой, когда она пожимала руку мэру Ричардсу — лощёному, белозубому мужчине лет сорока, в безупречно скроенном костюме. Грамоты, две из которых были за проявленную храбрость в операции по уничтожению Синдиката Игрек, выстроились в ряд над низкими полками, заставленными томами по юриспруденции, процедурными руководствами и старинным изданием Фолкнера в кожаном переплёте. В тенистом углу, словно радуясь уединению, разрослось комнатное растение с восковыми листьями.

Да, это был оплот двух крайне серьёзных служителей закона. Место, где шутки могли обернуться дурной кровью.

Стук в дверь заставил дешёвую деревянную конструкцию в алюминиевой раме содрогнуться. Мерфи уже приготовил "Войдите!", но дверь распахнулась сама.

Он выпрямился, подавшись вперёд и уперевшись костяшками пальцев в отполированную поверхность стола — альфа-самец, утверждающий свою власть на подконтрольной территории. Женщина, ступившая на тёмно-серый ковёр, казалось, либо не заметила его сигналов, либо они её просто не волновали. Мерфи окинул её подтянутую фигуру профессиональным, быстрым взглядом, когда она предъявила свой бейдж, и затем встретился с ней глазами. В тёмно-синих омутах её взгляда он узнал лицо, мелькавшее в новостях Wood Oak City Central. Доктор Элизабет Гарнет, бывшая протеже Гилберта Зана, внезапно вспомнилось ему. Та самая, что хлопнула дверь ZanTech несколько лет назад и присоединилась к правозащитной группе "Прометей", основанной младшим братом Зана. Ей было чуть за тридцать, она выглядела безупречно, светлые волосы с химической завивкой мягко ниспадали на плечи, обрамляя элегантный чёрно-белый деловой костюм. Мерфи знал, что она яростно отстаивает свои убеждения на публике, занимая активную позицию во многих недавних акциях протеста против повышения, охвативших Вуд-Оук-Сити.

И её отношения с самим Заном, её бывшим наставником, в эти дни были, мягко говоря, натянутыми, если не отсутствовали вовсе. Возможно, поэтому Мерфи и не подозревал о её связях с ЦРУ.

Чувствуя, что он играет слабую карту, Мерфи не стал предлагать руку. Вместо этого, откинувшись на спинку своего мягкого кожаного кресла, он жестом указал на кресло напротив.

— Присаживайтесь, агент Гарнет.

Элизабет Гарнет одарила его едва заметной улыбкой и грациозно опустилась в гостевое кресло. Всё ещё кожаное, но натянутое на хромированную стальную раму. Оно жалобно скрипнуло.

Мерфи почувствовал, как участилось сердцебиение. Приподняв подбородок и выпятив его вперёд, он заговорил: — Чем полицейское управление Вуд-Оук-

Сити может быть полезно нашим коллегам из Центрального разведывательного управления?

Гарнет сделала паузу, собираясь с мыслями. Пауза затянулась. Мерфи досчитал до семи, прежде чем она заговорила.

— Мне известно о событиях в ZanTech Labs несколько дней назад, — начала она. — Нападение Аомидзучи. Я знаю о причастности Блейз Филдинг к ZanTech, и именно поэтому её сейчас нет на месте. И мне известно, что вы расследуете дело DahmCo на предмет предполагаемой связи с Леоном Шивой.

Это было утверждение. Даже не облачённое в форму вопроса. Мерфи не стал тратить время на то, чтобы выяснить, откуда у этой женщины из ЦРУ информация обо всех их секретах.

— Верно. И что?

— Скажем так, моё пребывание в "Прометее" в последнее время было связано с небольшим... расследованием... в центральных лабораториях DahmCo. Мы пришли к некоторым интересным выводам.

Она сунула руку в карман пиджака и вытащила сложенный лист бумаги. Положив тонкий белый прямоугольник на стол, она подвинула его к Мерфи. — Прочтите это.

Мерфи взял конверт и открыл его. Внутри оказался фирменный бланк ЦРУ с изображением белоголового орла — официального символа агентства — в правом верхнем углу.

В послании, написанном на английском языке, содержалась просьба как можно скорее передать его содержание своему напарнику, детективу Блейз Филдинг. Подпись под текстом принадлежала некоему Дональду Крукшенку, занимающему должность директора по межведомственному сотрудничеству.

Внимательно изучив содержимое конверта, Мерфи поднял глаза на Гарнет и встретил её серьёзный взгляд. Он вернул ей листок и положил руки на стол ладонями вниз. К его облегчению, оба они были спокойны и не выдавали волнения.

— Вы были правы, обратив на это наше внимание, — просто сказал он.

Гарнет поднялась со стула, который издал ещё один, более громкий скрип, когда его старый металлический каркас прогнулся под её весом.

— ЦРУ и Новый мировой порядок работают сообща, чтобы защитить нашу страну от угроз как внутри, так и за её пределами, — сказала она ему. — В ближайшие дни нам нужно будет объединить усилия, и я уверена, вы согласитесь с этим, детектив Мерфи. Я бы сама передала сообщение Блейз Филдинг, но поездка в ZanTech Labs раскрыла бы моё прикрытие в Прометее прямо сейчас. Я уверена, вы понимаете.

Мерфи кивнул.

— Я передам это ей прямо сейчас.

Черри Хантер допила остывший кофе и бережно взяла в руки электрогитару. Bilt Revelator ZX цвета красного дерева, подарок Джоди Келси, партнера её отца, на пятнадцатилетие. Инструмент из лимитированной серии, выпущенной к юбилею компании в 2035-м, всего несколько сотен экземпляров. В девятнадцать с половиной она ощущала знакомую тяжесть в руках и невольно вспоминала, как брала гитару на концерты и школьные вечеринки. После выступлений всегда находились парни, предлагавшие купить её сокровище.

С заученным светским апломбом или с неприкрытым напором они сыпали номерами телефонов, а затем выстреливали неизбежным вопросом: "Она ведь не продаётся, да?" И Черри неизменно улыбалась, качала головой и, возможно, чуть крепче сжимала гриф.

Усилители прогревались, и гитарные звукосниматели наполнили комнату гулом. Здесь, в стенах ЗанТеха, можно было не сдерживаться. Аксель, Блейз и Флойд отправились на поиски ответов в лабораторию DahmCo, в другой части города. Проникли туда прошлой ночью, ведомые информацией, полученной от некоей дамы из ЦРУ, и их возвращения пока не ждали. Эстель и её отец всё ещё допрашивали Аомизучи, захваченных после нападения на базу, но доносившийся оттуда шум был едва слышен – допросная находилась в восточной части комплекса.

Кроме дежурных уборщиков и ремонтных бригад, в здании был только доктор Гилберт Зан. Но он – андроид.

Черри могла играть так громко, как душе угодно, это его совершенно не беспокоило. Доктор утверждал, что способен "перенастроить звуковые рецепторные системы для компенсации". К тому же, он был занят в главной лаборатории, всего в двух шагах от казарменного типа жилых помещений, где она сейчас находилась, ближе к дополнительным складским помещениям и их большим бетонным пространствам.

В окнах с двойным остеклением мелькнул автономный робот ZanTech, бесстрастно вышагивающий на своих металлических ногах-ходулях по запрограммированному маршруту. Знакомый кобальтово-сине-серый корпус внушал ложное чувство безопасности; в размеренных движениях машины было что-то успокаивающее. Две подвесные пушки прижаты к груди, словно маленькие ручки динозавра. Лязг моторизованных гидравлических частей и глухое "тук-тук-тук" шагов, отчётливо слышные сквозь стены казармы, сопровождалась едва уловимым телепатическим жужжанием его электронных систем слежения. Когда робот скрылся из виду, Черри взяла еще одну ноту, закрыла глаза, напевая обнадеживающую мелодию. Затем открыла рот и запела:

Жизнь у меня одна, и права я знаю,
Мир давит день за днём, но стою, не сдаваясь.
Сквозь сумрак и тени я путь свой держу,
И верю, что свет впереди меня ждёт...

Пальцы порхали по грифу, отдаваясь энергии музыки. Песня вибрировала в теле, вырываясь из усилителя мощными аккордами, каждая басовая нота –

сильная и триумфальная. По коже пробежали мурашки; это был её джем, её художественное самовыражение, её островок счастья.

Внезапное чувство тревоги заставило её медленно открыть глаза. Черри опустила гитару, поддавшись сомнениям.

– С тобой всё будет в порядке, крошка, – заверил её Адам Хантер, когда привез домой из больницы после памятной ссоры на свадьбе подруги. – Ты же знаешь, у нас медицинская страховка DahmCo – высший класс. Семейный пакет, всё включено. Мы едва ли сотню долларов заплатили за сегодняшний визит. Пустяки.

Черри слабо улыбнулась в ответ, но улыбка вышла натянутой. Как же успокаивало раньше осознание того, что о её здоровье заботится такая влиятельная международная корпорация, имеющая доступ к лучшим специалистам и передовым технологиям Вуд-Оук-Сити. Теперь же, после всего, что они узнали о DahmCo за последние несколько дней, одна эта мысль вызывала озноб и липкий страх.

Пять лет назад, после того, как мир захлестнула эпидемия Trojan-38, унёсшая жизни двух миллионов человек, именно лаборатории DahmCo разработали "единственную эффективную" вакцину. Её триумфально объявили спасением человечества и запустили массовое производство. Верховный Совет Нового Мирового Сообщества, ослеплённый перспективой обуздать болезнь, постановил, что в интересах общественного здравоохранения всем лицам старше двенадцати лет необходимо в обязательном порядке получить эту дозу. Всемирная организация здравоохранения поддержала это решение. DahmCo Healthcare Insurance не только предоставляла бесплатную вакцину, но и значительно сокращала время ожидания. Для многих жителей Вуд-Оука, жаждущих сэкономить на медицинском обслуживании, это стало идеальной возможностью зарегистрироваться в DahmCo Medical, получить заветную прививку и вернуться к своей обычной жизни.

Но безумие заключалось в том, что ЦРУ обнаружило: вирус пандемии Trojan-38 был генетически сконструирован в стенах DahmCo несколькими годами ранее, чтобы отвлечь внимание общественности. Вся эта история с вакциной была дьявольским планом Вольфганга Дама и Леона Шивы по внедрению уникальных генетических инструкций (с использованием биомолекулярных нанотехнологий) в организмы миллиардов людей по всему миру. Генетических инструкций, которые теоретически можно было изменить дистанционно, по чьему-то злему умыслу.

С какой целью.. Кто мог знать? Именно это и собирались выяснить Флойд, Блейз и Аксель. Блейз была убеждена, что вакцина – причина загадочных смертей, захлестнувших Вуд-Оук-Сити в последнее время: генетические изменения и реакции, вызванные этими инструкциями. Теперь группа была как никогда решительно настроена остановить Шиву и его гнусный "Проект Зулу", прежде чем произойдет нечто катастрофическое.

Черри знала, что ставки высоки, как никогда. Даже она поверила в ложь, которую DahmCo так умело распространяла о своей "спасительной" вакцине. Обещание легального, санкционированного высшими эшелонами власти лекарства. Верховный Суд Нового Мирового Порядка, одураченный коварством Шивы, придал этому плану официальный статус и сделал вакцинацию

обязательной для всех граждан к 2041 году. Она сама сделала прививку в местной клинике DahmCo вместе со своим отцом Адамом, Джоди Келли, и сводным братом Кертисом. Им всем сделали повторные прививки всего несколько месяцев назад.

Черри почувствовала, как волна отвращения захлестывает её при мысли о том, что её тело теперь потенциально может быть объектом генетических манипуляций, без её ведома и согласия, в любой момент – со стороны тёмных сил, находящихся вне её контроля. Наверное, это чувствовала Блейз Филдинг, когда узнала правду о том, что происходило с ней в психиатрической больнице Эджмонта. Черри чувствовала себя обнажённой, изнасилованной – это было гораздо хуже, чем любые махинации синдиката Y с их контролем над сознанием. И правительство Нового Мирового Порядка допустило всё это, не подозревая о последствиях.

Прилив тревоги накатил на Черри Хантер примерно через пять секунд. Но она поклялась держать себя в руках и позволить этому чувству пройти сквозь нее. Она знала, что должна сохранять позитивный настрой. Никто из обычных людей ещё не подозревал об этой страшной правде. Поэтому она должна оставаться сильной в предстоящие дни, что бы ни случилось. По крайней мере, это было бы важно для её друзей.

Она начала играть «Stormy Weather», но внезапно остановилась, потому что минорные аккорды песни вызвали у неё слёзы. Она вытерла слёзы тыльной стороной правой руки, размазав чёрную подводку, и шмыгнула носом.

Мелодия старого электрического блюза подняла ей настроение. Она провела ещё час в комнате в одиночестве, пытаюсь привести мысли в порядок и вспоминая истории любви и потерь других художников.

Бета-Лаборатории DahmCo
Вуд-Оук-Сити
Несколькими часами ранее

Корпус В, оплот передовых исследований, сегодня зиял закрытыми дверями, жертвой нарастающей волны протестов против расширения, что бурлили в местных новостях. Ровно в 21:00 Флойд Ирайя, словно тень, скользнул внутрь, воспользовавшись моментом и проникнув через окно первого этажа. Кибероптика в его глазах оживила, сканируя огромное помещение на предмет малейшего движения.

Царствовала тьма. Ряды книжных полок-гигантов и островков компьютерных столов с мерцающими экранами прорезали пространство, создавая лабиринт теней. Над ними, словно стражи, возвышались балконы, где в стеклянных коконах покоились серверы квантовых компьютеров DahmCo.

Кибероптическое сканирование выдало тревожный сигнал – тепловое пятно. Флойд, действуя стремительно, бросился к ближайшей рабочей станции. Его цель: внедрение хитроумного шпионского ПО, созданного им самим в недрах ZapTech накануне. Вирус-червь, его детище, должен был оплести облачную сеть DahmCo, высасывая данные, словно паразит, а затем, передав добычу

ZanTech, бесследно исчезнуть. Искусная работа, не без гордости подумал Флойд.

Голубоватый отблеск экранов двоился в воздухе, пока он вводил команды в интерфейс DahmOS, перенастраивая протоколы безопасности. Из кармана пиджака он извлёк шестидюймовое механическое устройство и прикрепил его к столу. Устройство пискнуло, зелёный светодиод вспыхнул, сигнализируя об успешном подключении. "Проще простого," промелькнуло в его мыслях.

В ожидании, пока шпионская программа выполнит свою задачу, периферийным зрением он уловил размытое чёрно-серое пятно. Инстинкт заставил его переключить кибероптику в режим распознавания движения. И точно, сверху, словно хищник, на него неслась человеческая фигура. Встревоженный, он отпрянул от экранов, растворяясь в тени зала.

Флойд и Онихиме заметили друг друга одновременно. Стройная восточная женщина, лет сорока с небольшим, в облегающем черном комбинезоне, двигалась с грацией кошки. Винтовка Longsword у бедра, в одно мгновение взлетела к плечу, и раздался выстрел.

Флойд рухнул на пол, перекатившись в сторону, а тяжёлая полка с томами по физике рассыпалась феерией обрывков. Он оказался в худшей позиции. Онихиме господствовала, глядя сверху вниз с балкона, дальнобойность мощной винтовки была на ее стороне. У Флойда же – лишь одноствольный револьвер, его единственное оружие в этой миссии. Он не верил в насилие, никогда.

Онихиме. Одна из прислужниц Шивы, тесно связанная с Синдикатом мистера Икс с самых его тёмных дел, а затем и с созданием Нового Синдиката. Кибер-Зид, Аомидзучи. Список можно продолжать бесконечно. Оставалось только гадать, что наёмница забыла здесь в такой поздний час, но, возможно, это было неизбежно, учитывая обстоятельства. Флойд знал наверняка одно: если он намерен выполнить свою часть задания, ему придётся пройти через Онихиме.

Голос снайпера, словно эхо, настиг его слова: – Здравствуй, Флойд Ирайя! Неужели ты думал, что мы не ждём ответной реакции от ZanTech и таких, как ты? Я собираюсь арестовать тебя и оставить здесь, чтобы тебя нашли копы. – В темноте она, улыбаясь, перекинула длинные чёрные волосы через плечо. – Шива позаботится и о твоих друзьях в другом здании. Он долго выжидал, но на этот раз он намерен покончить с вами раз и навсегда. Сам, понимаешь? Кстати, спасибо, что привёл нас к ним. Мы подправим обстоятельства, и к завтрашнему выпуску новостей будет выглядеть так, будто вы трое сами нажали на курок.

Он пробирался вдоль книжных полок, лихорадочно соображая: – Неужели? Ты промахнулась, малышка. Зан наблюдает за нами и запишет всё, что здесь произойдёт!

– Это не имеет значения! – огрызнулась она. – У нас всё под контролем, Флойд. Неужели ты не понимаешь? Шива планировал это десятилетиями. Он многому научился у мистера Икс, и, как и Джордж Ксетеус до него, он научился лепить историю, как пластилин, создавая события по своей воле, в соответствии со своим видением. Не было такого поворота событий, которого

бы он не предвидел, не просчитал. Каждый шаг, каждая случайность – всё учтено. План, выкованный в огне его разума, всегда претворялся в жизнь, как бы ни пытались помешать ему эти мелкие людишки, копошащиеся у его ног.

Очередной снаряд пробил книжные полки в дюйме от виска Флойда, заставив его пригнуться. Эта стерва, укрывшись за барьером, высматривала его через Т-образный оптический прицел. Если Флойд не сможет выманить её из этой норы, сократить дистанцию и прикончить, то рано или поздно снайперша добьётся своего.

Он бросил взгляд вверх. Балкон нависал над ним, всего в нескольких футах от вершины самой высокой книжной полки. Он мог бы забраться туда, но стоило ему пошевелиться, и Онихиме превратит его в решето. Нужна отвлекающая уловка.

Резким движением Флойд вскочил на крышку компьютерного стола. Снайпер, засёкшая движение, мгновенно развернула винтовку. Флойд вскинул револьвер и нажал на спусковой крючок. Как бы ни был он хорош, даже с улучшенной точкой прицеливания в кибер-оптике, Онихиме была укрыта на три четверти, практически неуязвима.

Но массивная хрустальная люстра, нависшая над ней, представляла собой куда более заманчивую мишень. Огромная чаша из матового стекла и латуни, подвешенная на металлической цепи, была создана почти столетие назад, в дыму и хаосе битвы за Берлин. Она украшала роскошный дом деда Вольфганга Дама, Дитриха Дама, нацистского сержанта, щедро награждённого за свои "подвиги" во Второй мировой войне. Выстрел Флойда разнёс её вдребезги. Хрупкая антикварная вещь взорвалась под натиском, осыпая всё вокруг градом осколков.

Онихиме издала испуганный крик, когда люстра рухнула, обрушившись на неё лавиной стекла и металла.

Звон разбивающегося стекла, грохот падающих обломков – Флойд использовал этот миг хаоса в своих интересах. Отбросив разряженный, бесполезный револьвер, он, покачнувшись на усиленных ногах, собрал всю свою силу в спринтерском прыжке и рывком взобрался на книжный шкаф. Потрёпанные тома, научные трактаты, старые газеты – всё это посыпалось дождём на кафельный пол, выбитое его сапогами.

Достигнув вершины, он ухватился за перила балкона своей правой кибер-рукой. Металлические пальцы сомкнулись, и он, с шипением, от напряжения, подтянулся. В тот же миг мощный удар вырвал кусок мрамора из балкона рядом с ним, и каменная шрапнель разлетелась во все стороны.

Онихиме выскочила из своего укрытия, ища более выгодную позицию. Длинная снайперская винтовка покачивалась у её бедра, словно копьё из чёрного железа. Флойд знал, что она так поступит. За все эти годы он усвоил, что эта восточная женщина не готова принять бой на чужих условиях. В этом её слабость. Онихиме всегда стремилась играть по своим правилам, и иногда это оборачивалось против нее. Но, возможно, именно благодаря этой упрямой вере в свою правоту она, ветеран всех войн Синдиката, дожила до этих

дней. Флойд же, напротив, на горьком опыте научился играть той рукой – или теми "картами", что ему сдавали.

Он с силой пнул стоящий рядом контейнер на колёсиках, и тот, покачнувшись, покатился по полу, отрезая Онихиме путь к отступлению. Затем он схватил один из квантовых компьютеров в стеклянном корпусе и бросился на женщину, выставив вперёд левую кибер-руку.

Онихиме вскинула снайперскую винтовку, пытаясь заблокировать удар. Флойд услышал хруст ломающегося механизма – его кибер-рука пробила защиту. Он бросился вперед и схватил её, нанеся удар, от которого у Онихиме перехватило дыхание.

Флойд обрушил вес своего предплечья на её горло, надавив изо всех сил. Он услышал приглушённый хрип, застрявший в горле женщины. Снайпер замахала руками, подняв их в жесте, который на мгновение показался ему жестом капитуляции: раскрытые ладони, растопыренные пальцы.

Затем правая кибернетическая рука Флойда перетекла в немыслимую форму: пальцы раздвоились, переплелись, а затем вновь слились воедино. Мизинец и большой палец отступили, словно испуганные звери, а средние раскрылись веером, превращая руку в подобие жуткого, хищного насекомого, пронизанного трепещущими нитями электричества.

Он обрушил этот электрический хлыст на уязвимый живот Онихиме. Комбинезон, словно сотканный из самой тьмы, выдержал первый удар, наномолекулярная броня в шелковистой ткани отразила разряд. Электризованное жало отскочило от сочленённых панелей, но Флойд не отступил. Он вновь опустил руку, выкручивая мощность на максимум, насыщая воздух вокруг радужно-голубым сиянием.

Боль пронзила наёмницу раскалённым лезвием, опалая каждый нерв. Но вместо того, чтобы сломаться, она позволила этой боли захлестнуть себя, превратить в ярость. Левая рука Флойда, как змея, метнулась к ней, но Онихиме, неожиданно изогнувшись, издала звериный рык. Она оттолкнулась от него и обвила его шею руками, превратившись в смертоносного удава. Они зашатались, сплетаясь в танце смерти.

В поле зрения Флойда вспыхнули зловещие предупреждения, спроецированные прямо на сетчатку имплантированным монитором. Кислород стремительно падал, голова кружилась, и мрак потери сознания уже заглядывал в глаза. – Тебе не победить, – прошипела его противница, её дыхание обжигало его кожу. – Я выпотрошу тебя к чёртовой матери!

Держать Онихиме было всё равно что пытаться удержать змею, выскользнувшую из рук. Её гибкое тело извивалось и изворачивалось, в отчаянной попытке вырваться из смертельной хватки аугментированного мужчины.

Покончи с этим сейчас, пронеслось у него в голове, пока не стало слишком поздно.

С утробным рыком, рождённым из последних сил, Флойд вернул правую киберруку в исходное положение и использовал её, чтобы вцепиться в левое запястье Онихиме.

Резким, выверенным движением он выкрутил её руку, заставляя её закричать от боли, а затем нанёс сокрушительный удар второй киберрукой в область сустава.

С жутким скрежетом сустав вывихнулся, отбросив женщину прочь, как сломанную куклу.

Онихиме тихо всхлипнула, её пустые глаза расширились от внезапного осознания мощи Флойда. До этого они обменивались градом ударов ногами и кулаками, сила против силы, но этот бой с самого начала был предрешен. Женщина весом в пятьдесят килограммов никогда не смогла бы победить. Флойд обладал массой, мощью и неукротимой выносливостью.

Не обращая внимания на боль, разрывающую горло, Флойд встретился взглядом с Онихиме и безжалостно обрушил на неё мощный апперкот своим правым киберкулаком. Металлическая перчатка пробила основание её челюсти, раздробив кости и выплеснув фонтан крови из разорванного неба. Она рухнула на пол.

Флойд жадно глотал воздух, заполняя измученные лёгкие. Онихиме упала. Она попыталась что-то сказать, но из её горла вырвался лишь невнятный хрип.

На её губах появилась розовая пена. Собрав последние силы, Флойд оттолкнул её, и снайпер отлетела назад, зацепившись за край балкона. Её тело перевалилось через перила и рухнуло на мраморный пол внизу, превратившись в бесформенную кучу костей и плоти.

В дальнем конце зала с оглушительным грохотом распахнулись главные двери, и в помещение хлынули дымовые шашки, окутывая всё клубами густого тумана. За дымовой завесой двигались фигуры в боевой броне, а в воздухе мелькали тонкие, зловещие нити лазерных прицелов. Флойд услышал приглушённые голоса, выкрикивающие команды. Это была группа безопасности DahmCo.

Он поморщился от боли, ощущая каждую рану, каждый порез и синяк, покрывавшие его лицо и торс. Забыв о боли, он бросился к окну, помня о своей территории и миссии, которая ещё не была завершена.

Аксель Стоун услышал скрежет металла, обернулся и увидел перед собой троих громил, выстроившихся в линию: в центре возвышался тяжеловес, а по бокам, словно фланги, его поддерживали двое борцов. Лязг исходил от цепей, зловеще обвивавших каблучки их ботинок, словно шпоры безумных наездников.

Громилу в центре звали Медведь Рокки. Перевалившему за шестой десяток, ему не терпелось заговорить первым.

— Аксель Стоун и Блейз Филдинг. Да, я вас помню. Вы были в числе тех, кто штурмовал объект Project Y в Неваде после взрыва в 2017 году. Ваш.. "друг-андроид"... уложил меня тогда. Эта ваша электрическая игрушка, механическое чудовище. — Двое по бокам угрожающе сжали в руках оружие Айпи Джо,

обменявшись злорадными ухмылками. Рокки зашарил за спиной и извлёк на свет стальной мачете, с которым Аксель давно не сталкивался.

— Впрочем, выбор за вами, — процедил он. — Можете сдать, или я могу лично с вами расквитаться, избавив мир от вашей надоедливости. — Головорезы с оружием в руках оскалились, и Блейз Филдинг, стоявшая рядом с Акселем, почувствовала, как тревога захлёстывает её с новой силой. Эта миссия катилась в тартарары, но она надеялась, что Флойду повезет больше в другом крыле. Они не планировали, что их так быстро вычислят в бета-лабораториях DahmCo — проникновение под покровом ночи казалось им лучшим вариантом, а прямой конфликт противоречил её личному кодексу, отточенному за годы работы детективом и прокурором в Вуд-Оук-Сити. Она предпочитала подчёркивать мир и понимание, а не агрессию — договариваться, а не драться. И, памятью об этом..

— Я понимаю, что вы злитесь, — начала Блейз, пытаясь успокоить Рокки. — Мы с друзьями несём ответственность за многое из того, что случилось в городе с тех пор, как здесь воцарился Нео Хаос. Нам пришлось пройти через многое, чтобы оказаться там, где мы есть... и за эти годы я принимала непростые решения. Но неужели вы хотите вспоминать ссору десятилетней давности, которую я едва помню, когда нам нужна лишь информация о деятельности DahmCo? Почему бы вам просто не отпустить нас? У нас счёты с Леоном Шивой, а не с вами. Здесь нет нужды в насилии.

Троица надвигалась, словно хищники. Двое борцов с наигранным энтузиазмом покрутили оружие, демонстрируя свои навыки в айкидо. — Думаю, самое время для "начала" прямо сейчас, — прорычал Рокки, стиснув зубы. Он был в ярости. Подавленные детские обиды взметнулись в его сознании, и теперь он без стеснения обрушивал на Блейз Филдинг ту ярость, которую привык ассоциировать с ними. — Ты не будешь мне указывать! Ты ничтожество. Сирота. МЕЛКАЯ СОШКА!

Последнее слово сорвалось с губ, и троица, казалось, занервничала, принимая боевые стойки. Они не ожидали встретить сопротивление на этом задании. Предполагалось, что это будет быстрая разведка. Инстинкты подсказывали Акселю: выждать, проанализировать силы противника и их расположение. Спланировать атаку. Обеспечить логистику. Это было бы идеально в другой ситуации.

Обычно Мерфи прикрывал бы их в подобных случаях, заручившись поддержкой нескольких верных друзей Блейз из WPD. Не раз они вытаскивали их из передраг, но здесь, в DahmCo, сегодня вечером, команда понимала, что это не вариант. Они действовали вне юрисдикции полицейского управления Вуд-Оук-Сити, и Блейз рисковала карьерой, просто находясь здесь.

Ставка была непомерно высока, и они оказались один на один с угрозой, реальной или мнимой. Медведь Рокки не блефовал, его массивная фигура дышала неприкрытой угрозой.

Аксель не стал медлить. Он обрушился на противника, словно ураган, обрушив град ударов на неповоротливого громилу. Первый же удар кулаком разбил Рокки нос, окрасив его ухмылку багровым. Аксель вырвал мачете из его ладони и мгновенным, точным движением полоснул по внутренней стороне запястья. Кровь брызнула, оставив алые отметины на рукаве и лице Акселя.

Медведь Рокки взревел от боли, отшатнувшись назад, прижимая руку к ране. Аксель, не теряя ни секунды, взмыл в воздух, нанеся удар правой ногой точно под подбородок. Тяжеловес рухнул на землю, из его горла вырвалось хриплое бульканье.

В это время Блейз Филдинг оценила ситуацию. Двое громил, отпрянувшие от Рокки, надвигались на неё. Рослые, самоуверенные, с оружием наготове, они страдали от распространенной иллюзии, что рост и грубая сила дают преимущество в бою. Они делали ставку на инерцию своего оружия и животную мощь.

Они ринулись в атаку, но, как отметила Блейз краем сознания, драться они не умели. Только бить. Уклоняйся, защищайся – и они превратятся в неповоротливые груды мяса. Она закружилась вокруг них, словно танцуя, демонстрируя безупречную выносливость, и встречала их градом точных ударов локтем и предплечьем в стиле дзюдо.

В следующее мгновение они совершили роковую ошибку, закинув свои дубинки "Айпи Джо" за плечи. Блейз присела и нанесла молниеносный удар правой ногой по лодыжке ближайшего противника. Тот рухнул, а Блейз уже разворачивалась для сокрушительного удара...

...прямо в пах второму. Вой боли пронзил воздух, когда каблук её тренировочного ботинка вонзился в его самое уязвимое место.

Её сшитые на заказ ботинки, может, и не внушали такого ужаса, как армейские "берцы" с их шипованной подошвой, но скошенный каблук действовал как идеальный рычаг, концентрируя всю силу удара в одной точке, что гарантировало максимальную боль и разрушение. Мужчина рухнул на землю, корчась от невыносимой боли.

Блейз отступила, чувствуя прилив адреналина, и увидела, как Аксель метнул мачете ей за спину, в сумрак цеха. Она бросила взгляд вниз, наступила на правую руку второго противника и обрушила на него серию ударов кулаками в живот. Хруст ломающейся кости был слышен даже сквозь грохот работающих квантовых станков. Специалист по айкидо забился в конвульсиях на полу, из его рта хлынула кровь. Он потерял сознание с протяжным стоном.

Медведь Рокки обрушил на Акселя шквал ударов, но, несмотря на колоссальную силу, не мог угнаться за его скоростью и яростью. Сквозь стиснутые зубы, издавая звериное рычание, Аксель направлял свою внутреннюю ярость, энергию, которую он годами учился контролировать, чтобы стать более эффективным бойцом и учителем. Он ревел, словно раненый зверь, и ярость, словно пламя, окружала его, направляя каждое его движение, каждую атаку.

Всегда вперёд, всегда к новым вершинам, никогда не оглядываясь назад. Он не мог подвести ни своего отца, Локка, ни своего сына Макса, для которого Аксель был кумиром. И любовь к Блейз, которая всё ещё жила в его сердце. Он вложил в этот бой всё, что у него было. После продолжительной серии ударов Медведь Рокки рухнул на спину, потеряв сознание на несколько долгих секунд.

И тут раздался голос: – Хватит!

Аксель и Блейз обернулись, и из мрака лаборатории, словно сотканный из самой тени, возник Леон Шива, остановившись в каких-то трёх метрах от них. Пряди вороных волос, непокорно выбившиеся из причёски, падали на лицо, и он небрежным жестом откинул их пальцами правой руки. Безоружный, он стоял перед ними, с непринуждённой элегантностью скрестив руки на груди.

В воздухе повисла ошеломлённая тишина. Аксель и Блейз, с трудом переводя дыхание, отступили от тел поверженных врагов. Аксель, поморщившись, вытер тыльной стороной перчатки брызги крови с лица. Они сделали несколько шагов навстречу Шиве, вставая плечом к плечу, словно перед лицом общей угрозы.

– Леон Шива, – процедила Блейз, в её голосе звучало кислое, но отнюдь не удивлённое узнавание. – Как мило, что вы решили присоединиться к нам.

– Вам пора уходить, друзья мои, – произнёс Шива гипнотическим тоном, в котором угадывались отголоски восточного, японского диалекта. – По правде говоря, вы оба мне нравитесь, – добавил он. – Не поймите меня неправильно. Аксель, Блейз... после всего, что мы пережили вместе за эти годы. Все эти размолвки... на самом деле они ничего не значат. По крайней мере, в будущей перспективе. После совместной победы над Сохарисом, я верил, что мы достигли нового уровня понимания, ты и я, несмотря на то, что произошло в Мозамбике.

– Едва ли, – фыркнула Блейз.

– Ты знаешь, что это правда, мисс Филдинг, – ухмыльнулся Шива. В его глазах вспыхнули искры воспоминаний о времени, предшествовавшем его заключению в Китае. – Вспомни, кто помог тебе раскрыть правду об "Энигме". Я помог Акселю обрести утраченную часть себя. Эта ярость, что живет в нём... этот 'эйдолон'. Именно благодаря мне он осознал его природу, и это сформировало его. Его мышление. Его манеру преподавания в додзё. Я создал его таким, каким он есть сейчас.

– Если мне не изменяет память, – возразила Блейз, стараясь придать своему голосу небрежность, – именно ты и Рудра помогли создать этого монстра, Энигму. Из-за тебя я прошла через всё дерьмо на той фабрике по производству героя.

Шива пожал плечами. В уголках его глаз залегли тонкие морщинки, улыбка стала шире, а глаза, скрытые в полумраке, засияли, словно две луны-близнецы. – Несмотря на события, связанные с уничтожением «Опустошителя Миров», в конечном итоге именно я помог вам победить Энигму, – напомнил он. – Не забывайте об этом. А то, что случилось дальше, когда ваш "брак" распался, – это уже ваша собственная история.

Ноздри Акселя раздулись. В его памяти всплыли обрывки кошмарных снов, мучивших его под воздействием музыки диджея K-Washi в годы, проведённые на Аляске. Чёрт возьми. Мир за гранью Мира. Тяжёлая депрессия, в которую он погрузился. Теперь ему стала ясна истинная степень его нарциссизма.

Шива поймал его взгляд и задумчиво кивнул, словно читал его мысли. – Разве не я помог тебе расправиться с близнецами Игрек? – спросил он, раскидывая руки в приглашающем жесте. – Помнишь нашу встречу на станции метро "Чайнатаун", Аксель? Четыре года назад. В ту ночь ты умолял меня о помощи... вы искали грандмастера Чайнатауна. И я помог вам, предоставив информацию, потому что теперь я считаю тебя другом. Братом. Я простил тебя за смерть Кагами, и ты позволил мне уйти той ночью, несмотря на всё, что я сделал. В том же духе, видишь ли, я собираюсь отпустить вас обоих. Мы не так уж и отличаемся друг от друга. Я не тот монстр, каким вы меня считаете. Я позволю вам покинуть эту лабораторию, потому что верю во второй шанс... из-за нашей крепнувшей связи. К тому же, мне нравится ваш стиль ведения боя, вас обоих. Вы оба могли бы быть мне очень полезны в грядущие годы, когда революция обретет форму. Но если вы решите и дальше вмешиваться в проект "Зулу" подобным образом, попытаюсь разоблачить мои планы перед общественностью... что ж. Я без колебаний прикончу вас обоих, как собак.

– Ты бредишь, – отрезал Аксель, повторяя слова, которые часто говорил Блейз и остальным. – Мне следовало прикончить тебя прямо сейчас, сукин ты сын. Ты убил миллионы людей.

– Как и ты, в крепости Уракабарамизля в Мозамбике. – Шива, с неизменной улыбкой, покачал головой. – Ты великолепный боец, Аксель, – произнёс он, указав на него пальцем левой руки. – Отдаю тебе должное. Ты – самый достойный противник. Но, боксёр, тебе всегда чего-то не хватало.

Аксель окинул его суровым взглядом, его светлорубое лицо скривилось в усмешке. – Просвети меня.

– Ты не видишь грани. Не умеешь правильно разделять себя. Не желаешь идти на эмоциональные жертвы. – Шива небрежно шагнул к нему. – Это то, что мы должны делать, такие как мы. Независимо от наших "чувств", возводить стены вокруг тех уголков души, что хотим сохранить в неприкосновенности. Барьеры – защита нашей человечности.

Блейз напряглась. – Этим ты занимаешься? – Она вспомнила речь Леона Шивы из видеороликов, транслируемых онлайн – его, сидящего за офисным столом и рассуждающего об искоренении потребительства и западного сатанизма. – Здесь, с нами, ты один человек. Там, снаружи, – другой? – Она медленно приняла стойку дзюдоиста, ярость закипала в ней. – И ты гордишься этим? Это же психоз!

Шива медленно покачал головой. – Ты сильна в своем деле, Блейз. Умна. Могучая женщина. Но внутри ты слаба. Не можешь избавиться от своей одержимости справедливостью, рожденной детскими травмами. Я надеялся, что после "Синдиката Игрек" и падения Сынов Тьмы что-то изменится. У меня были надежды...

– Ты был частью проекта "ХС", – голос Блейз креп. – Мистер Икс всегда был ублюдком, державшим тебя на поводке! Возможно, расправа с тобой – это именно та справедливость, в которой я нуждаюсь!

– Пусть будет так, если тебе это необходимо, – ответил он. Тон Шивы оставался неизменным. – Я хочу, чтобы ты очень тщательно обдумала свой

следующий шаг. Это самый важный выбор в твоей жизни. Это испытание, Блейз. Оно определит, кто ты есть и твоё место в истории. Понимаешь? Уходи. Оставь это.

Аура Блейз вспыхнула; её тошнило от слов этого человека, от той чёрной и ядовитой бездны, что скрывалась за ними. – Историческая личность, говоришь? – прохрипела она. – Не прячь свою человечность, Шива. Ты обманываешь себя. Вся эта великая мифология, которой ты окружил себя, чтобы привлечь последователей.. Твоя "революция". Это просто повествование. Правда в том, что ты даже не человек. Как и я. Вы потеряли это, ты, Яша, Онихиме и многие другие. Вы – реликты Синдиката, оружие, мыслящее как человек.

Шива устало вздохнул. – Как жаль. Я действительно хотел, чтобы ты поняла. Ты была первым homo superior, которого мы когда-либо создали, и, безусловно, самым могущественным. С годами твои способности только росли, и, как и у меня, продолжительность твоей жизни намного превысит продолжительность жизни любого обычного человека. Мне больно видеть, как такой огромный потенциал пропадает впустую.

– Ты не изменишь моего сердца! – выплюнула Блейз, её голос сорвался на крик. Она прошла через многое. Гордый человек, которым она стала, – это результат её собственной воли и преданности своим убеждениям на протяжении многих лет, а не только изменений, внесенных Синдикатом в её генетический код, на что намекал этот человек.

Теперь её аура разгоралась изнутри, наполняя энергией всё её тело. Лучи энергии потрескивали на коже её правой руки, как электричество, стремясь к ладони, где вспыхнули ярким светом. – Мы не одинаковые, – провозгласила она. – Здесь не ты властен!

Дальше всё произошло стремительно. Пальцы Шивы, прямые и твёрдые, как лезвие, ударили женщину поперёк и вверх, под челюсть, сбоку от шеи. Подгибаясь, она выпустила огненный шар из ладони, но её рука дернулась вверх; ступок квантовой энергии пробил потолок высоко над ними, обрушив вниз осколки мрамора, штукатурки и облако пыли.

Шива отскочил назад, уклоняясь от падающих обломков, и тут же обрушил кулак на затылок Блейз, словно молот. Удар придавал её падению неистовую скорость, и голова с оглушительным стуком встретилась с землёй. Она замерла, словно кукла, брошенная впопыхах.

Аксель ринулся на Шиву, как зверь на добычу. "Отлично", пронеслось в его голове. "Пусть это станет нашим финальным актом. Если слова бессильны, кулаки – последний аргумент".

Стремительным выпадом он обманул противника, уклонившись в последний момент, и взмыл правой ногой, словно пружина, распрямляющаяся в смертельном прыжке. Удар пришёлся точно в солнечное сплетение японца, вышибая дух из лёгких, заставляя того исказить лицо в беззвучном крике боли. Не теряя инерции, Аксель развернулся, словно танцор смерти, и с силой обрушил апперкот левой рукой в подбородок ошеломлённого врага.

– Гранд Апперкот!

Шива, словно восставший из мёртвых, с яростью бросился вперёд, обрушивая удар кулаком в затылок Акселя, но светловолосый мужчина уже скользил в сторону, и удар лишь слегка задел его. Аксель вновь увернулся, и на этот раз его правая рука, согнутая в локте, хлестнула словно стальной хлыст, обрушиваясь на нос противника с сокрушительной силой. Хрящ хрустнул, разлетаясь брызгами крови в воздухе, и мужчина пошатнулся, словно подкошенный.

– Ах ты, сукин сын! Ты – труп! – прошипел Шива, сплевывая кровь. Он наклонился и поднял с земли что-то зловещее.

Аксель с ужасом узнал в его руке мачете. То самое, которым всего мгновение назад размахивал Медведь Рокки. Охотничья модель, с хищно поблёскивающим стальным лезвием и зазубренной верхней кромкой, словно готовой рвать плоть. Отступая назад, Аксель стиснул зубы от нарастающей боли, и время словно замедлилось. Он поймал себя на мысли, что гадает, какой же финал уготован ему в этот момент.

Леон Шива, словно демон, вырвавшийся из преисподней, двинулся вперёд, предвкушая реакцию Акселя. Согнувшись и кряхтя от напряжения, он резко опустил левую руку вниз и отвёл её в сторону, нанося удар мачете по предплечью Акселя. Воздух разорвал вопль боли.

Проворный, как ниндзя, Шива подлетел ближе и провел кончиком лезвия мачете мимо левого бедра Акселя, словно испытывая его бдительность. Увернувшись от приближающейся смерти, он подошёл вплотную и с дьявольской силой вонзил нож Акселю в живот: один удар, но вся его ярость и мощь были сосредоточены на каких-то десяти дюймах, отделяющих лезвие от мягкой плоти под курткой мужчины. Глаза Акселя вылезли из орбит, и он издал утробный рёв, полный ярости и агонии, тщетно пытаясь вдохнуть. Шива знал, что дыхание контролируется вегетативной нервной системой. Это был простой, подсознательный рефлекс. Именно поэтому люди не задыхались во сне. Итак, Шива избавил мужчину от мгновенного ужаса удушья и боли, отправив его в беспамятство ударом тыльной стороной ладони в висок.

Аксель рухнул на землю, зажимая лицо рукой, и сквозь пальцы в перчатках сочилась багровая кровь.

За спиной Шивы послышались слабые стоны Блейз Филдинг; казалось, она отползла подальше от места схватки, пытаясь прийти в себя. Его пронзительный взгляд не дрогнул, а рука сжалась в кулак, словно готовая к следующему удару.

– Ты знаешь, что такое настоящая сила, Блейз? – спросил он ледяным тоном.
– Самопожертвование.

Кровь словно откачали из неё, оставив Блейз пустой оболочкой, звенящей от холода. За все годы, проведённые в пекле конфликтов, где смерть дышала в затылок, она ни разу не испытывала этой тягучей, выворачивающей наизнанку жути.

Она обернулась и увидела, как к ней приближается Шива. Он нависал над ней, и торжествующая ухмылка искажала его черты.

- Если хочешь, я расскажу тебе правду, - произнёс он. - Сейчас нет смысла скрывать её.

- Проект "Зулу", - слова давались Блейз с трудом, словно осколки стекла, царапающие горло. Её захлестывала ледяная тревога. - Что ты натворил на этот раз, Леон?

Шива вздохнул, словно собираясь с духом. - Я хотел бы, чтобы ты поняла, как тебе повезло, Блейз. Поверь, в те времена участие в проекте "Номо Superior" не было наградой, которую раздавали всем подряд. Генетически ты была создана, чтобы быть выдающейся. Ты должна была стать чем-то большим, чем просто глупым детективом из Вуд-Оук-Сити с пистолетом.

Он подошёл ближе, и Блейз съёжилась, когда её захлестнули воспоминания и давно забытые чувства.

Шива продолжал: - Ты была у нас на примете задолго до нашей первой встречи. Синдикат собирал досье на многих потенциальных кандидатов. Скажем так, на ранних этапах проекта был чудовищный расход ресурсов. Программа клонирования, которую мы использовали, была - по тем временам, конечно - передовой, но всё ещё сырой. Мы потратили годы, пытаясь довести наше творение до совершенства.

- Ближе к делу! - прорычала Блейз.

- О, я обязательно дойду до сути. Но сначала тебе нужно увидеть всю картину целиком. - Шива кивнул самому себе и ткнул пальцем в её сторону. - Ты была в лучшем процентиле, Блейз. Все, что мы узнали о тебе из ранних экспериментальных тестов, говорило о том, что ты - именно та, кто нам нужен. Единственное, что мешало тебе раскрыть свой потенциал, - это твои... недостатки. Наш план состоял в том, чтобы избавить тебя от них.

- От чего? - Она чувствовала приближение мрачных ответов; на каком-то уровне она уже знала их и отчаянно не хотела слышать. Она не хотела, чтобы это оказалось правдой.

- От твоего человеческого восприятия. От твоих мыслей и желаний. В наших лабораториях была создана генетическая Y-запрограммированная система стирания памяти, которая должна была вернуть тебя в чистое когнитивное состояние, более близкое к состоянию твоих клонов. Перезаписываемый шаблон, если хочешь. Если бы у нас всё получилось, возможно, мир был бы совсем другим.

Неподалеку Аксель издавал болезненные стоны, отчаянно пытаясь остановить кровь, хлещущую из ран. Шива с равнодушным интересом наблюдал, как он, корчась от боли, накладывает полевой жгут, отчаянно цепляясь за жизнь. Вокруг была кровь.

- К несчастью для нас, - продолжал Шива, - именно тогда в дело вмешался Аксель Стоун. Да. Детектив-сержант Аксель Стоун... Только смерть его первой жены заставила его вернуться в полицию после первого инцидента с Энигмой

в 2014 году. Он и так был сломлен, стал постоянным кошмаром для полиции Лос-Анджелеса. Жил на грани. Возможно, он искал что-то, что мог найти только в себе, но предпочитал искать это на дне бутылки и в объятиях других женщин. А потом он нашёл тебя, Блейз, не так ли? Кого-то, на кого можно проецировать свою боль? В конце концов, ему всегда было мало победы над "Синим Лебедем".

Она дважды моргнула, и щёки её вспыхнули от волнения. Воспоминаний и чувств, которые вызвали его слова, было достаточно, чтобы подкосить её, и она с трудом удержалась на ногах, несмотря на острую боль в шее.

- С тех пор, как вмешался Аксель, ты отказываешься видеть истинную правду. Ты ослеплена своей собственной надеждой. - Он улыбнулся. - Стирание памяти избавило бы тебя от этого. От этой слабости. Разорвало бы связи с семьёй, которой больше нет, потому что мы знали, что это сделает тебя сильнее в долгосрочной перспективе и избавит от твоих мечтаний. От твоих ночных кошмаров.

- Не заставляй меня снова возвращаться к проекту NS, - проворчала Блейз. Её мышцы напряглись. Она хотела наброситься на него, но сначала ей нужно было узнать все подробности его плана. - К чему ты клонишь? Зачем ворошить прошлое?

- К моменту твоего побега из Эджмонта мы уже скрупулёзно препарировали глубины человеческого сознания в лабораториях Синдиката, - промурлыкал Шива, его слова сочились ядом и самоуверенностью. - Это было неотъемлемой частью того же зловещего плана, что и операция "Теневая Рука". Перенос, трансформация сознания. Продление... нет, обман смерти. Исследования, которые близнецы Игрек, эти выродки, продолжили развивать с помощью своих "псиенс"-технологий, подпитываемых архаичными реликвиями Дзёмон, любезно предоставленными Уракабарамизелем в качестве источника энергии. Для нас, в DahmCo, это стало лишь отправной точкой. Вот почему я годами, словно одержимый, собирал воедино разрозненные фрагменты... - Он кивнул, словно ставя точку в сложной схеме. - DJ K-Washi был лишь предвестником. Человеческое познание, эта иллюзия свободы воли... это помеха. Ею необходимо пожертвовать.

Блейз онемела. Слова Шивы, словно ледяные иглы, пронзали её сознание, парализуя ужасом.

- Ты... бессердечный, чёртов ублюдок... - прохрипела она, её рука непроизвольно поднялась, словно пытаясь отразить грядущий удар. Она выпрямилась, словно готовясь к схватке, но тут же споткнулась о зыбкую почву собственной боли.

- Чувство вины выжившего, - пронизательно заметил Шива, изучая её, словно редкую бабочку под стеклом. - И твое инстинктивное желание преданности этому... человеку, который, по твоим меркам, вероятно, спас тебе жизнь. - Его взгляд мимолётно скользнул по её фигуре, воскрешая в памяти давние встречи в Святой Святых Синдиката. - Согласно нашему тщательно составленному психологическому портрету, этого было достаточно, чтобы держать тебя под контролем после того, как ты вышла из-под контроля и разоблачила Синдикат. Печально, что доктор Говард Джеррин так... небрежно обращался с тобой, Блейз. Искренне. Но такие нюансы трудно предвидеть,

предугадать. Человеческий разум – хаотичная система, не так ли? И хотя мужчины – именно те животные, какими ты их себе представляешь, иногда... случается исключение. – Он нахмурился, впиваясь в неё взглядом. – Мне не нужно предлагать тебе выбор, Блейз. Я уже вижу ответ в твоих глазах. Ты не сможешь. Мистер Икс был прав. В тебе нет необходимой... жестокости. Тебе не хватит духу быть хладнокровной.

– Я буду счастлива доказать, что ты ошибаешься, – прошипела она, её чувства захлестнула волна ненависти, аура вспыхнула зловещим заревом. Приняв стойку дзюдоиста, Блейз подняла кулаки, несмотря на адскую боль, сковавшую шею, готовая до последнего защищать свою честь – стиснув зубы, её лицо покрылось испариной. Она чувствовала, как силы покидают её, но не могла позволить ему сломить себя.

Шива извлёк из ножен на поясе ещё один, устрашающего вида боевой клинок.

– Ты убьёшь меня, чтобы доказать свою правоту? – спросил он резко. – В качестве кого? Фемиды, богини правосудия? Блейз Филдинг, бывшего лидера "Огненного шторма"? И ты смеешь утверждать, что это я разыгрываю тщательно выверенный сценарий?

Она поморщилась, чувствуя себя загнанной в угол, словно дикий зверь в клетке.

– Позволь мне открыть тебе правду о проекте "Зулу", – торжественно произнёс он. – Благодаря вакцине "Троян-38", повсеместно распространённой под предлогом всеобщего блага, теперь я могу осуществить глобальный когнитивный сдвиг – всемирную "очистку разума", если угодно – удалённо иницируя изменения в генетическом коде каждого носителя. То есть, каждого, кто получил вакцину. Я могу заставить их думать, действовать, как я захочу, программируя их на расстоянии, и даже изменять их внешность. Скажем так, Энигма послужил лишь отправной точкой для наших дальнейших исследований в DahmCo. Вольфганг Дам достиг невысказанных успехов за последние годы, благодаря реликвиям Дзёмон, которые мне удалось разыскать. Мой новый экспериментальный вид, homo emendus, станет армией, созданной самим человечеством. Доброкачественный. Генетический. Слово раковая опухоль, терпеливо ждущая моего сигнала, чтобы начать расползаться, куда я укажу. Каждый человек на Земле станет моей марионеткой, танцующей под мою дудку. Никто не сможет противостоять. Я изменю этот мир по своему усмотрению, это моя судьба. В этом – сила бога. Революция уже давно в разгаре, Блейз. Ты уже не в силах остановить её, даже если бы захотела. DahmCo об этом позаботились, причём прямо у тебя под носом.

Блейз встретила его взгляд, её глаза вспыхнули изнутри яростным белым пламенем, на долю секунды придав ей ангельский облик, окутанный ослепительным сиянием энергии квантового поля.

– Кто-то должен тебя остановить, – прошептала она, а затем метнула в него огненный шар, целясь прямо в сердце.

– Кикоушо!

Шива уклонился, и энергетический разряд, вырвавшись мощным электрическим хлыстом, обрушился на квантовый компьютер. Консоль взорвалась фонтаном искр, комнату наполнил едкий дым, а следом взвывла аварийная сигнализация.

Он среагировал молниеносно, обрушив смертельный выпад ножа, от которого Блейз едва увернулась – сталь рассекла воздух в дюйме от её лица.

Удушливый запах горелого пластика добрался до пожарных датчиков, и потолок разразился оглушительным воем сирен. Шива вырвал монитор из объятий стола, за которым клубилось змеиное гнездо проводов. И когда из спасительных сопел над головой посыпался удушающий дождь огнегасящего порошка, обрушил экран на голову Блейз с такой яростью, что дисплей разлетелся в осколки, а женщина, пошатнувшись, согнулась под градом боли.

Не теряя ни секунды, Шива сорвал с пояса комм-линк и прорычал: – Отмена тревоги! Не обращать внимания на сигналы! – Затем, повернувшись к Блейз, процедил: – Я не собираюсь тебя убивать. Забирай Акселя и убирайся. И вам обоим, вероятно, стоит обратиться к врачу. Но запомни: больше пощады не жди. Моё терпение – не бездонный колодец. Может, тогда ты поймёшь мою правоту. Это будет настоящая демонстрация силы. Для тебя, в первую очередь.

Блейз лишь слабо застонала в знак поражения.

17 минут спустя

Чёрный, как сама бездна, вертолёт хищно кружил над лабиринтом зданий DahtCo. Лопасты его винта, словно чёрные лезвия, рассекали воздух с приглушённым жужжанием, поглощаемым звукоизоляционными перегородками. Приземистый силуэт невидимкой скользил над угловатыми крышами офисов, исследовательских корпусов и складских помещений, лаская черепицу современных куполов из полигласса и сверкающие полотна солнечных батарей, ускользая от зорких глаз радаров.

Вертолёт клюнул носом, и Эстель Агирре выпрыгнула в ночь. Машина тут же взмыла ввысь, очерчивая широкую дугу над периметром площади, где возвышались корпуса лабораторий "Альфа" и "Бета".

Эстель поправила плотно облегающую лицо кевларовую балаклаву и вгляделась в темноту через поляризованный бинокль. Впереди, на крыше здания лаборатории "Альфа", последний раз подавал весточку Блейз Филдинг, сообщая о своем местонахождении и Акселя после провала их разведывательной операции.

С Флордом всё было в порядке – он ушёл через дренажные туннели в зловонную утробу канализации Вуд-Оук-Сити, как и было задумано. Но Аксель и Блейз были ранены и ждали подкрепления. Эстель и Адам получили инструктаж по экстренной эвакуации в ZanTech менее чем за пять минут и сразу же отправились в путь. Леон Шива, в своей надменности, позволил им уйти, по словам Блейз, но расслабляться было нельзя. Это вражеская территория, пропитанная опасностью.

Она глубоко вдохнула, прокручивая в голове план действий, и закончила проверку последним взглядом на боекомплект тактического пистолета-пулемёта "Харрикейн", висевшего на плечевом ремне. Компактный, смертоносный, он был собран из АБС-пластика и анодированной стали цвета ночи, а тупое дуло пряталось за треугольным силуэтом глушителя.

— Двадцать секунд, — прозвучал голос Адама Хантера в крошечном коммуникаторе на сосцевидном отростке, жужжащем в черепе Эстель. Субвокализованное радиосообщение сопровождалось странным эхом, словно зашифрованное послание шло из глубин космоса.

Эстель нахмурилась. Слишком долго. Они теряли драгоценное время, рискуя быть обнаруженными.

Никому не хотелось лицезреть на следующий день цирк, развёрнутый СМИ. Спустя мгновение Адам заговорил вновь, его тон стал жестче. — На позиции, — отчеканил он. — Три цели Аомизучи обнаружены. Вступаем в бой.

Едва заметно кивнув, Эстель перевела взгляд и увидела на крыше лаборатории "Альфа" человека, который, прижав к уху наладонник, пристально наблюдал за ними. В следующее мгновение он резко дёрнулся назад, словно невидимая нить потянула его за шиворот, и из его груди хлынул фонтан алой крови. Пока вертолёт спускался, Эстель заметила на крыше других охранников, тонущих в клубах зловещего розового тумана.

Вертолёт замер в десяти метрах над землей, и Эстель с Адамом, без единого слова, развернулись к спусковому тросу.

Эстель напряглась, скользя вниз по чёрному канату с отточенной грацией. Она приземлилась мягко, пружиня в коленях, и ощутила, как ботинки десятого размера уверенно встали на землю. Одним движением пальца она отщёлкнула предохранительную скобу.

Мгновение спустя рядом приземлился Адам Хантер, заглушив тишину лишь хрустом гравия. Эстель поймала на себе его взгляд и ответила бесстрастным, томным взором, продолжая выполнять свою миссию.

С порывом ветра вертолёт, ведомый бездушной автоматикой, взмыл в багровое небо. Эстель оторвала взгляд от машины, окинув крышу тревожным взором.

— Крыша чиста, — глухо произнёс Адам. — Эстель, за мной.

Пригнувшись, она торопливо последовала за ним к лифтовой будке, приземистой и неказистой среди технологического хаоса крыши. Внутри, в стальном чреве, гудели кондиционеры, поблёскивали теплообменники, змеились тросы лифтовых шахт. Эстель скользнула взглядом по распростёртому у стены телу. На лице мертвеца застыло нелепое удивление, словно он так и не поверил в свою кончину. На губах алела пена — зловещий рубин в оправе предсмертной гримасы. Пуля, выпущенная Адамом из снайперской винтовки, точно в сердце, разорвала спину бандита, словно бумагу.

Добравшись до будки, Адам кивнул на запертый люк технического обслуживания. — Открой.

Время утекало сквозь пальцы, словно кровь. Эстель склонилась над замком, умело орудуя цифровой отмычкой. Когда последний щелчок возвестил об освобождении, Адам шагнул вперёд и, скривившись от отвращения, ухватился пальцами за ржавый край люка. Мышцы на его руках вздулись, наливаясь силой. Он рванул –

– и с душераздирающим скрежетом металл поддался, срезав напрочь прогнившие головки болтов.

Заглянув внутрь, Адам выдохнул сквозь стиснутые зубы: – Готово. Вперёд!

Они протиснулись в узкую брешь, в царство механизмов, где стальные тросы и шестерни сплетались в сложный лабиринт. Внизу зияла бездна шахты лифта, уходящая в сумрак на шестнадцать этажей, к подвальным лабиринтам парковки. В тусклом свете угадывались силуэты застывших кабин.

Спускаясь по верёвке в непроглядной тьме, Эстель молилась лишь об одном: успеть добраться до Акселя и Блейза и вырваться из этой ловушки, пока не стало слишком поздно.

Даже в самые мрачные моменты, когда человек совершает поступки, за которые ему будет стыдно, его дух продолжает жить на этой земле. Он может быть подавлен, но он обязательно восстанет. Он может быть скован цепями, но он найдёт способ освободиться.

Утренние лучи солнца, пробиваясь сквозь узкую щель в плотных, бордовых занавесках гостевой спальни, полоснули по смятым простыням, укрывавшим ложе Макса Стоуна. Двадцатилетний сын Акселя и Блейз застыл на коленях на тонком ковре у изножья кровати, веки плотно сомкнуты, ладони сложены в безмолвной молитве.

Пятнадцать минут он оставался неподвижен, сосредоточившись на дыхании, сведённом к еле ощутимым трём вдохам в минуту. Как предписывало одно из упражнений для тренировки ума, которому его обучил отец в додзё, пальцы ног, согнутые под тяжестью тела, напряглись, словно у спринтера, готового сорваться с мощёной брусчатки. Он преодолел острую вспышку боли, которая перетекла в состояние, которое они с отцом окрестили "холодным жаром".

Было мучительно неудобно: обжигающий жар чередовался с леденящим холодом. Необходимость расслабиться, невзирая на эту пытку, была неотъемлемой частью жизни, как однажды пылко заявил ему Аксель. Боль пронизывает все уровни существования, это неоспоримый факт. Жизнь – это путь страданий, ведущий к мудрости, но отчаяние – это пропасть, куда нельзя сорваться. Это чёрная дыра, готовая поглотить тебя, если потеряешь бдительность. Нужно закалять себя, чтобы стать сильнее боли, обуздать её, стать хозяином, а не жертвой.

Макс убедился, что это действенный способ направить мысли и чувства в нужное русло, трансформировать боль в топливо для самосовершенствования, стать лучшей версией себя как физически, так и морально, избежав ловушек, расставленных на кривых дорогах жизни. Сыны Тьмы некогда воспользовались его юношеской слабостью, возможно, наивностью, но он поклялся, что этого больше никогда не повторится. С тех пор отец был его опорой, поддерживая на каждом шагу, и Макс был безмерно ему благодарен.

Тихий писк телефона возвестил об окончании медитации.

Он подался вперёд, упёршись ладонями в пол, и с шипением выдохнул сквозь зубы, когда пальцы ног расслабились, и кровь волной хлынула в сдавленные сосуды. Две минуты он простоял, прижавшись лбом к полу, прежде чем резко выпрямиться и направиться в душ, готовый встретить новый день.

Спустя пятнадцать минут он спустился вниз, одетый в джинсы и простую белую футболку, и вошёл на кухню. Красные стрелки часов в стальной оправе на выложенной плиткой стене показывали 08:31.

– Доброе утро, соня! – зычно воскликнула Тина Стоун, стоя у плиты. Её светлые волосы были собраны в высокий пучок, а поверх одежды надет белый поварской фартук. Она одарила его нежным взглядом своих ярко-голубых глаз и убавила громкость ближайшей колонки, из которой лилась популярная музыка в стиле synthwave 80-х. Шум в комнате стих, когда её ухоженные пальцы повернули старомодный пластиковый регулятор.

В воздухе витал соблазнительный аромат свежеприготовленного бекона, отчего в животе у Макса жалобно заурчало. Его сестра Дженнифер сидела за столом неподалеку, повернувшись к нему лицом.

– Я ещё не сильно опоздал? – рассеянно спросил он. – Только половина девятого.

Это был дом его мамы; он гостил здесь несколько дней, пока его родители были втянуты в какую-то сверхсекретную миссию, в которой участвовали ЦРУ и ZapTech. Его тётя Тина – сестра отца – согласилась остаться с ним и Дженнифер, пока всё не вернётся в нормальное русло. Пока же от них не было ни слуху ни духу.

– Не переживай, ты в полном порядке, мистер чёрный пояс, – улыбнулась Тина. – Хочешь яичницу с беконом?

Он улыбнулся в ответ и кивнул, затем уселся за стол напротив сестры, которая уплетала яичницу, посыпанную измельчённым чипотле, и бекон. Дженнифер оторвала взгляд от тарелки и, встретившись с ним глазами, задумчиво прожевала полный рот еды.

Её лицо осунулось, а под глазами залегли тёмные круги.

– Видок у тебя неважный, Дженни, – заметил он, не скрывая беспокойства. – Может, тебе стоит начать ложиться пораньше? Тебе нужно быть в форме.

– Знаю, – пробормотала она, проглатывая еду. – Просто очень переживаю за маму и папу, вот и всё. Вся эта секретность... не даёт мне спать по ночам.

Не думаю, что смогу успокоиться, пока Мерфи не даст хоть какую-то весточку. Мне просто нужно знать, что с ними хотя бы всё в порядке.

Тина протянула Максу тарелку, и в ответ на его благодарность он, вооружившись столовыми приборами, принялся за завтрак. – То, что они затеяли, чудовищно опасно, это правда, – произнёс он, накалывая на вилку несколько полосок бекона, обращаясь к Дженнифер. Он макнул кончик в солнечный бок идеально приготовленного яйца, и жидкое золото желтка чуть дрогнуло, готовое вот-вот пролиться. – Но ты же знаешь наших родителей. Они словно кошки, всегда приземляются на лапы. – Он ловко подцепил вилкой остатки желтка и отправил бекон в рот, на миг прикрыв глаза в тихом экстазе, наслаждаясь сочным, дымным вкусом, что расплывался по языку.

Дженнифер с облегчением наблюдала за аппетитом брата. Ей казалось, что какое-то время назад он подозрительно осунулся... Но сейчас, казалось, к нему вернулся здоровый румянец и прежняя крепость. Она тихо выдохнула, ощущая детскую гордость. – Знаю. Они самые лучшие, наверное. Но сердце всё равно не на месте.

– В этом ты вся в маму, – улыбнулся Макс, и они доели завтрак в тишине, больше не проронив ни слова.

Как только посудомоечная машина была загружена и Тина наполнила стаканы свежесжатым апельсиновым соком, она сняла фартук и присела рядом с Дженнифер. – Твой отец – один из самых сильных людей, которых я знаю, – начала она. – Я знаю его всю жизнь. Мы вместе с ним занимались каратэ ещё детьми, под руководством наших родителей, в старом додзё Стоунов. Когда мы всё потеряли после атаки Синего Лебедя, он, в глубине души, всегда боролся за то, чтобы вернуть это. С тех самых пор он достиг невероятных высот. Уверена, теперь он справится с чем угодно.

Дженнифер задумчиво кивнула. – Мама дала ему то, чего он больше нигде не нашёл бы. И продолжает давать.

– Блейз наполнила его жизнь новым смыслом, – добавила Тина. – Вдохнула в него новую жизнь. Но его сдержанность, его вечная борьба с самим собой, в конечном итоге, их и разлучила. Энигма тогда отравил наши жизни, это были тёмные времена. Теперь Аксель смотрит на мир совершенно другими глазами. Восстановление Додзё Стоунов в Вуд-Оук-Сити стало для него делом чести после падения синдиката Игрек, и это вернуло ему уважение многих. И моё тоже.

Макс перевёл взгляд на неё. Он вспомнил, как сам потерял уважение к отцу, как чувствовал себя опустошённым после их болезненного расставания и, в конечном итоге, развода. Действия Акселя, казалось, перечеркнули всё, что Макс, как ему казалось, понимал об этом человеке. – Сейчас папа ставит семью превыше всего, – твёрдо сказал он. – Он многому научился. Для мужчины нет цели важнее. Мама всегда помогала ему найти себя. Он не сдастся, что бы ни случилось.

Тина Стоун улыбнулась. – Знаешь, Макс, ты абсолютно прав.

Тем временем...

В распоряжении ZanTech Labs находился сверкающий, словно из будущего, медицинский комплекс, способный функционировать в виртуальном и автономном режимах. Голографический двойник врача ждал, готовый прийти на помощь, но в остальном здесь царила стерильная простота. Аксель Стоун покоился в объятиях цилиндрической камеры Aias, изготовленной из прозрачного полигласса, пристёгнутый ремнями безопасности. Его лицо скрывала дыхательная маска, соединённая с кислородными баллонами сетью тонких трубок. Внутри камеры, в колыбели из светящейся студенистой субстанции, роились нанобактерии, словно живые огоньки. Они окутывали тело Акселя, проникали в его раны, неустанно трудясь над исцелением повреждений, полученных в проваленной миссии в DahmCo, случившейся менее суток назад.

Флойд Ирайя и Блейз Филдинг, стоя по другую сторону резервуара, с тревогой наблюдали за хрупким сном своего товарища. Маска, словно нимб, окутывала его лицо, доставляя кислород и обезболивающее, погружая Акселя в забытие до полного завершения процесса регенерации.

— Итак... что дальше? — после долгой паузы прозвучал голос Флойда, задумчиво устремлённый на неподвижную фигуру Акселя. Он заметил, как в амниотической жидкости камеры Aias самопроизвольно зарождаются и медленно всплывают розовато-красные пузырьки, напоминающие кровь жизни.

Блейз резко повернула голову, словно очнувшись от кошмара. — Если Шива возомнил, что я стану его послушной марионеткой, он глубоко заблуждается, — прошипела она сквозь стиснутые зубы. В каждом слове сквозила ярость, словно вырвавшаяся из глубин её израненной души и обжигающая Флойда. Осознав это, Блейз несколько раз моргнула, словно отгоняя наваждение, и её тон смягчился, когда она попыталась более рационально взглянуть на ситуацию. — Прости, Флойд. Адам и Эстель вылетели в Вашингтон, к Верховному главнокомандующему Петрову, чтобы доложить о положении дел, — сообщила она. С каждым словом эмоции в её голосе затягивались слоем льда. — Посмотрим, какие ресурсы военные смогут предоставить нам в ближайшее время. В борьбе с Новым Мировым Порядком наши интересы должны совпадать, ты же знаешь. Когда они вернуться, и Аксель придёт в себя, мы проведём совещание и решим, куда нанести следующий удар. Мы должны вырвать жало у Шивы и его приспешников, где бы они ни прятались, а они, скорее всего, окопались где-то за пределами Штатов, если моя интуиция меня не подводит.

Флойд молча кивнул, внимательно слушая.

— А пока, я хочу, чтобы ты задействовал все ресурсы ZanTech Labs, чтобы попытаться определить их точное местоположение, — приказала она. — И мы свяжемся с агентом Гарнет и её людьми из ЦРУ. Сравним наши разведанные, посмотрим, что совпадает.

Блейз глубоко вздохнула, её мысли металась, словно пойманные в бурю. Это было почти приятно, с тоской по прошлому: как в старые добрые времена в международном детективном агентстве "Огненный Шторм". Войны синдикатов многому её научили. Благодаря международному сотрудничеству и доброй воле

различных организаций, группа смогла совершить многое – уничтожить Синдикат и его многочисленные осколки. Жаль, что всё изменилось, подумала она. Потеря Макса Тандера и Эдди "Скейта" Хантера. Высокомерие и самодовольство Нового Мирового Порядка, считающего, что мир изменился к лучшему. Необоснованная вера в DahtCo и их вакцину. Растущее убеждение некоторых сил, как в правительстве, так и за его пределами, что Блейз Филдинг – это опасный линчеватель.

– Что ты скажешь комиссару Бернстайну, когда увидишь его в следующий раз? – спросил Флойд, словно прочитав её мысли. Его взгляд скользнул от спящего Акселя в бурлящей камере Aias к лицу Блейз, встретившись с её взглядом.

На щеках Блейз проступил лёгкий румянец, когда их глаза встретились. Чувство, которое она не могла точно определить, пронзило её. На мгновение ей показалось, что его взгляд проник в самую её душу. – Я.. я не знаю, – честно призналась она, и в её карих глазах блеснули слёзы.

На секунду она выглядела как беззащитный и потерянный ребёнок, затем скромно отвела взгляд.

Она не была уверена, что сохранит свою должность в полицейском управлении Вуд-Оук-Сити после всего этого. Бернстайн достаточно ясно изложил свою позицию в своём кабинете некоторое время назад. Вероятно, она отправится в тюрьму, когда всё закончится, учитывая все обстоятельства – она грубо нарушала правила, как всегда, вопреки всем инструкциям.

– Это хуже, чем просто отступничество, Филдинг. Гораздо хуже. Ты стала непредсказуемой, даже одержимой. Ты неуравновешенна, вот что главное.

Может быть... Может быть, Бернстайн поймёт, и осознание чудовищной угрозы, исходящей от проекта "Зулу", перевесит все этические и юридические хитросплетения, связанные с её решениями. Она знала лишь одно: она должна поступить правильно, так, как лучше для всех. Ничто другое не имело значения, даже её карьера в полицейском управлении. Шиву и его зловещий "Зулу" необходимо остановить, и у Блейз и Акселя было уникальное преимущество, чтобы это сделать, невзирая на мнения и протоколы. Их личная история с этим безумцем давала им этот шанс. Она знала, что в грядущие дни, как и всегда, сможет опереться на плечо верных друзей. Адам, Эстель, Зан, Флойд, Черри... Так или иначе, несмотря ни на какие последствия, именно они положат конец кровавому правлению Леона Шивы в этом мире, раз и навсегда. Здесь и сейчас, в этой точке переплетения судьбы, возможно, начинается их последняя миссия в составе Огненного Шторма – их финальный аккорд перед неминуемым концом.

– Нужно многое обдумать, – прошептала она, словно вслух, а мысли и тревоги последних дней тягостным бременем давили на её плечи. Она безвольно вздохнула; казалось, её плечи заметно согнулись под непосильным грузом эмоционального напряжения.

– Я не могу обещать отсутствие бюрократической волокиты, связанной с твоей работой, – произнёс Флойд, заметив её подавленность, но стараясь сохранить оптимизм. – Но Новый мировой порядок и ЦРУ уже сотрудничают с ZanTech для достижения общей цели. Это, несомненно, сыграет свою роль,

когда Госдепартамент и все остальные подключатся. Возможно, всё окажется не так безнадежно, как тебе кажется. Пусть Бернштейн пока ломает голову над юридическими тонкостями, а мы сосредоточимся на том, что нужно делать дальше. Всё уладится, я уверен.

Она слабо улыбнулась, оценив его позитивный настрой, и втайне надеялась, что он не был неуместен. – Ты не очень хорошо знаешь Бернштейна, но в остальном ты прав, – сказала она. Затем её улыбка угасла, и она кивнула самой себе, её лицо вновь стало серьезным, и на лбу пролегла глубокая морщина.

– Да. Я придумаю, что ему сказать позже. Сейчас нам нужно сосредоточиться на общей картине. Решать проблемы по мере их поступления. Акселю всё ещё нужно закончить восстановление.

Флойд кивнул и слегка улыбнулся. – Мы справимся. Вместе.

Тело, как и многие другие, виденные Мерфи прежде, – обугленное, изуродованное до неузнаваемости, скрученное в предсмертной конвульсии, напоминало обгоревший кокон насекомого. В этой мучительной позе угадывалось эхо знаменитого "Крика" Мунка, запечатлённое огнём.

Но именно этот генетически измененный труп, найденный на заднем дворе роскошного особняка в закрытом Вуд-Оук-Сити, внушал необъяснимый, леденящий душу ужас. Будничная обстановка – бассейн, уставленный шезлонгами, сверкающее газовое барбекю, расставленная садовая мебель – делала картину смерти ещё более кошмарной, чем увиденное ими в оплавленной воронке из стекловидного песка, камней и обломков зданий в северных Бесплодных землях.

Охранник в униформе преградил им путь к бассейну, но Мерфи предъявил свой значок и удостоверение. – Полицейское управление Вуд-Оук-Сити, – представился он. – Детектив Роберт Мерфи, это детектив Блейз Филдинг. Нас пригласили осмотреть место происшествия и тело.

Другой сотрудник службы безопасности, с видом глубокой задумчивости, изучал улики, делая пометки у бассейна и во внутреннем дворике. Услышав представление Мерфи, он поднял голову. – Блейз Филдинг? – Очевидно, её имя было у него на слуху. – Это уже серьезно. Что вас сюда привело?

– Возможно, у нас есть определённая информация по этому делу, – ответила Блейз. – Эта смерть может быть связана с расследованием, которое мы ведём. Не секрет, что за последние несколько месяцев в городе произошла целая серия подобных смертей.

Охранник удивлённо вскинул брови, затем устало пожал плечами. – Любая помощь с вашей стороны будет кстати. Снимает с меня часть работы. Из-за недавних беспорядков у нас и так хватает дел по обеспечению безопасности наших работодателей в этом районе. Эта смерть... она действительно странная. Ничего подобного раньше не видел.

– Несомненно, это дело рук Шивы, – тихо произнесла Блейз, обращаясь скорее к Мерфи, чем к охраннику. Заложив руки за спину и слегка приподняв подбородок, она начала неспешно обходить место преступления по периметру, внимательно изучая меловые контуры странной формы, очерчивающие следы слизистых остатков – зловещую визитную карточку многих других жертв.

Она обходила снующих туда-сюда техников и патрульных в форме, уже вовсю работавших на месте происшествия. Вспыхнула камера. На первый взгляд казалось, что жертва была генетически изменена, вероятнее всего, в результате вмешательства Шивы, ставшего возможным благодаря вакцине DahmCo Trojan-38, а затем каким-то образом самовозгорелась и умерла. На цементной плитке и соседнем заборе виднелись свежие следы ожогов.

Она достала небольшой нож и провела им по большому обугленному пятну на заборе из красного дерева, ограждавшем владения Донована. – Ожог неглубокий, – сказала она, счищая верхний слой древесного угля. – Как будто жар был очень сильным, но кратковременным. Какой-то генетический механизм самоуничтожения? Предохранитель?

Мерфи осмотрел след, оставленный её ножом. Затем его взгляд упал на разбитые фонарики-ловушки для насекомых вокруг бассейна. – Смотрите, они все уничтожены, – заметил он. – Как будто их разорвало каким-то скачком напряжения, все до единого. Не каждый день такое увидишь.

– Можем запросить записи у электрической компании, чтобы узнать, были ли перепады напряжения в сети в предполагаемое время смерти, – предложила Блейз.

Мерфи кивнул. Он упёр руки в бока и медленно повернулся, надеясь, что ответ сам собой возникнет в голове. Но ничего не произошло. Если Шива запускает эти мутации дистанционно, кто знает, какие причудливые намерения за этим стоят, какой интерес Шива может иметь к этим жертвам. – Ладно, Блейз, – сказал он. – На этот раз мы не в исследовательской лаборатории Синдиката и не на складе, ранее принадлежавшем Сынам Тьмы, а просто во дворе чьего-то дома в Вуд-Оук-Сити. Что, по-твоему, здесь происходит?

Коронёр уже упаковал обугленные останки в чёрный пластиковый мешок. Мерфи приблизился, жестом попросив приоткрыть молнию, чтобы ещё раз взглянуть на то, что осталось от Уолтера Донована.

Лицо – чудовищная маска, словно вылепленная ночным кошмаром, гротескная гримаса, достойная циркового шатра ужасов.

– Видел всякое, но это... – коронёр чихнул, шумно высморкался и пробормотал что-то о начинающейся аллергии. – Не просто жертва огня. Что могло вызвать такие мутации, а потом – такой мощный взрыв? Придётся покопаться в архивах.

– Номо Emendus, – тихо произнесла Блейз, поймав на себе встревоженный взгляд напарника. – Похоже, это начало чего-то большего...

– Вы такое раньше встречали? – оживился коронёр, потирая покрасневшие глаза. – Что, чёрт возьми, это было?

Мерфи покачал головой, улыбнувшись уголком губ, и позволил коренастому мужчине снова застегнуть мешок. — Информация, сэр, пока не подлежит разглашению. Вы понимаете.

У стеклянных дверей патио, беседуя с двумя полицейскими, что-то записывающими в блокноты, стоял мужчина латиноамериканского происхождения в обычной одежде. Невысокий, коренастый, с лысой головой и смуглым лицом, он выглядел подавленным. Эта сцена мгновенно привлекла внимание Мерфи.

— Интересно, кто это? — Мерфи приподнял бровь.

— Подслушала разговор с одним из патрульных, новичком, — ответила Блейз. — Кажется, он видел, что произошло, или, по крайней мере, обнаружил тело. Брат жертвы. Надо с ним поговорить.

Мерфи направился к мужчине, желая понять, что тот говорит, и задать свои вопросы.

— Брат выглядел нездоровым, когда я приехал, — говорил мужчина, представившийся Мартином Донованом. — Но потом... он начал меняться... всё произошло так быстро. Кости хрустели, принимая другую форму. Кожа начала тлеть, пузыриться, а этот запах... — он покачал головой.

Мартин повернулся и, казалось, не заметил Мерфи и Блейз, стоявших рядом. — Послушайте, у моего брата и раньше были проблемы, он много лет якшался с бандитами, я видел ужасные вещи. Но это... прямо у меня во дворе...

— Что было дальше? — спросила Блейз, наклонившись вперёд.

Мартин отшатнулся, как испуганная кобра, вспоминая увиденное. — Он взорвался... вот так просто... сторел в огненном шаре. Меня отбросило взрывной волной. Когда я пришёл в себя, вызвал полицию.

Блейз кивнула без особого энтузиазма, а Мерфи подошел к бассейну, разглядывая вздувшуюся, обугленную краску, когда-то небесно-голубую, по краям бетонного бортика. Половина воды выкипела от чудовищного жара, оставив бассейн теплым и мутным, с коричневатой накипью в углах. Огненный шар был невероятной силы, но каким-то чудом не поджёг ни дом Донованов, ни роскошные особняки по соседству.

— Нам нужно докопаться до правды, — сказала Блейз Мерфи.

Он кивнул, глядя на неё, словно пытаясь прочесть мысли по лицу, пока она переваривала услышанное. Казалось, он видел, как вращаются шестеренки в её голове, сортируя факты. Наконец, она понимающе кивнула, и он повернулся к дежурному офицеру. — Мы закончили, — сказал он.

— Наш отдел, разумеется, внесёт вас в официальные документы, — ответил охранник.

– Будьте так добры, разберитесь с этим вопросом, пожалуйста, – сказал мужчина, убирая прядь волос со лба.

Блейз улыбнулась, когда они развернулись, чтобы уйти. – Таков наш план, – сказала она.

Додзё Стоунов
Район Ват Бо
Среда

Ярость клокотала в Максе Стоуне, требуя выхода. Лучше боксёрская груша, чем чьё-то лицо, испещрённое синяками его разочарования.

Родители, вечно втянутые в секретные операции, куда ему, юнцу, вход воспрещён. Он-то чувствовал себя вполне взрослым, чтобы разделить их бремя, но отец твердил, что он ещё не готов. И вот он, двадцатилетний, застрял в ожидании, словно беспомощный ребёнок, пока они вновь спасают мир от надвигающейся тьмы. Горечь несправедливости обжигала его изнутри.

"Ты не готов, Макс. Мир жесток. Сыны Тьмы – тому доказательство."

С пяти лет он боготворил "Огненный Шторм", его суть. Тёплые воспоминания о родителях, об Адаме, творящих добро, словно бальзам на раны мира, жили в его сердце. Он мечтал однажды возглавить "Шторм", стать героем, нести свет.

Но Энигма обрушился на его семью, словно гром среди ясного неба. Развод родителей. Переезд к Адаму и Джоди. Годы, за которые всё медленно возвращалось к серости, к тому, что было до "Огненного Шторма".

До счастья... Воспоминания о язвительных насмешках одноклассников, вспыхнувшие в памяти, подлили масла в огонь гнева, смешанного с подсознательным страхом. Мощный удар сорвал боксёрскую грушу с цепей, и та, оставив за собой песчаный след, рухнула у дальней стены. Макс вытер пот со лба тыльной стороной забинтованной ладони, сожалея, что эти тренажёры не делают прочнее.

Обхватив руками тяжёлый цилиндр, наполненный песком, и водрузив его на место, он подумал, что, возможно, дело просто в его возросшей силе. Он готов ко всему, что подбросит ему жизнь. Эти груши – ничто. Чёрный пояс по каратэ, один из сильнейших учеников в додзё... И всё же, он помнил наставления отца: не позволяй тщеславию и самолюбованию осквернить значение чёрного пояса. Это значение священо. Ментальная дисциплина превыше всего.

Макс обрушил на новую грушу шквал атак, оттачивая удары руками и ногами, которым посвятил бесчисленные часы.

Груша бешено раскачивалась под градом ударов, грозя сбить его с ног, если он вовремя не увернется. Он бил и бил, танцуя свой яростный боевой танец, пока не выдохся до изнеможения, до полной отключки мозга. Устал думать.

Пот пропитал рубашку и струился между глаз. Он вкладывал в каждый удар всё больше и больше силы, наслаждаясь ощущением того, что хоть что-то зависит от него. Крякнув, он обрушил удар на грушу, выплёскивая все свои эмоции, всю свою энергию, истязая тренажер. С диким криком он сорвал грушу с кольца, и та, пролетев через всю комнату, обрушилась на пол.

– Боже всемогущий! – В наступившей тишине, прерванной лишь глухим ударом упавшей груши, прозвучал голос, полный изумления.

– Уф! – Незнакомка едва успела поднять руки, чтобы перехватить летящий снаряд.

Черри Хантер споткнулась, но, напрягая мощные мышцы, сумела удержаться на ногах. Она и глазом не моргнула, когда обеими руками опустила грушу на пол и отскочила назад, приняв боевую стойку. Слишком сильна, чтобы позволить простому удару сбить себя с ног. Придя в себя, она подняла глаза и увидела, как на неё, обливаясь потом, смотрит Макс. Прошло, наверное, секунды две.

– Извини, – пробормотал Макс. – Я тебя не заметил.

– Ты и в самом деле старался, – фыркнула Черри.

Макс пожал плечами и потянулся за следующей грушей. Разговаривать не хотелось, но на Черри всегда было приятно смотреть, особенно с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать. Ей самой скоро двадцать. Она подошла ближе, излучая уверенность. Макс уже собирался закрепить новую грушу, когда её теплая ладонь легла ему на руку, останавливая его. Черри, внезапно оказавшаяся в его личном пространстве, вернула грушу на землю.

Где-то глубоко внутри он почувствовал укол неловких чувств, и его глаза встретились с её взглядом.

– Эти груши словно резина, правда? – сказала она, и в голосе сквозило сочувствие. – Я знаю это чувство, Макс. Вкус разочарования знаком мне не понаслышке.

Он отмахнулся от Черри, словно от назойливой мухи, и отвернулся. – Что ты здесь забыла? – буркнул он, снова тянясь к злополучному мешку. – Разве тебе не положено быть в «ЗанТех» с остальными?

– Вырвалась на минутку, – ответила она, скрестив руки на груди. – Там всё движется с черепашьей скоростью. Решила проведать тебя, убедиться, что ты не зачах тут в одиночестве. Я же волнуюсь.

– Всё в порядке, – пробормотал он. Черри была ему почти сестрой; они выросли вместе под крышей Адама Хантера и Джоди Келли, пережили немало передряг, несмотря на его склонность к уединению. Словно родные, но от разных родителей, как она любила шутить.

– Может, если бы я был больше похож на тебя, – с ноткой досады произнёс он, – отец позволил бы мне присоединиться к вам и помогать крушить плохих парней, а не прохлаждаться здесь, избивая эти бесполезные мешки.

— Ты и так сделал огромный скачок в тренировках, это правда, — мягко сказала Черри. — И я рада, что ты здесь. Но ты же знаешь, Адам натаскивал меня с пелёнок, пока ты болтался с друзьями и влипал в неприятности. С чего вдруг такой пыл?

— Такое чувство, что я всю жизнь к этому готовился. — Макс застегнул сумку. — Я должен быть готов, если понадобится... стране. Семье. Больше не позволю какому-нибудь Кообо водить себя за нос.

— Между нами говоря, мне кажется, ты и так достаточно готов, — проговорила Черри, лукаво прищурившись. — Может быть, тебе придётся сразиться на нашей стороне раньше, чем ты думаешь, Макс. И мне кажется, тебе это понравится.

В стазисном цилиндре покоилось существо, лишь отдалённо напоминавшее человека. Изначально смертный, он прошёл полную и необратимую трансформацию, став солдатом нового типа — Номо Emendus. Череп уродливой формы венчали глазницы с молочно-белыми зрачками, окружённые чешуйчатыми морщинами, словно у рептилии. Безгубая челюсть, обрамлённая паучьей сетью мандибул, лоснилась от слизистых сухожилий. Огромное, мощное, но лишённое грации тело — воплощённая разрушительная сила, именно то, для чего оно и было создано.

Леон Шива стоял в главном коридоре евгенической лаборатории, глубоко под Четвёртой базой. Ряды стазис-цилиндров, по три в ряд, тянулись вдоль стен камеры, опутанные сетью трубок.

В каждом из них, погружённый в сон экспериментальным биологическим стазис-полем, секретной разработкой Вольфганга Дама для проекта "Зулу", томился выращенный экземпляр.

Шива вглядывался в существо, в его застывшие глаза. Этот образец был именно таким, каким он его представлял. Чудо человеческой инженерии. Вершина научной работы, проводимой Синдикатом со времён мистера Икс, помноженная на достижения Синдиката Игрек. Шива, наконец, воплотил в жизнь мечту Джорджа Ксетеуса, уверенный, что этот день настанет.

Когда-то Шива питал уважение к мистеру Икс. Безумец, безусловно (оглядываясь назад, это стало очевидно), но его непоколебимая вера в Революцию, абсолютная уверенность в успехе...

Шива восхищался этим. Со временем он перенял убеждения Икса, даже видел в нём некоего отца, но в глубине души всегда знал, что именно ему суждено возглавить Революцию и довести её до конца. Работа не прекращалась, а Икс, одержимый бессмертием, изменился до неузнаваемости. Джордж Ксетеус — это одно. Лорд Сохарис — совсем другое. Мистер Икс давно мёртв, пал жертвой собственного безумия — урок, который Шива усвоил.

Во времена Синдиката наука была новой. Генрих Дам и Гилберт Зан были пионерами науки, но в 1990-х годах их понимание было поверхностным. Они занимались кибернетикой и ядерной физикой, достигли успехов в клонировании и манипулировании когнитивными функциями. Но сегодня, когда

совершенствование человека стало обыденностью благодаря ZanTech и DahmCo, с их постоянными исследованиями в квантовой области, в познании и физиологии, они могли воплотить идеи Ксетеуса в реальность. Так, как старик мог бы гордиться. Во многом благодаря изобретательности и самопожертвованию Шивы.

Близнецы Игрек превратились в надоедливых сорванцов. Одержимость генетическим наследием стала их слабостью, и теперь эти идиоты сидели в тюрьме. Но они открыли Шиве глаза, показав, как использовать древние артефакты Дзёмона для усиления технологий. Их работа с Вольфгангом Дамом над созданием диджея K-Washi в 2030-х годах заложила фундамент дальнейшего успеха. Шива знал, что должен заполучить сына Дама и найти как можно больше этих артефактов, чтобы проект "Зулу" стал чем-то ещё более грандиозным.

Поиски артефактов привели его к Уракабарамизлю, но усилиями Блейз Филдинг и Джо Мусаси исторические экспонаты оказались вне досягаемости – в Оборо Додзё. Но в мире таилось множество других реликвий. Империя Дзёмон, прародительница цивилизаций, укрывшаяся в ледяных объятиях Антарктиды в эпоху раннего плейстоцена (Шива с маниакальной точностью фиксировал каждую деталь в своих обширных исследовательских журналах), оставила неизгладимый след на карте мира, далеко превосходящий границы Японских островов, где клан Оборо веками позже воздвиг оплоты ниндзюцу. В тёмные века средневековой Европы шёпот о легендарных артефактах, наделённых непостижимой мощью и окутанных мистическим ореолом Дзёмона, будоражил умы алхимиков и учёных. Именно там, в лабиринтах прошлого, Шива выслеживал эти реликвии для своих зловещих замыслов.

С помощью энергии древних реликвий, машины Дама впервые смогли сплести синтетическую нить человеческой ДНК, содержащую биоинструкции, словно послушные марионетки, готовые исполнить любой приказ, отданный посредством квантовой запутанности. Эта змеиная нить, внедрённая в живую ткань, переписывала существующий геном, подобно коварному вирусу, вдохновлённому зловещим Энигмой. Биоинженерная пандемия – вот идеальный способ распространения этой генетической чумы.

Шива предвидел гениальность своего плана: вакцинация населения Земли станет троянским конём, несущим погибель в каждой клетке. Меч Акудзики, последний осколок мозаики, теперь позволял их машинам функционировать на пределе возможностей, избавляя от мучительных сбоев, преследовавших их ранее.

Номо Emendus, взирающий на Леона Шиву сквозь стекло цилиндра, был венцом их алхимических изысканий: безупречный воин, безмолвный трутень, преданный высшему благу. – Сладость исходит из горечи, – прошептал он, словно заклинание. – Подобно жабе, мерзкой и ядовитой, но увенчанной драгоценным камнем.

Многие из их первых попыток дистанционно управлять вакцинированными потерпели сокрушительное фиаско, оставив за собой лишь смерть и разочарование. Но теперь, благодаря неукротимой воле каждого участника, все изменится. Прошлое – лишь пролог. Истинный конец уже стучится в дверь.

Он слегка склонил голову в поклоне, отступая от цилиндра, затем развернулся и безмолвно двинулся в глубь базы, в самое сердце тьмы.

Конференц-зал
Деловая часть Вуд-Оук-Сити

– У нас нет ответов на все вопросы.

Блейз Филдинг видеела, как её информатор, Шам Мухаммад, подошёл к мини-бару в глубине скайбокса и едва заметно махнул рукой. Невидимая команда взломала цифровой замок, и Шам принялся рыться внутри, пока не выудил тонкую красную банку "Кайдзю-колы". Сорвав крышку, он осушил газировку одним долгим, жадным глотком.

– А-а-а. Так-то лучше.

За звуконепроницаемым стеклом Реймон Зан, слегка поклонившись, купался в овациях зала. Грохот аплодисментов доносился приглушённым эхом, словно шум прибоа. Его семинары "Лучше не бывает" набирали популярность.

– Что тебе известно, Шам? – резко спросила Блейз. – Я устала от твоих загадок.

– Игры ещё даже не начались, – ответил Шам, не моргая. В глубине его карих глаз таилось нечто, жаждущее вырваться наружу. – Во всяком случае, не для тебя. – Он нахмурился и вздохнул. – Давай я объясню иначе... Ты когда-нибудь слышала об эффекте Фазтона?

– Звучит как восточноевропейское магическое шоу.

Аугментированный гигант усмехнулся и, щёлкнув кибернетической рукой, отбросил пустую банку. – Знаю такое. Думаю, у Шивы определённо есть свои фокусы с исчезновениями. – Он приблизился, становясь всё более оживлённым. – Это социологический феномен. Нормативный процесс, который общество неосознанно создает, чтобы поддерживать статус-кво, сохраняя свою стабильность. Когда кто-то угрожает нарушить баланс... Включается эффект Фазтона. Общество реагирует и сокращает численность угрозы. Стабильность восстанавливается. – Он вздохнул. – Шива просто не ждёт, пока это произойдёт само собой. Он сам выбирает, кому обрезать крылья. Этот мерзавец одержим властью и контролем. Любой, кто ему угрожает, кто поднимает шум, чтобы сорвать проект "Зулу", будет наказан.

– Я думаю, он уже несколько месяцев провоцирует мутации Homo Emendus. Манипулирует их сознанием и действиями. А потом убивает.

– И это происходит не только в Вуд-Оук-Сити, – добавил Шам. – Ты ведь уже это знаешь? – Он выудил из кармана дата-планшет. – Посмотри. Эти места и лица тебе о чём-нибудь говорят?

Блейз опустила взгляд, и перед ней замелькали изображения: автокатастрофа в Токио, унесшая жизнь исследователя кибернетики; череда сообщений о пропавших без вести сотрудниках правоохранительных органов в Нью-Йорке;

помощник сенатора в Бостоне; подросток с аугментированной памятью в Детройте. Многие из них стали жертвами этих "странных мутаций". Сначала её взгляд скользил мимо, не задерживаясь ни на чем конкретном, пока не всплыло лицо, знакомое по её собственным расследованиям – Уолтер Донован, бывший ставленник Синдиката. Она моргнула, на миг утонув в осознании масштаба происходящего. Блейз напряглась, отгоняя тревожные мысли. Она продолжила просмотр. Вскоре стали попадаться файлы, связанные с её собственными находками. Корпоративные воротилы, правительственные чиновники, люди с международными связями или влиянием в Новом Мире. Все они либо мутировали и умерли, либо бесследно исчезли.

– Главный вопрос, – вслух произнесла Блейз, – как Шива запускает эти мутации дистанционно? Если он использует какой-то передаваемый сигнал, то откуда он исходит? Ему нужен глобальный охват, возможно, спутниковые технологии.

Шам Мухаммад подхватил её мысль: – Ах, вот тут.. мы кое-что знаем. Ранее в этом году DahmCo без особой помпы запустила два новых спутника для глобального позиционирования. Об этом не было ни слова в их пресс-релизах, но это факт. Они внедрились в сотни агентств, чтобы провернуть это втихую. Фактически, они создали шпионскую сеть, охватывающую весь мир. Теоретически, это можно использовать, чтобы определить местоположение любого человека на планете, которому вкололи вакцину от Трояна-38.

Блейз кивнула своим мыслям. По её телу пробежала дрожь. От одной мысли о том, что у любого вакцинированного человека могут быть генетические отклонения, у неё внутри всё сжалось.

– Я попрошу Флойда разобраться с этим в ZapTech Labs. Может быть, он сможет выяснить, откуда управляют этими спутниками.

Шам внимательно посмотрел на неё.

– Я желаю вам и вашим людям удачи, – сказал он с абсолютной уверенностью. – Я знаю, что моё решение связаться с вами никогда не бывает напрасным.

– Хорошо, – ответила Блейз.

Мысли путались, и она не сразу поняла, что заговорила.

В сумерках Амстердам-авеню дышала тишиной почти пустых улиц. Но эту тишину разорвал рык ZapTech Humvee AT, выкрашенного в вызывающий оттенок алого пламени. "Боевая колесница", как ласково прозвали его Флойд и компания, зарекомендовала себя в бесчисленных рейдах по Вуд-Оук-Сити, где кипели бандитские войны. Этот броневик не раз вытаскивал их из передраг благодаря боковым решёткам для разгона толпы, а однажды даже помог сорвать дерзкое ограбление небоскрёба, совершенное бригадой связистов, вскоре после того, как Шива разразился своей пламенной речью в прямом эфире. В заднем отсеке "колесницы" хранился арсенал оружия и боеприпасов, а также комплекс звуко- и видеозаписи, дополненный сканирующей аппаратурой. И конечно, нельзя было забыть о выдвижных люках на крыше и

задней двери, а также о грозной 37-мм плазменной турели, готовой выдвинуться на платформе. Дополняли картину боковые ракетные установки и спаренная 20-мм циклотронная пушка с умной системой автоматического наведения SMART. Под усиленным плексигласовым щитом лобового стекла сверкал мощный прожектор.

За рулём восседал Аксель Стоун, а на пассажирском сиденье примостилась Блейз Филдинг. Адам Хантер и Эстель Агирре, сжимая автоматы, стояли в заднем отсеке. Когда "Боевая колесница" резко вошла в поворот, Эстель стиснула зубы, напрягая мышцы ног, чтобы удержаться, не отрывая взгляда от мелькающих за стеклом пальм и перекрёстков улиц.

Впереди, на параллельном бульваре Асенцио, мелькнула спина чудовищного Номо Emendus, несущегось сломя голову, круша автомобили и сбивая людей. Он сеял хаос, перепрыгивая через препятствия и оставляя за собой лишь руины.

— Мы должны остановить это, — пробормотал Адам. Он взглянул на Акселя и повысил голос, чтобы перекричать рёв мотора, когда "колесница", набирая скорость, рванула вперед, переключая передачи и не сбавляя темпа. — Давайте разберёмся с этим, как следует!

Аксель кивнул, вцепившись в руль побелевшими костяшками пальцев, стараясь не терять концентрацию. Достигнув 125-й улицы — сердца Нео-Авроры — он резко вывернул руль вправо, ударив по тормозам. Блейз ахнула, её швырнуло вперёд и влево, припечатав к спинке сиденья. Адам и Эстель, стоявшие сзади, застонали, но удержались на ногах.

Даже на расстоянии было видно, как серое чудовище, размером с дом, сеет разрушение.

Пешеходы в панике разбежались врассыпную, машины визжали тормозами, пытаясь развернуться.

Аксель вывел "колесницу" на Асенцио, резко повернув руль и с мастерством сорвав её в управляемый занос. Клубы дыма вырвались из-под колёс, когда они понеслись по улице в погоне за монстром. Уличные полицейские палили из пистолетов с тротуара, пока тварь неуклюже продиралась вперёд. Она с корнем вырвала столб светофора на углу перекрёстка, осыпая всё вокруг искрами, а затем, одним молниеносным движением, прихлопнула полицейских, как назойливых мух.

Они разлетелись в стороны, словно комары, а чудовище, не останавливаясь, врезалось в их патрульную машину. Автомобиль взлетел в воздух от чудовищного удара, перевернулся в зловещем пируэте и, рухнув на крышу, по инерции протаранил ближайший почтовый ящик и газетный киоск. Письма, газеты и обрывки бумаги взметнулись в воздух, словно безумные конфетти.

Блейз смотрела, широко распахнув глаза от ужаса, стараясь не моргать, пока они приближались к цели. Они видели, как монстр швырнул фонарный столб в сторону, словно бросил ненужный мусор; столб врезался в стену, исчезая в облаке пыли и обломков.

— Вы это видите, ребята? — выплонула Эстель, чувствуя, как бешено колотится её сердце. — Что, чёрт возьми, это такое?

— Наши худшие кошмары стали явью, — прошептала Блейз.

Существо повернулось, замедлило шаг, и они смогли рассмотреть его спереди. Оно было двуногим, как человек, но ростом в четыре с половиной метра. Его тело было серым и мускулистым. Морда, похожая на морду инопланетянина, была оскалена. На ней были паучьи жвала. На лодыжках и запястьях были странные кости, похожие на шпоры.

— Это суперсолдат Номо Emendus, — сказал Аксель, глядя на Блейз. — В этом нет сомнений.

— Бей по нему всем, что есть, — сказал ему Адам. — Попробуй увлечь его за собой, и мы отведём его к реке, подальше от людей, и покончим с ним там.

Существо было в предвкушении, оно наслаждалось разрушением.

Аксель опустил руку под приборную панель и щёлкнул переключателем, активируя ракетные установки сбоку. На дисплее появилось автоматическое наведение на цель, голографическая сетка задвигалась по лобовому стеклу.

— Вот о чём я говорил, Акс! — проревел Адам с ухмылкой. — Стреляй!

Аксель нажал на кнопку «Огонь», как только прицелился.

— Спокойной ночи, — сказал он.

Номо Emendus резко повернул свою уродливую голову, провожая взглядом ракету, вырвавшуюся из боевого фургона. С шипящим росчерком дыма она неслась вниз по улице, прямо в чудовищную цель...

БУМ!

Взрыв сотряс воздух, и чудовище отбросило назад яростной волной. Но оно устояло, лишь издало мучительный, визгливый вой. Его гротескные черты исказились в подобии злобной гримасы, устремлённой на них.

— Кажется, мы его разозлили, — сухо заметила Блейз.

Аксель стиснул зубы. Спаренная 20-миллиметровая циклотронная пушка разразилась оглушительным грохотом. Свинцовый ливень крупнокалиберных пуль обрушился на существо.

Оно же, казалось, не замечало шквального огня, упрямо двигаясь вперёд, словно бежало под лёгким дождём. Когда чудовище приблизилось, заноса для удара свою массивную лапу, Эстель издала истошный крик:

— Чёрт!

В следующее мгновение лапа сомкнулась на капоте боевой повозки. Чудовище взревело, поднимая машину в воздух, выворачивая её с дикой силой, обрушивая на землю раз за разом – четыре, пять раз, прежде чем отшвырнуть прочь, словно надоевшую игрушку. Несколько мучительных секунд салон был наполнен грохотом, скрежетом и калейдоскопом мелькающих образов. Адам и Эстель беспомощно болтались внутри, как тряпичные куклы, в то время как Аксель и Блейз, пристёгнутые ремнями, отчаянно цеплялись за свои сиденья. Искорёженная, но выстоявшая броня машины позволила ей остановиться, не доехав дюжины метров до перекрёстка Асенсио и 129-й улицы.

Эстель закашлялась, её лицо исказилось от боли – сломанное ребро пронзало её изнутри. Адам рухнул сверху, но уже пытался подняться, издавая стоны.

Блейз выдохнула, её аура вспыхнула ярче обычного, щёки залил лихорадочный румянец. – Чёрт, – повторила она тихо.

Снаружи Номо Emendus ревел, наслаждаясь своей кажущейся непобедимостью. Он гнал в панике людей, бросавших свои машины посреди улицы.

– Мы должны остановить это, – решительно произнёс Аксель. – Всем наружу! Немедленно!

Они бесшумно выбрались из искорёженного боевого фургона, в то время как чудовище с грохотом пронеслось по улице. Визжащие люди разбежались во все стороны. Адам и Эстель, стараясь не отвлекаться, схватили своё оружие.

Аура Блейз запульсировала, захватывая её изнутри. Она позволила ей завладеть своими чувствами, отбросив ментальные и эмоциональные щиты, которые годами приучала себя сдерживать. Её глаза вспыхнули ослепительно белым светом. Шагнув вперёд, она подняла руки, и её окутало неземное, невыразимое голубое сияние квантовой энергии. Из самой глубины её души вырвался трубный звук, за которым потянулись фрактальные световые узоры.

– Кикошо!

Это чувство... эта сущность... осознание себя чем-то трансцендентным, экстраординарным. Она сосредоточилась на этом, выбрасывая руки вперед. Слёзы хлынули из её широко открытых глаз, наполненных светом. Квантовая энергия, известная ей лишь как "Огонь" – одна из её многочисленных способностей – повиновалась приказу, и бело-голубой шар ослепительного света... чистой энергии... устремился к чудовищу.

Огненный шар отбросил монстра назад, и Номо Emendus рухнул на землю. Адам и Эстель, не теряя ни секунды, открыли огонь из своих штурмовых винтовок Beretta ARX100, опустошая магазины до последнего патрона, перезаряжая и снова опустошая их.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем чудовище прекратило свои безуспешные попытки подняться. Аксель приблизился, чтобы убедиться, что оно мертво, готовый в случае необходимости пустить в ход кулаки. Он пнул его правой ногой, затем снова занял боевую стойку, но Номо Emendus не шевелился. От его обугленного тела поднимались клубы пара и дыма.

- Думаю, мы справились, - произнёс он. - Чисто.

Блейз молча стояла, наблюдая за движениями остальных, радуясь, что всё закончилось.

Первая...

Она вспомнила все те годы ментальной дисциплины, которые прошла. Она вспомнила благодарность за всё, что ей довелось испытать; даже несмотря на всё плохое, это дало ей мудрость, которой иначе у неё никогда бы не было. Уроки делают тебя сильнее, если ты двигаешься вперёд, стремясь к цели, а не оглядываешься назад. Когда эти мантры зазвучали в её голове, её аура поблёлка, возвращаясь в когнитивное русло.

Она моргнула своими карими глазами, внезапно застигнутая враспloch какой-то ускользающей мыслью. Знакомое чувство, которое это вызвало, заставило её улыбнуться, и она сразу почувствовала себя лучше. Она стряхнула с себя задумчивость и направилась к Акселю и остальным. Нужно было убрать всё это дерьмо.

Лаборатория ZanTech
Пятница

Черри Хантер, примостившись на одной из переборок квантового компьютера, наблюдала за доктором Гилбертом Заном. По залу, словно бронированный танк, неспешно проплывала его кибернетическая оболочка, утыканная дисплеями. Доктор, поглощённый процессом, синхронизировал данные, сверяя показания приборов с информацией, бурлящей в глубинах его нейронной сети. Он рассеянно мурлыкал под нос мелодию из старинной оперы, и в этот момент казался счастливым, довольным гением, погружённым в любимое дело, убеждённым, что никто не видит его триумфа. Это было так по-человечески, подумала Черри, хотя сознание Зана уже давно покинуло брентную плоть, заключённое в кибернетический кокон андроида.

Реймон, младший брат Зана, основал организацию "Прометей" с крестовым походом против кибернетических технологий, ныне считая Гилберта мёртвым. Но Черри, наблюдая за его привычными жестами, даже за тем, как он машинально крутит карандаш в пальцах манипуляторов, не могла поверить в эту потерю. Человек, которым он когда-то был, никуда не исчез. Он жил в его манерах, в оттенках эмоций, в самой интонации голоса, если только кто-то удосужится прислушаться. Это не просто программа, это он сам. И разве тот факт, что его физическое существование поддерживается механизмами, делает его сознание менее реальным, менее ценным? Этот вопрос вплотную подводил к проблеме машинных прав, вопросу, к которому общество, возможно, ещё не готово. В этом мерзком мире, где с трудом уживаются человеческие права, думать о правах машин казалось кошунством. Она фыркнула про себя, отгоняя эти мысли.

Проезжая мимо рабочего места Флойда Ирайи, доктор Зан продолжал напевать, и Черри заметила, как маори с имплантированной памятью медленно повернулся на стуле и расплылся в гордой улыбке. Он поднял планшет, словно кубок победителя, в своей кибернетической руке.

– Я взломал! – заявил он, сияя, будто выиграл миллион долларов. На экране планшета мелькали цифры и графики, слишком мелкие, чтобы их можно было разобрать.

– Надеюсь, это не заразно, – полушутя заметила Эстель Агирре.

Она стояла рядом с Адамом Хантером у ряда металлических шкафов, заполненных микросхемами, научными книгами и папками с документами, ожидая начала брифинга. Она улыбнулась Флойду в ответ, уловив его триумфальное выражение лица. – Всего лишь шутка.

Флойд удивленно хмыкнул, но не позволил её колкости омрачить его радость. – С учётом всей этой истории с вакциной "Троян-38", никогда не знаешь, – ответил он. Эстель ухмыльнулась, на её лице мелькнула тень тревоги. – Любой из нас мог превратиться в одного из тех монстров, спасибо DahmCo.

В этот момент дверь распахнулась, и в лабораторию вошли Аксель Стоун и Блейз Филдинг. Они направились к голографическому столу в центре зала, и остальные потянулись следом. С их последней встречи многое произошло, подумала Черри, подвигаясь к одному из высоких стульев. Ей не терпелось узнать последние новости. В последнее время её мучило желание действовать, чем она недавно поделилась с Максом Стоуном; двадцатилетний юноша казался рассеянным, и она задавалась вопросом, когда это изменится.

– Флойд, – обратилась Блейз, поймав его взгляд.

Флойд кивнул и бросил планшет на стол. Пластик отозвался приглушённым стуком. – Я нашёл его. Используя данные, полученные с двух спутников DahmCo, мы выявили код: повторяющуюся последовательность зашифрованных координат, источник командного сигнала проекта "Зулу". Этот код отправлялся в сеть DahmCo каждый раз, когда наземные сигналы поступали на любой из их спутников. Благодаря титаническим усилиям Зана в квантовой расшифровке и моим вычислениям, спутниковая сеть ZanTech с хирургической точностью выявила местоположение: юг Исландии, чрево вулкана Катла.

Взгляд Блейз затуманился, мысли разбежались, как испуганные птицы. Тревога, липкая и удушающая, обволокла её, но она усилием воли отбросила её. – Вулкан? – выдохнула она. – В Исландии?

Аксель наблюдал, как по лицу Блейз пробегает тень смутения, как вспыхивают румянцем щеки, как едва заметно вздымается грудь. Они уже бывали в Исландии. Давно. Инцидент с Проектом Игрек... генерал Петров, захваченный Синдикатом. Аксель вспомнил жутких роботов Икс, первое проявление огненной силы Блейз. Целая вечность прошла. – Я думал, мы выжгли эту землю ещё во времена войн Синдиката, – произнёс он. – Они подписали Договор о Новом Мире, вместе с остальными участниками Пакта о Единстве Наций.

Блейз глубоко вдохнув, кивнула. – Ты прав. Значит, если там и есть секретная база, она всё это время пряталась прямо под нашим носом.

– Влияние Шивы на мировые события – колоссально, – Адам Хантер подался вперёд в кресле. – Каким-то образом, несмотря на крах войн Синдиката, он умудрился сохранять связи с преданными ему людьми все двенадцать лет,

проведённые в Китае. Влиятельные фигуры, действующие исподтишка, в тени. Лжецы, манипуляторы. Петров рассказывал мне о драмах, с которыми ему пришлось столкнуться во время нашей работы в Вашингтоне. — Он посмотрел на Эстель, та мрачно кивнула. — На самых высоких уровнях Нового Мирового Порядка царили обман и закулисные игры. Тайная группа, которой вообще не должно было существовать, тем более после ареста Шивы.. но они существовали, и никто даже не подозревал об этом.

— Леон Шива раз за разом доказывает, что его нельзя недооценивать, — прозвучал механический голос Зана, пронизанный металлическими нотками. — Но это относится и к вам, мисс Филдинг. Не теряйте надежду остановить его.

Блейз кивнула, рассеивая остатки эмоциональной задумчивости. Зан прав: планы Шивы раз за разом рушились под её натиском, с тех пор как она сбежала из Эджмонта. Сейчас не время останавливаться.

Она встретила взглядом с Черри Хантер, самой юной участницей команды. Во время событий, связанных с Проектом Игрек, Черри ещё и на свете не было. — Если мы организуем штурм этой базы, ты не против пойти с нами, Черри? Не буду врать, путь предстоит опасный.

— Со мной всё будет в порядке, Блейз. Ты же знаешь, — Черри нежно улыбнулась. — Я не подвела тебя в Мозамбике, не подведу и сейчас. Я больше беспокоюсь о Максе. Он с удовольствием присоединился бы к этой.. разборке, знаешь. Для него это важно. Он хочет, чтобы ты это осознала.

Блейз не отвела взгляд. Внутри неё бушевал ураган противоречивых чувств. Она не могла игнорировать искренность Черри, даже в столь деликатном вопросе. С тихим вздохом она согласилась и повернулась к Акселю. — Ты говорил, что наш сын, возможно, готов.

— Макс быстро получил свой чёрный пояс, — ответил Аксель. — И он умный парень. Если мы разработаем план, в котором он сможет принять участие, я это организую. Но сначала мне нужно с ним поговорить.

Черри кивнула, радуясь, что её предложение не восприняли как назойливость или дерзость. Они действительно были одной большой семьей, и сила их уз отличала их от таких, как Леон Шива и его преступные наёмники. — Я покажу вам отчёт о своих находках, — сказал Флойд, засовывая в рот жевательную резинку. — А пока я могу провести ещё пару исследований, которые помогут разработать наступательную стратегию. Мы должны быть готовы ко всему, что бы ни решили делать.

— Все ресурсы ZanTech в вашем распоряжении, — Зан обратился к Блейз. — Шива слишком долго был нашим врагом. Пришло время положить этому конец, пока не погибло ещё больше людей.

Она кивнула, выдавив усталую улыбку. Казалось, вся их жизнь вела к этому моменту. Остался только один путь — вперёд.

В Исландии царил пронизывающий холод, влажный и цепкий. Вдали, словно застывшие исполины, нависали ледяные глыбы, обрамляя дикий, неземной красоты горный хребет. Где-то там, в самой его сердцевине, клокотал и рокотал вулкан Катла, и этот утробный гул, похожий на раскаты небесного грома, отзывался эхом во всей южной исландской саванне, заставляя дрожать неровную каменистую почву под ногами.

Вдали от зловещего тёмного облака вулканических испарений, застилавшего горизонт, небо алело бледными полосами розового и зелёного, а причудливые угольно-чёрные облака подсвечивались изнутри золотом, словно тлеющие угли в печи.

На этой небольшой высоте, где они стояли, гулял лёгкий, обманчиво тёплый ветерок, несущий в себе едкий запах сажи и серы. В любой другой ситуации Блейз, забыв обо всем, запрокинула бы голову и залюбовалась этой суровой и завораживающей красотой.

Но сегодня, когда от ледяного дыхания земли по коже бежали мурашки, она не находила в этом зрелище ни грамма утешения. Они стояли на пороге Четвёртой базы Синдиката – объекта-призрака, о котором она до недавнего времени ничего не знала. Как это место умудрилось уцелеть во время войн Синдиката и последующего политического хаоса, казалось невероятным, учитывая масштабы их тогдашней работы. Огненный шторм должен был выжечь эти базы дотла много лет назад. Но эта каким-то чудом пережила всё – и продолжала существовать десятилетиями. То, что Леон Шива теперь использовал её как операционную базу для проекта "Зулу", было плевком в лицо всей команде – да и всему Новому мировому сообществу, цинично подумала Блейз.

Адам Хантер, нервно поглядывая на часы, вглядывался в тёмную дорогу, уходящую в сторону ближайших ферм, расположенных в паре миль от горной трассы. – Чёрт возьми, Флойд! – прошипел он. – Где они? Я сказал "шесть ноль-ноль", и именно это я и имел в виду!

– Надеюсь, они просто где-нибудь застряли... или их накрыла лавина, – пробормотала Эстель, стоявшая в нескольких шагах от него. На ней была военная форма: чёрные тактические брюки и куртка на флисовой подкладке, поверх которой был надет слой наномолекулярной брони. Её штурмовая винтовка была надёжно закреплена на спине в кобуре, пристёгнутой ремнями к плечу.

Блейз отбросила от себя картину распостёртых тел Флойда, Черри и Макса, погребённых где-то на дне ледяного оврага, и прочистила горло. – Уверена, они скоро будут, Адам. Может, местные фермеры зазвали их на чашку кофе и посвящают Черри в свои музыкальные пристрастия. Они, должно быть, живут здесь в полной изоляции. В любом случае, сейчас пять пятьдесят восемь. У них ещё есть пара минут, формально.

– Позволю себе не согласиться, – ухмыльнулся Адам. – Это Rolex Submariner, и они безупречно точны.

– Не сомневаюсь, – ответила Блейз. – Но пара минут в любом случае не имеет значения. Мы сможем наверстать упущенное в течение дня... и

отчитаться перед мобильным командованием по расписанию, если на дороге не будет никаких сюрпризов.

– Возможно, мы выдаем желаемое за действительное, – сказал Аксель Стоун. Он стоял посередине дороги, ближе к Блейз, чем остальные, и рассеянно поглаживал свою светлую бородку. На его суровом лице застыла тревога. – Я очень надеюсь, что Макс не втянул их во что-нибудь.

– Он твой сын, – парировала Блейз Филдинг, глядя ему прямо в глаза. В её взгляде мелькнул стальной отблеск. – Хм. Но мы взяли его не просто так. Всеми, что ты его научил, как и всему остальному, так что я надеюсь, что с ними всё в порядке, честно говоря. Но им нужно как можно скорее добраться сюда. У нас мало времени, если мы хотим застать эту Четвёртую базу незамеченной.

Аксель кивнул, надеясь, что она права. – Они знают, что делают, – сказал он, стараясь говорить с оптимизмом, и устремил взгляд на горизонт.

С края горной дороги, в тени скал, на грунтовой дороге по-прежнему ничего не было видно – только очертания деревьев и кустов, слегка покачивающихся на тёплом вулканическом ветру. Их всё ещё не было видно. – Они будут здесь, – добавил он почти с отчаянным шёпотом.

– Эй вы, ублюдки! Да ладно вам, чёрт возьми, нечего тут шнырять!

Черри Хантер обернулась на этот грубый окрик. Говоривший, долговязый, словно жердь, панк из сигнальщиков – наверняка нанятый громила. Тело Черри было выковано из стали мускулов, а вот фигура этого парня говорила о безмятежном прозябании перед экраном и злоупотреблении выпивкой. Лысый череп венчал наглый гребень белоснежного ирокеза, а мясистое лицо искажала широкая ухмылка под крючковатым носом, проколотым пирсингом.

Черри окинула его ледяным взглядом, используя этот шанс, чтобы выплеснуть накопившееся раздражение от долгой дороги. – Да что ты говоришь! У нас, вообще-то, разрешение от фермеров здесь находится. Ты хоть понимаешь, с кем говоришь? Что ваша "Сигнальная бригада" забыла в Исландии?

Панк фыркнул. – Эти фермеры только думают, что владеют землёй в округе. Так будет лучше для всех, если вы уберётесь.

Он повернул голову, рассматривая Макса Стоуна, стоявшего слева от Черри с Флойдом.

– А это что за хрень? – спросил он, уперев руки в бока. – Дела "Сигнальной бригады" вас не касаются. Это место закрыто для посторонних, вот и всё, что вам нужно знать.

Сначала он выглядел удивлённым, но, встретившись взглядом с холодным, как сталь, взором Макса, занервничал. – Кто вы, чёрт возьми, такие?

Вместо ответа Макс обрушил на него удар правой в горло, заставив рухнуть на колени, хватая ртом воздух. Затем молниеносно выбросил левый кулак, с хрустом ломая ему нос.

Когда задыхающийся панк начал отползать по земле, Макс, с выражением решимости на лице, принялся топтать его ногами.

Сокрушительные удары тяжёлых ботинок Макса в живот и по почкам могли бы убить парня, если бы он этого захотел, но он знал, что незачем пачкать руки впустую. Вместо этого он выбрал более щадящую атаку, завершив её мощным ударом в голову, от которого панк взвизгнул и отлетел в сторону.

— Меня зовут Макс Стоун, — произнёс он, словно высекая слова из камня. — И вы не захотите со мной связываться.

Из тёмного чрева двора, из-за угла, стали появляться новые фигуры — все в жёлтых куртках "Сигнальной бригады" и с похожими вызывающими причёсками. Хотя они и не были такими крупными, как первый.

В руках одного поблескивала бейсбольная бита, у другого — тонкий, как бритва, нож, и на лицах застыли маньякальные ухмылки.

Макс сразу понял — дилетанты. Профессионалы никогда не улыбаются.

Они бросились в атаку, быстро сокращая дистанцию. Восемь отморозков веером рассыпались, чтобы атаковать Черри и Флойда с флангов.

Инстинкт, а не зрение, подсказал Максиму приближение первого удара. Он нырнул под размашистый удар, нацеленный в нос, отклонился назад, развернулся на левой ноге и нанёс жестокий, выверенный апперкот правой рукой точно в левое колено нападавшего.

— ГРАНД АППЕРКОТ!..

...выкрикнул он, исполняя фирменный приём Стоунов, придуманный его дедом, Локком Стоуном. Коленные связки мужчины лопнули, и он рухнул на бок, воя от боли. Не останавливаясь, Макс прыгнул к следующему, целясь в горло.

Он вскинул запястье, согнул пальцы, напрягая мышцы тыльной стороны ладони, и с дьявольской точностью обрушил удар, впечатав гортань мужчины обратно в позвоночник.

Задыхаясь и хрипя, с выпученными глазами, тот попытался, хватаясь за быстро сжимающееся горло. Макс заметил, как его рука судорожно потянулась к внутреннему карману.

Он собрался, словно сжимая пружину, пересчитывая доли секунды, готовясь к яростному танцу с нападающим. Но рука вновь отступила, зловеще пустая.

"Что за чертовщина?" — промелькнуло в голове, но времени на раздумья не было. Вон они, голодные до крови "любители".

Бита дёрнулась, словно гадюка, готовая к броску. Макс, с холодным расчётом змеи, метнулся вперёд, словно сам был клинком, и выбил оружие из

рук противника. В едином, стремительном движении развернувшись, он обрушил рукоять ножа на запястье "Сигнальщика". Тройной хруст сломанных костей, отчётливый и жестокий, разорвал утреннюю тишину. Нож, вырвавшись из ослабшей хватки, взлетел вверх и, звякнув, упал в густую тень внутреннего двора.

Макс крутанул битую в воздухе, с ловкостью опытного жонглёра, и, перехватив её за рукоять, обрушил со всей силой на левое плечо противника. Ещё один треск ломающихся костей, и адская боль плечевого сплетения, словно электрическим разрядом, пронзила тело "Сигнальщика". Он рухнул на землю бесформенной кучей, корчась в агонии.

Черри и Флойд, словно вихри, кружились в танце боя с остальными панками, обрушивая на них град ударов. Сзади Макс услышал хриплый стон и едва успел уклониться от удара коленом "Сигнальщика", которому он повредил ногу. Тот, словно одержимый, умудрился подняться и перенести вес тела на здоровую ногу. Ещё один удар, и замена коленного сустава была бы неизбежна.

Стиснув зубы от ярости, Макс без колебаний обрушил сокрушительный удар на второе колено. Пронзительный визг боли разорвал воздух, и "Сигнальщик" рухнул, обхватив обеими руками сломанный сустав.

Второй нападавший уже был на ногах. Скользящий удар пришелся по затылку Макса, затем последовал мощный пинок в центр правого подколенного сухожилия. Боль пронзила ногу, и Макс, потеряв равновесие, едва устоял на ногах. Нападавший навалился сверху, сжимая горло стальными пальцами. Его глаза, полные ненависти, были в нескольких дюймах от лица Макса.

— Ты, мелкий ублюдок! — прохрипел панк. — Я должен был прикончить тебя!

Макс напряг все мышцы, готовясь к последнему рывку. Движением, которому научил его отец — "Драконьим крылом" — он сосредоточил всю свою энергию, физическую и ментальную, в позвоночнике и выгнулся дугой в конвульсивном рывке. Нападавший, словно отброшенный пружиной, отлетел в сторону и рухнул на землю без сознания.

— Макс, — запыхалась Черри, подбегая к нему. — Ты в порядке?

Один из оставшихся в живых "Сигнальщиков", поднявшись на ноги, с безумным рёвом бросился на Черри, словно пилот-камикадзе. Она, с недовольным выражением лица, развернулась и хладнокровно ударила его правым локтём в переносицу. Кровь хлынула фонтаном, болевые рецепторы взорвались адской симфонией, и с нападавшим было покончено. Он рухнул навзничь.

— Отлично, — сказал Макс, с братской теплотой в голосе.

Рядом с ними Флойд заканчивал работу над последним панком. Остальные уже лежали на земле, погружённые в беспамятство. Он обрушил удар левого киберкулака в солнечное сплетение противника, выбив из его груди остатки воздуха и заставив его судорожно глотать воздух, словно выброшенную на берег рыбу. Затем он пропустил через руку разряд электричества, от которого панк отбросило в сторону.

— Ребята, — громко сказал Флойд, поворачиваясь к ним. — У нас мало времени. Находим нужную машину и мчим к месту встречи. Остальные, наверное, уже волнуются. Не хотим опаздывать.

Макс кивнул и посмотрел на Черри, в его глазах читалась решимость. — Поехали, — сказал он.

06:12

Эстель уже собиралась возразить, что Флойд, Черри и Макс понапрасну теряют время, когда отдалённый рык могучего дизеля заставил ее умолкнуть.

Минутой позже на горную дорогу выкатился "Мак" — истинный колосс дорог. Одинокий тягач возвышался над ними, словно гранитная скала, а утреннее солнце играло бликами на его хромированных деталях. Он тащил за собой сорокафутовый контейнер, точь-в-точь как те, что они часто видели в районе Четвёртой базы и за её пределами. Местные поставщики, как выяснилось, были невольными помощниками Шивы, искусно скрывавшими их операции от любопытных глаз.

Над гигантским ветровым стеклом нависал хромированный козырёк, напоминающий фуражку, под которым трафаретом вывели: "Кейджи Ямагиси Трак". Двойные выхлопные трубы в корме кабины, увенчанные перфорированными теплозащитными экранами, невольно напомнили Эстель о защитных кожухах штурмовых винтовок. Только эти трубы были диаметром больше фута и щедро покрыты хромом.

За рулём оказался Флойд. Прежде чем заглушить двигатель, он коротко нажал на газ, и в небо взметнулись два клубка чёрного дыма. Дверь распахнулась, и он, пятясь, спустился по стальным ступенькам, а затем повернулся к остальным. — Простите за задержку, — произнёс он.

— Главное, что ты здесь, — ответила Блейз. — Машина выглядит идеально, отличная работа.

Адам подошёл к контейнеру и открыл задние двери, отсоединив тонкий стальной трос от встроенной лебёдки. Внутри, в полумраке, он увидел Черри и Макса. Его дочь подняла вверх большой палец с озорной и торжествующей улыбкой.

— Видишь, папа? — воскликнула она. — Я же говорила, что у нас получится!

— Итак, Флойд, — обратился Блейз, стоя перед грузовиком. — Готов к этой поездке? Мы с Акселем сядем в кабине с тобой. Нам предстоит немалый путь.

— Конечно, без проблем, — заверил Флойд.

Блейз кивнула Адаму и Эстель, и они залезли в контейнер. Аксель захлопнул двери, а затем присоединился к Блейз и Флойду в кабине. Стартер взвыл, пытаясь раскрутить огромные поршни в цилиндрах двигателя.

И вот, после нескольких мучительных оборотов, дизель ожил, и грузовик вздрогнул от рыка, наполнившего воздух.

Вольфганг Дам, привыкший к вершинам власти и технологического прогресса, сейчас находился в самом сердце Четвёртой базы – в помещении, которое некоторые из новоприбывших сотрудников Шивы снисходительно окрестили "Красной комнатой". Зал, размером сорок на двадцать футов, был обставлен с избыточной роскошью, отражающей вкусы покойного Джорджа Ксетеуса: дизайнерские красные ковры и затейливые обои скрывали под собой передовые технологии. Оригинальный дизайн, созданный отцом Вольфганга, Генрихом Дамом, предназначался для нужд Синдиката. Вольфганг, разумеется, не остался в стороне, внося свои коррективы и улучшения с момента прихода Шивы. Это было необходимо, учитывая головокружительный скачок научных достижений DahmCo в 2030-х годах – достижений, далеко превосходящих технический уровень старого Синдиката. Всё это создавало идеальную платформу для текущих планов.

В рамках на стенах висели дорогие произведения искусства – преимущественно редкие полотна, отмеченные скромными золотыми табличками, освещённые хромированными электрическими лампами. Сейчас Дам изучал одно из них: написанная в стиле Клода Моне, нежными, трепетными мазками, картина изображала кошмарного вида человека в противогазе, ведущего армию странных фигур в бой навстречу восходящему солнцу. Впечатляюще. Работа была подписана анонимно, но, несомненно, являлась эксклюзивом, кем бы ни был автор. На табличке выделялась жирным шрифтом лаконичная надпись: "Полковник Дредноут".

Доктор Дам, облачённый в оливково-зеленый деловой костюм, стоял спиной к столу для совещаний, скрестив руки на груди. Леон Шива, Онихиме и Яша сидели за столом, погружённые в изучение старой цифровой записи системы безопасности. Отвлёкшись от картины, Дам повернулся к ним, желая узнать больше о предполагаемой угрозе, нависшей над проектом "Зулу".

Голографический экран с соотношением сторон 16:9 парил над столом, демонстрируя призрачное, радужное, но зернистое изображение. Леон Шива пролистывал запись, используя инструменты воспроизведения в поисках нужного временного индекса. Встроенные в голографический стол излучатели отображали двухмерное изображение, которое искажалось в горизонтальной плоскости, когда он быстро просматривал многочасовые интервью с пациентами.

Видеоматериал был снят в психиатрической больнице Эджмонт, в округе Лос-Анджелес, где-то в начале 2015 года. Это была одна из многочисленных записей, сделанных в соответствии с юридическими, а иногда и не вполне законными требованиями. Общий объём отснятого материала исчислялся сотнями часов. Интервью с пациентами, слушания – всё было помечено временем и архивировано по дате.

Шива взмахнул рукой над голографической консолью управления и вернул изображению нормальную скорость воспроизведения, остановившись на нужной временной метке.

- Вот оно, - сказал он. - Это одно из её последних слушаний.

Все присутствующие в комнате устремили взгляды на голографическую проекцию, озарившую воздух.

...

Блейз Филдинг на видео выглядела нездоровой, истощённой, пожалуй, - и невероятно молодой.

Её юное лицо, лицо девушки, едва достигшей двадцати лет, несло на себе отпечаток тяжких переживаний. Тёмные круги усталости залегли вокруг карих глаз. Кожа и волосы, несмотря на молодость, блестели, возможно, от пота. Она не улыбалась.

Из-за камеры донесся властный голос врача, слегка искажённый.

- Да, мы добились определённого успеха в Англии, - говорил голос. - Это довольно простая процедура, операция с использованием высокоточного хирургического лазера, который удаляет определённые участки определённых мозговых комплексов...

При этих словах Блейз Филдинг, казалось, преисполнилась ярости. Её лицо исказилось в гримасе.

- Что? - выплонула она, перебивая его. - Вы говорите о том, чтобы выжечь мне мозги! К чёрту все это! Я не хочу! - Она издала детский визг, всё больше и больше возбуждаясь.

Сквозь оцифрованный воздух пробивались приглушённые голоса, что-то бормочущие друг другу на заднем плане. Блейз выглядела готовой вскочить со своего места и наброситься на кого-нибудь.

- На самом деле это зависит не от тебя, дорогая, - сказал врач за кадром несколько снисходительным тоном. - У государства есть определённые прерогативы в этом вопросе. Ты представляешь опасность для себя и других со своими фантазиями...

Блейз вскочила и вскинула руки, явно охваченная захлестнувшими её эмоциями. Её ноздри раздулись.

- Это не фантазии! - крикнула она человеку за кадром, гневно указывая на него пальцем. - Вы же знаете, что это не так!

Послышался неясный звук, похожий на скрежет металла, и перед камерой появились два санитаря. Оба - крепкие парни ростом под два метра, размахивающие электрошокерами, словно пастухи - электропогонялками для скота.

Голоса двух врачей - женщины и мужчины - продолжали перешёптываться на заднем плане, словно агония Блейз перед камерой была всего лишь досадной помехой. Они обсуждали лекарства, дозировки, детали её заточения. После короткой, но мучительной борьбы, когда тело Блейз содрогалось от разрядов электрошока, в ней, казалось, что-то надломилось.

Затем громко и отчётливо прозвучал голос врача-мужчины: "Полагаю, вы правы".

Блейз повернула лицо к источнику голоса, за кадр, и в её взгляде отразился первобытный ужас. Она знала, что в целом неотличима от любой другой молодой женщины, вырванной из эквадорской глубинки. И всё же, её дикое происхождение делало её уникальным объектом для проекта "Номо Superior". Слёзы ручьями текли по её пылающим щекам, а мольбы искажались треском записи. "Доктор Джеррин! Нет! Пожалуйста!"

"Это ради твоего блага, Блейз, – ровно произнёс мужской голос. – Ты будешь намного счастливее без этих мечтаний".

"Но какой ценой? Неужели вы отнимете у меня последнее – мои мечты?"

Несколько секунд Блейз смотрела в пустоту за кадром, потерянная и сломленная. Затем в её взгляде промелькнула острая, как кинжал, враждебность. Даже сквозь зернистость видео проступала ядовитая ненависть. "Получится?" – процедила она.

Голос Джеррина продолжал говорить о возможных осложнениях процедуры. Лицо Блейз исказилось от неподдельного ужаса, плечи поникли под грузом невыносимой боли.

"Вы, ублюдки, собираетесь уничтожить меня, так?" – взревела она. – "Превратить в зомби!"

"Блейз, сейчас..."

Голографическая проекция замерцала, вторя её отчаянным движениям. Блейз вырвалась из рук санитаров и бросилась на стол. Камера дернулась, запечатлев лишь смазанное пятно, когда она с криком кинулась к экрану.

•••

Шива жестом остановил воспроизведение. На его лице отразилась настороженность, когда застывшее изображение Блейз, с плотно стиснутыми зубами, замерло в воздухе. Влажные карие глаза горели мучительной яростью. Она выглядела как загнанный зверь, облаченный в больничную робу, рвущийся на камеру. Звук оборвался.

– Блейз Филдинг, – громко произнёс Леон Шива, нарушив тишину. Он посмотрел на Вольфганга Дама и встретился с ним взглядом. – Невероятно упряма. Именно её сопротивление процедуре стирания памяти – когнитивной перезагрузке, которую мы впоследствии усовершенствовали с вашей помощью, Вольфганг, – так долго мешало планам мистера Икс.

Дам кивнул, глядя на застывшее изображение молодой женщины.

– Я много слышал о ней за эти годы, – сказал он. – Её жизнь широко освещалась в СМИ. Я понимаю, что агенты Нового Синдиката фактически подвергли её своего рода стиранию памяти в 2018 году, но без особого успеха. Было много попыток её подчинить, – добавил он.

Шива отвёл взгляд. Его глаза затуманились, проваливаясь в пучину воспоминаний. Образы, обрывки старых чувств. — Излишне говорить, что арест вашего отца и заключение его в психиатрическую больницу Гартлох в то время стало серьёзным ударом для нашего дела.

— Там были... ранние осложнения... с нашими тогдашними генетическими технологиями, — вмешалась Онихиме, наклоняясь вперёд на своем кресле. — Многие из того, что мы узнали из наших неудач в тот год, мы использовали для усовершенствования проекта "Homo Universalis". То, что Шива сейчас здесь, является свидетельством этой напряжённой работы.

Яша лишь кивнула в знак согласия. Все они помнили инцидент в башне Банка Китая и мнимую "смерть" Леона в начале Войн Синдикатов.

У Вольфганга Дама задёргался мускул под правым глазом — нервный тик, преследовавший его с детства. Войны Синдикатов застали его совсем ребёнком, и после инцидента с проектом Игрек и ареста отца его сразу же отправили в приёмную семью. Теперь он знал об тех событиях лишь по обрывкам прочитанного в юности и по рассказам очевидцев, донёсших до него эхо былого хаоса. — Может, стоило прикончить эту Филдинг, когда был шанс, Леон? — предположил он, в его голосе сквозило нескрываемое сомнение. — Она выглядит чертовски жизнерадостной. Ирония судьбы — она стала государственным обвинителем. С чего ты взял, что она согласится участвовать в проекте "Зулу" спустя столько лет?

Вопрос, казалось, заставил Шиву на мгновение потерять равновесие. Он резко поднялся со стула, бросив на Дама тяжёлый, изучающий взгляд, словно пытаясь разгадать ход его мыслей. — Если честно, она зашла слишком далеко, — произнёс он, приподняв брови. — У неё есть недостатки, эмоциональные уязвимости, навязчивые идеи... Возможно, раньше мы могли бы использовать их в своих целях, но сейчас в ней что-то изменилось. У меня долгая история с этой женщиной, Вольфганг, понимаешь? Мы оба многому друг у друга научились за эти годы.

Он сделал шаг вперёд, словно сокращая дистанцию не только физически, но и психологически. — На данном этапе нельзя смотреть на неё как на обычного человека. Мы с ней — две совершенно уникальные сущности, ты это знаешь. Мы больше не homo sapiens. Мы — нечто большее. Наши ауры... то, как они слились воедино в день победы над Сохарисом... — Он покачал головой, втягивая воздух сквозь ноздри. — Мы могли бы быть парой — на высшем уровне. Как боги. Я постиг это, изучая империю Дзёмон и её духовную литературу.

Он приблизился ещё на шаг, вытягивая левую руку в сторону Дама. Тон его голоса стал мягче, почти завораживающим.

— Разделены, но в сущности одно:
Две ягоды на стебельке одном,
Два тела, но одна душа в обеих,
Как бы два поля, что в одном гербе
Увенчаны нашлемником единым.

— Ты цитируешь Шекспира? — с лёгким раздражением заметил Дам.

Шива, казалось, не услышал его. – Всё, что мы делаем, имеет смысл, Вольфганг. Смысл в каждом приказе, который я тебе отдаю. В каждой задаче, которую мы выполняем вместе с Онихиме и остальными. – Он слегка улыбнулся, и в суровых чертах его лица на мгновение промелькнула тень человечности. – Мы не сможем принести стабильность в мир с проектом "Зулу", если не достигнем равновесия. И, возможно, с Блейз Филдинг на моей стороне, добровольно выбравшей этот путь и получившей всю власть, которая ей предначертана, вместо того, чтобы быть навязанной силой... это идеально сбалансирует мир, каким мы его знаем – на квантовом уровне, который только она и я можем по-настоящему понять. В этот день наша революция завершится. Воссоединение звезд-близнецов. Великий замысел, так сказать.

Дам поморщился. Шива казался безумцем, одержимым манией величия, но неугасающий дух его "революции" и его риторика оставались неоспоримыми. Теперь им была под силу полная власть над населением планеты – грандиозное достижение. Он чувствовал, что сможет почтить память отца, лишь тайно работая с этим человеком, чтобы добиться того, чего никогда не смогли бы RoboCy и Синдикат. Впрочем, он не считал нужным делиться своими соображениями. Это было не его дело.

– Я не собираюсь спорить с тобой, Леон, – сухо ответил он. – Ты здесь лидер. Революционер. Провидец, за которым мы следуем.

Шива сжал челюсти, прежде чем глубоко вдохнуть и повернуться к Онихиме и Яше, сидевшим за столом. – Паутина нашей жизни сплетена из множества нитей, доктор – хороших и плохих, – произнёс он. – Филдинг придёт к нам, я это знаю. И когда это произойдёт, мы будем готовы к встрече с ней.

Вольфганг Дам снова бросил взгляд на застывшее изображение юной Блейз на голограмме, и неприятное предчувствие сдавило его сердце. Восхищение Шивы этой личностью было поистине безграничным.

Возможно, оба они были немного не в себе; сказать, что жизнь каждого из них была уникальной, было бы преуменьшением. В любом случае, для него это не имело большого значения. Он знал, что его отец гордился бы им за то, что он продолжает дело семьи.

Он знал, что DamhCo будет жить вечно.

Механические створки двойных дверей, утробно зажужжав, вползли в стены просторного грузового отсека, обнажая проём. Внутри, словно крысы в щель, просочилось три фигуры – двое мужчин и женщина, источающие ауру дешёвой агрессии. Возглавлял эту стаю Свей, верзила под шесть с половиной футов ростом. Голова – бритый череп, лицо – маска, застывшая в гримасе ненависти, тонкие губы кривились, обнажая хищный оскал. Руки от запястий до плеч густо покрыты татуировками: пёстрые карпы кои, извивающиеся среди изумрудных водяных лилий, – ироничный контраст с его звериной сущностью. От него веяло наэлектризованной готовностью к драке.

"Что у нас тут?" – промелькнуло в голове Акселя, пока пальцы автоматически перебирали в памяти схемы ближнего боя. "Одноразовые головорезы", – мгновенно пронеслось в его сознании. Панки сделали несколько шагов в грузовой отсек, и двери с утробным вздохом сомкнулись, отрезая камеру от зловещего нутра вулканической пещеры, с её паутиной мостков, повисших над магматической бездной, сдерживаемой лишь технологией стазис-поля.

– Вижу их, сэр, – прохрипел женский голос в рации, прикрепленной к нагрудному карману. – Атаковали наших к югу от основных грузовых отсеков. Похоже, пробрались через дренажные туннели в Видоуз-Пик – туда, куда грузовики с припасами заезжают, – и спустились на лифте. Кажется, это всё проделки этой.. группы "Огненный шторм", о которой вы рассказывали.

– Да они просто грёбанные паразиты! – взревел Леон Шива в динамике. – Уничтожьте их!

Аксель, словно пружина, развернулся корпусом, занимая боевую стойку.

Прежде чем панки успели осознать приказ Шивы, выхватить оружие или просто ринуться в бой, он стремительно сократил дистанцию и обрушил удар головой в переносицу женщины, Суози. Хруст кости потонул в её вопле, и лицо залила кровь. Она рухнула на колени, зажимая лицо руками.

Блейз, словно взбесившийся бык, с размаху вогнала колено в пах Свею. Хрип агонии вырвался из его груди, когда он скрючился, обхватив пострадавшее место. Пронзительно взвывла сигнализация – кто-то на четвёртой базе нажал тревожную кнопку.

Третий панк, Карлос, лихорадочно озираясь в поисках выхода, налетел на Макса, словно на каменную стену, заслонившую двойные двери. Кодекс Стоунов ставил переговоры выше насилия, когда это возможно. Но сейчас было ясно – время слов ушло безвозвратно.

Правая рука Макса взметнулась, превращаясь в смертоносный кулак, и обрушилась на трахею бандита. Тот пошатнулся, задыхаясь, и Макс добил его двумя ударами в живот, выбивая остатки воздуха из лёгких. Но Карлос оказался крепким орешком, гора мускулов и костей. Он отступил, в глазах плескалась ярость, но не упал.

Когда двери вновь начали расползаться, Макс понял – он должен остановить этого зверя, не дать ему причинить вред другим. Карлос отвёл правую ногу назад, готовясь к отчаянному удару, и Макс применил приём, которому научил его отец, носивший странное прозвище "Ганди": он бросился вперёд и, свернув правую руку в кулак, вонзил пальцы в глазницы парня. Не с намерением ослепить его, или, выражаясь очаровательным слогом Эстель Агирре, "энуклеировать ублюдка", но причинить нестерпимую боль и нанести достаточное временное повреждение роговице, чтобы он перестал представлять угрозу.

Два коротких удара коленом в пах, и удар ребром ботинка по левой голени завершили серию молниеносных, калечащих выпадов. С воплем боли, неожиданно громким для такой могучей груди, Карлос рухнул на пол, закрывая одной рукой глаза, а другой – живот.

На долю секунды Максусу показалось, что всё кончено. Но затем, сквозь расширяющийся проём дверей, в тесноту грузового отсека хлынула целая орда головорезов, размахивая самым разнообразным оружием.

Битва кипела, и силы были неравны. Аксель, с трудом переводя дыхание, пытался не потерять концентрацию, несмотря на град ударов. Краем глаза он заметил, как четверо головорезов-сигнальщиков скрутили Адама, повалили на пол и ударили лицом о шершавую восточную стену отсека.

— Папа! — пронзительный крик разрезал воздух.

Черри, словно вихрь, уклонилась от атак замешкавшихся бандитов, пронеслась к Адаму, опираясь правой рукой о переборку и перепрыгивая через стойку систем управления. С размаху, обутой в берцы ногой, она врезала одному из "Сигналов" в спину. Адам, встряхнувшись, поднялся на ноги, а Черри, вклинившись между четырьмя нападавшими, несколькими молниеносными ударами отправила их в нокаут.

Гарсия взвыл, когда Флойд Ирайя обрушил на его лицо удар своих мощных кибернетических рук. Отлетев назад, Гарсия ударился головой о край штабеля грузовых контейнеров и рухнул на землю, скуля от боли.

Блейз, словно пантера, присела на корточки, перенеся вес тела на носки. Метким ударом в бок шеи она отправила очередного панка в нокаут. Обернувшись, она увидела, как Эстель, прикрывая левый фланг, впечатала кулак в затылок синеволосого отморозка, точно под затылочный бугор. Тело безвольно осело на пол. Не прошло и трёх минут после начала драки, как на ногах остались лишь трое. Аксель и его команда вновь сплотились в центре зала, подняв кулаки в готовности.

Тогда Макбрайд, чей голос с трудом пробивался сквозь вой сирены, заорал: — Бонго! Прикончи этих ублюдков, ради всего святого! Отработаем же свою зарплату сегодня ночью!

Тучный громила взглянул на своего босса, затем на Акселя, и, наконец, на тесак, зажатый в его потной ладони. С диким воплем он бросился вперёд, занеся нож над головой. Когда расстояние между ними сократилось до критического, и лезвие пошло вниз, стремясь вонзиться в грудь Акселя, тот отступил в сторону. Неуклюжие и замедленные движения толстяка создали у Акселя жуткое ощущение, будто он попал в рапид, где его собственная ловкость казалась кошачьей грацией среди неуклюжих гигантов.

Аксель понимал, что нужно добить последних троих и продолжить миссию, но он не хотел оставлять за собой больше трупов, чем было необходимо, покидая Исландию. Ради всеобщего блага. Здесь никто не должен был умирать.

Когда Бонго проплыл мимо, Аксель подсёк его по лодыжке, сбив с ног. Падая, толстяк взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. Аксель перехватил его правую руку и резко вывернул запястье. Дикий вопль пронзил воздух, когда нервы и связки взбунтовались от невыносимой боли, и тесак выпал из ослабшей руки.

Оставив своего противника тяжело рухнуть на землю со звуком, от которого по коже побежали мурашки, Аксель наклонился и поднял мясницкий нож. Он отскочил назад и нанес короткий, но жестокий и эффективный удар ногой в горло упавшего, вызвав лишь сдавленный хрип.

Макбрайд ринулся на Акселя. – Ты ничтожество, ублюдок! – взревел он. – Я лично с тобой разберусь!

Это была роковая ошибка.

Ослеплённый яростью, Аксель оттянул руку назад и обрушил сокрушительный удар на лицо Макбрайда. Он приблизился вплотную и ударил человека в костюме сначала левым кулаком, затем правым – в горло. Макбрайд пошатнулся, глядя на Акселя широко раскрытыми от удивления и, как ни странно, впервые за всё время – со страхом – глазами.

Эстель поставила точку в этом поединке, нанеся боковой удар ногой с разворота. Удар пришёлся по левому боку мужчины, разрывая плоть. Макбрайд взвыл от боли и отшатнулся назад.

Последним, кто ещё держался на ногах, оказался Кэл Эд Боно, парень без рубашки и в потёртых джинсах. Осознав, что он обречён на поражение, он развернулся и бросился наутёк через распахнутые двери, выкрикивая на ходу поток отборной итальянской брани. То, что произошло дальше, лишь подтвердило его правоту.

Каблук ботинка Флойда обрушился на голову Боно, угодив между левым виском и челюстью. Панк рухнул, и звон упавшего ножа эхом разнесся по металлическому полу, вторя его падению. Клинок беспомощно заскользил между ними.

Блейз Филдинг небрежно смахнула несуществующую пушинку с правой руки, перекинув каскад тёмных волос через плечо. Путь был свободен, двери распахнуты. Она поймала взгляд Акселя; в свете бездушных ламп грузового отсека карие глаза сверкнули нетерпением.

– Пора, – процедила она сквозь стиснутые зубы, словно отрывая слова от сердца.

Магматический очаг Катлы был чудовищен, его размеры – более пяти километров в поперечнике. Под тёмной базальтовой коркой бурлила и клокотала расплавленная порода, вздымаясь волнами и фонтанами, извергаясь и пузырясь, меняясь в глубине и объёме, словно густой и огненный океан преисподней. Жар был нестерпимым, но стазисные поля DahmCo, ограждавшие базу, нивелировали его, избавляя от необходимости в защитных костюмах. Компьютерные датчики поддерживали оптимальную температуру в узких проходах, соединённых металлическими лестницами, врезанными в скалу, а сам вулкан щедро снабжал их геотермальной энергией.

Блейз шла впереди, Аксель – следом. Они поднимались по очередному лестничному пролёту, обходя магматический очаг длинной дугой по направлению к верхней командной палубе. У адской панорамы не было внешних

стен – только невидимое стазис-поле отделяло их от кипящего хаоса. Даже металлические перила и искусственно регулируемая температура не спасали Блейз от головокружения – она казалась такой маленькой и незначительной на фоне исполинской мощи вулкана, словно муравей, ползущий по дну олимпийского бассейна, рискующий сорваться в огненную бездну от малейшей оплошности. Она отбросила эту навязчивую мысль, отогнала беспокойство глубоким, медленным вдохом свежего воздуха.

"Не отвлекайся, Блейз", – приказала она себе.

Флойд без труда изучал планы базы на одном из многочисленных компьютерных терминалов, мимо которых они проходили. Большая часть первоначальной структуры была построена Синдикатом в 1990-х годах на миллиарды долларов, украденные непосредственно из закровов Министерства финансов США. Евгенические лаборатории и цеха робототехники были здесь обычным делом – всё это было частью зловещей операции "Теневая Рука" мистера Икс. С тех пор большая часть устаревшего оборудования 90-х была заменена современными системами DahmCo, что значительно облегчило Флойду взлом, но, похоже, Шива не внёс каких-либо других серьёзных изменений.

Поднявшись по последнему пролёту лестницы, они оказались на просторном подиуме, ведущем к промежуточной зоне шириной около шестидесяти футов. Двери в основные евгенические лаборатории были встроены прямо в скалу в дальнем правом углу. Платформа была загромождена научным оборудованием, сложенным в транспортные контейнеры рядом с неработающими погрузчиками. За ними другая лестница змеей вилась вверх по стене магматического очага, уходя на следующий уровень базы.

– Если мы пройдем через лаборатории, там есть лифт, который доставит нас до конца, – сказал Флойд, указывая рукой.

Блейз кивнула. Они осторожно ступили на открытое пространство, двери лабораторий всё ещё были на приличном расстоянии справа от них... и вдруг автоматика сработала: двери с тихим щелчком закрылись. Сначала, казалось, ничего не произошло, но затем двери снова бесшумно защёлкнулись, отрезая их от безопасного пути.

– Это странно, – проговорил Макс, не отводя взгляда от Черри. – Что-то появилось?

Прежде чем Блейз успела произнести хоть слово, мимо неё мелькнуло размытое пятно, неясная тень. Краем сознания она отметила нечто невероятное: костюм-невидимку. Блейз знала о существовании продвинутых средств усиления и наномолекулярных ухищрений, вроде персонального оптического камуфляжа, но так близко видела их лишь однажды – когда они с Акселем впервые столкнулись с клонами Homo Superior Синдиката в Филадельфии в далёком 2018-м. В голове вспыхнули имена – лица тех, кто был там, на похоронах Зана. Вторая. Третья. Они намеревались ассимилировать её... или уничтожить.

В тот же миг воздух рассёк свист боевого клинка с фрактальным лезвием, и, не успев она моргнуть, лезвие расплосовало её куртку сверху донизу. Содержимое правого внутреннего кармана рассыпалось по полу: фонарик и пара микробиноклей. Блейз отпрыгнула, пытаясь вырваться из зоны

достижимости восточной женщины, которая прямо на её глазах сбросила плащ в ослепительном вихре света и красок, но вместо этого оказалась в ловушке, беззащитной перед остальными. Крик ужаса застрял в её горле.

Женщина лет сорока с небольшим, с длинными ногами из углеродистой стали и пластика от DahmCo, стремительно развернулась, замахнулась и обрушила удар на рёбра Блейз. Глухой удар металла о плоть выбил из неё весь воздух; вибрация пронзила кости, сбивая с ног, и Блейз едва сдержала рвотный позыв. В боку вспыхнула острая боль, когда она врезалась в ящик с оборудованием и рухнула на подиум.

– Яша! – выкрикнул Аксель, мгновенно узнав женщину.

Не успела Блейз опомниться, как увидела, что кибернетическая нога снова занесена над ней, и теперь к её горлу приставлены блестящие металлические наконечники – смертоносное оружие, разработанное самой Яшей.

Аксель бросился вперёд, правым кулаком обрушиваясь на ногу, отводя удар в сторону, и Блейз увидела, как он схватил Яшу за запястье, сражаясь с ней со всей яростью, на которую был способен. Женщина издала какой-то приглушённый звук и с яростным визгом оттолкнула его, навалившись всем своим весом.

Блейз, воспользовавшись моментом, откатилась в сторону, морщась от новой вспышки боли в месте удара. Эстель помогла ей подняться, поддерживая одной рукой, а другой тянулась за оружием.

Яша со всей силы ударила Акселя стальным коленом в живот, а затем повторила удар снова и снова, наращивая силу с каждым разом.

Аксель закашлялся, чувствуя вкус крови, и нанёс рубящий удар в сторону обнажённой шеи женщины.

Но на стороне Яши были гравитация и годы тренировок. Повернув корпус, она отскочила в сторону, уклоняясь от атаки Акселя, и приняла низкую стойку, готовясь к бою, левую руку держа за спиной.

– Соппротивление бесполезно, – выплюнула она, тяжело дыша. Затем, в едином порыве, она выхватила боевой клинок и бросилась на Флойда, намереваясь перерезать ему горло.

Флойд заметил её приближение. За те две секунды, что потребовались ей, чтобы преодолеть разделяющее их расстояние, он создал электрический заряд в обеих своих кибернетических руках и швырнул их в сторону женщины, выпустив мощный импульс в виде яркого белого энергетического луча с фиолетовыми переливами. Взрывная волна с оглушительным грохотом взметнулась в воздух, отбросив Яшу назад. Она упала на мостик и, проскрежетав по металлическому покрытию, врезалась в кучу хлама возле Макса и Черри.

Не теряя времени, Макс со всей силы пнула упавшую женщину в скулу. Яша вскрикнула от боли и потеряла сознание.

– Всё в порядке? – спросил Адам.

Блейз застонала, но знала, что выживет. – Я в порядке, – ответила она.

– Этого я не ожидал, – пробормотал Аксель, едва слышно. Затем, словно повинувшись инстинкту, он резко повернул голову, когда двери евгенической лаборатории со зловещим шелестом снова открылись.

И вот, суперсолдат Номо Emendus переступил порог, склонив седую голову, втискиваясь в дверной проём своей четырнадцатифутовой громадой. Он надвигался на них по мосткам, и от одного его паукообразного шелканья жвал на морде кровь стыла в жилах. Так или иначе, дело дрянь.

– Чёрт возьми, – пробормотала Макс.

– Я займусь этим, – процедил Адам Хантер, отмахиваясь от них, и на его лице застыла мрачная гримаса сосредоточенности.

Адам Хантер и суперсолдат Номо Emendus сошлись в яростной схватке посреди подиума, словно два подстреленных мастодонта. Яростный рык вырвался из глотки Адама, когда он, вопреки чудовищной мощи противника, устоял на ногах. Удар за ударом обрушивались на существо, а сам Адам, словно танцор смерти, уклонялся, парировал и контратаковал с неукротимым упорством, тесня монстра к дверному проёму.

В безумном танце насилия секунды превратились в вечность. Костяные наросты чудовища рассекали кожу Адама, словно бритвы, оставляя за собой багровые полосы. Рычание боли и ярости вырывалось из его груди.

И вдруг, взревев, Номо Emendus взмыл в воздух, обрушивая на Адама град сокрушительных ударов. Кровь брызнула из рассечённых губ, в ушах зазвенело от боли. Монстр бросился на него, когтистые лапы тянулись, чтобы сомкнуться в смертельной хватке.

В миг, оставшийся до столкновения, Адам, нахмурившись, пробормотал что-то неразборчивое. Опустившись на одно колено, он всем корпусом рванулся вперёд, вкладывая всю силу в плечо. Зверь, издав вопль напряжения, налетел на него. Одним молниеносным, отточенным до совершенства движением Адам подбросил чудовище в воздух и, отскочив назад, занял боевую стойку.

Аксель Стоун и остальные, затаив дыхание, наблюдали, как Номо Emendus пролетел мимо них, со всего маху врезаясь головой в стену с запасами. Деревянный контейнер разлетелся в щепки, и весь штабель, погребая под собой монстра, рухнул на пол с оглушительным грохотом. Ящики и припасы разметало по подиуму, словно щепки от взрыва.

И вдруг, из-под обломков раздался жуткий, пронзительный рёв, и Номо Emendus, шатаясь, выбрался наружу. Встав на ноги, он заковылял в их сторону.

– Эстель! – заорал Адам.

Она была впереди, словно предчувствуя беду. Резким движением откинув заплетённую косу за плечо, Эстель Агирре вскинула штурмовую винтовку. Под стволом блестел смертоносный гранатомёт M203.

– Огонь в пролом! – крикнула она, видя, как остальные отпрянули в стороны. Палец нажал на спусковой крючок, и 40-миллиметровый осколочно-фугасный снаряд полетел прямо в грудь чудовища. Пять метров – радиус гарантированного поражения, и на таком расстоянии взрыва хватило бы, чтобы пробить костяной экзоскелет и разорвать тварь на куски.

Эстель бросилась за ящик, и в ту же секунду раздался оглушительный хлопок, перешедший в предсмертный визг Номо Emendus, оборвавшийся, не успев продлиться и двух десятых секунды. Взрывная волна сотрясла подиум до основания, разметав внутренности чудовища во все стороны кровавым дождём.

Блейз Филдинг, первой придя в себя, жестом приказала всем двигаться к выходу. Она знала, что времени осталось совсем немного. – К лифту! – крикнула она. – Живо!

Никто не посмел ей возразить.

Леон Шива обернулся, когда Блейз Филдинг и остальные вышли из лифта в операционный зал. На губах его мелькнула полуулыбка, словно тень, и тут же растаяла.

– Блейз Филдинг, – произнёс он приглушённым голосом. – Должен признать, ваше появление здесь несколько преждевременно, но недооценивать вас было бы глупо. Я знал, что именно вы выйдете на мой след. Ваша репутация, как вижу, вполне заслужена. Настоящая ищейка.

Краем глаза он уловил движение: Аксель Стоун, словно разъярённый бык, нёсся на него, его светлые волосы развевались, а мускулы напряглись до предела. Черты лица исказились от ненависти и мрачной решимости. Без слов, лишь с утробным рёвом, Аксель обрушился на Шиву с такой яростью, что их обоих отбросило через всю комнату, проломив хлипкую складную перегородку, и вынесло в приёмную. Доктор Вольфганг Дам, облачённый в безупречный синий костюм, сидел за одной из четырех переборок квантового компьютера, его лицо отражалось в мерцающем свете монитора. Он в ужасе вытарашил глаза, роняя беспроводные наушники, когда эта живая торпеда влетела к нему.

– На этот раз всё будет иначе, – прорычал Аксель, его голос сочился злобой. – Думаю, мне это понравится.

Он обрушил на Шиву шквал ударов, от которых в голове звенело, а перед глазами плясали огненные искры. Кровь заливала зрение, но Шива уклонялся, чувствуя, как удары Акселя с силой обрушиваются на него. Аксель бил снова и снова; каждый удар в голову был подобен удару кувалды. Тело Шивы, клона Номо Universalis, обладало силой, превосходящей человеческую, но этого было недостаточно, чтобы остановить этот град ударов. Нужно было остановить Акселя, и как можно скорее.

Шива вспомнил их короткую стычку в Мозамбике; двигаясь непрерывно, используя свою невероятную скорость, чтобы уйти из-под ударов Акселя, он уклонялся и парировал, сосредоточившись на своих чувствах.

Аксель хмыкнул, его кулак рассёк воздух, вызвав презрительную усмешку на лице Шивы.

Аксель сделал ложный выпад, который Шива легко парировал. Затем, воспользовавшись моментом, Шива приблизился на расстояние удара и обрушил ребро ладони вверх, ломая нос противнику, используя инерцию атаки. Ноги Шивы пронесли его через всю комнату к Блейз и остальным, в то время как Акселя вышвырнуло вперёд.

Мужчина со светлой бородой врезался в металлическую перегородку и с воплем боли рухнул на пол. Шива обрушил удар в грудь Акселя, ощутив приятный хруст ломающихся рёбер. Но Аксель не сдавался, ругаясь и извиваясь, пытаясь выбраться из-под обломков, его лицо исказила ярость.

Шива бросился вперёд, нанося сокрушительный удар правой ногой вверх.

— Последний удар!

Удар пришёлся по ранам Акселя. Завыв от боли, он рухнул на пол, от его опалённой кожи и волос поднимались клубы дыма.

— Лежи смирно! — предупредил Шива и отступил в сторону, поворачивая голову, чтобы взглянуть на остальных. Они стояли в оперативном центре главной командной палубы — откуда осуществлялось управление всем комплексом Четвёртой базы — или в "Боевой комнате", как её любили называть некоторые сотрудники; здесь было организовано всё — от жизнеобеспечения до самоуничтожения на случай непредвиденных обстоятельств.

— Мы здесь, чтобы остановить тебя, — вызывающе заявила Блейз. — Этот "Проект Зулу"... эта война длится достаточно долго. Пора сдать. Ты арестован, Леон.

Шива шагнул к ней, его тело всё ещё бурлило адреналином после схватки с Акселем. — Блейз Филдинг, — повторил он, его глаза вспыхнули, словно две луны. Его голос понизился на октаву и стал громче. Он слегка повернул голову, чтобы взглянуть на Вольфганга Дама, всё ещё сидящего за компьютерами в соседней приёмной, и обратился к нему так, словно остальных здесь не существовало. — Сорок девять лет, — произнёс он. — История насилия, которая, возможно, исказила её восприятие в детстве. В результате она стала одержима идеей справедливости. Жажда мести всем, кто мыслит иначе. Влюблена в Акселя Стоуна. — Он усмехнулся про себя. — Я мог бы говорить здесь со своим собственным отражением.

— Мы выбрали иной путь, — процедила Блейз, нахмурившись. Макс шагнул вперёд, ноздри раздувались от сдерживаемого гнева, тело напряглось в оборонительной стойке, а губы беззвучно шептали мантры.

Взгляд Шивы скользнул по её команде: Адам Хантер и Эстель Агирре, оперативники американского спецназа, непохожие друг на друга, и Флойд Ирайя, гениальный юноша из ZanTech Labs, самый крупный из них.

— Жалкое подобие Firestorm, — выплюнул он с презрением. — Жаль, что сам Гилберт Зан слишком стар, чтобы участвовать в этой игре, а Макс Хатчетт и Эдди Хантер давно стали лишь призраками. Настоящая трагедия.

Затем его взгляд остановился на Блейз Филдинг, и на миг он увидел сквозь завесу лет и опыта — упругие линии её фигуры, уловив едва заметное расширение зрачков, когда их взгляды встретились. В тёмных кругах вокруг глаз он прочёл отпечаток прожитых лет, бремя эмоциональных бурь.

— Нет, Блейз, мы просто разработали разные методы для достижения одной цели, — произнёс он, впиваясь в неё сверлящим взглядом. — Подлинной справедливости. То, что ты считаешь священным, твои жалкие убеждения, наследие, которое ты так яростно защищаешь, умрёт вместе с твоим телом, а моё... моё переживёт нас всех. Революция, которая перекуёт мир. Я намерен создать место, где разногласия исчезнут. Именно они, эти гнилые зёрна раздора, сдерживают человечество, порождают зло. Глобальное стирание памяти станет не просто кнопкой перезагрузки для отвратительных когнитивных паттернов, но и новой генетической программой, где каждый будет регулировать свои мысли. Я установлю утопическую глобальную технократию, где все будут подчинены моей воле, и это устранил всякое страдание. Разве не в том смысл жизни — оставить после себя что-то значимое? Я — Шива Великий, один из нового пантеона богов на грядущие века. Не сомневайся.

Он одарил Вольфганга ледяной улыбкой. — Доктор Дам, вы можете гордиться нашей совместной работой. Ваш отец, Генрих, был бы в восторге, уверяю вас. Пусть же он поскорее вознесётся в рай, в объятия ангелов.

— Ты знаешь, как я отношусь к твоим планам и твоей извращённой философии, — стоически произнесла Блейз, приподняв бровь. — Мы уже обсуждали это, Леон, и я не изменю своего мнения, как бы ты ни старался. Не усугубляй ситуацию. Просто прими свой конец. Всё кончено.

Шива издал тихий смешок, и его взгляд скользнул к Максиму Стоуну, стоявшему поодаль. — Похоже, твой сын унаследовал слабость твоего бывшего мужа, Блейз. Ослеплен эмоциями и привязанностями.

Она плотно сжала губы, сдерживая гнев. — Не вмешивай моего сына в свои грязные игры, Шива. Слышишь? Ты идёшь с нами. И вы, доктор Дам. Вам обоим придётся ответить за содеянное.

Эстель, с поднятым автоматом, направила оружие на Даму. Тот неуклюже заёрзал на стуле, поднял руки и вопросительно посмотрел на Шиву.

Шива глубоко вздохнул. — Ты способна на большее, Блейз, — произнёс он. — Не упускай возможности, которую я так щедро предлагаю. Мы оба знаем, каково это — потерять всё, ещё до начала борьбы. — Он сделал паузу, давая словам впитаться, наблюдая, как в её пристальном взгляде промелькнула едва заметная настороженность. — Каково это — перестать быть человеком. Это жертва, Блейз. Стать богом среди смертных. Ты истинный Homo Superior.

Неужели ты не веришь в себя? Неужели ты не чувствуешь, что момент настал? Час, когда ты сможешь высвободить истинную мощь, дремлющую внутри? Вместе мы сотворим нечто невообразимое, превзойдём любые границы. Никто не видит мир так, как видим его мы, никто не способен на то, на что способны мы.

— Ты не можешь удушить свободу, лишив людей права мыслить, — возразила Блейз, — Жизнь так не работает.

— А может, и должна, — парировал Шива. — Никто не хочет признавать, что большинство жаждет, чтобы ими руководили. Мы тешим себя иллюзиями о борьбе за волю, о независимости. Но в глубине души мы хотим иного. Мы жаждем, чтобы нам указали путь, а затем позволили угаснуть в неизвестности, без страданий. Люди ищут забвения, и некоторые из нас рождены, чтобы даровать его. И вот я здесь — их незримый бог, проникший под самую кожу.

— Ты ничем не лучше Уракабарамизля, — бросила Блейз. — История жестока к тем, кто возомнил себя богом. Особенно, когда я рядом.

— Нет богов, кроме тех, кого мы создаём сами, — провозгласил Шива. — Именно поэтому это необходимо. Именно поэтому грядёт революция. — Он вздохнул. — Всё это затевалось ради одной цели: будущее человечества слишком хрупко, чтобы доверить его капризам венценосных и тиранов. Слишком сложный вопрос, чтобы его решало большинство. Задача избранных — править, взять мир в свои руки и направить его к стабильному единству.

— Ты бредишь, — отрезала Блейз. — Ты ослеплён.

— Я всегда стремился к эволюции, — ответил Шива. — А ты цепляешься за старое. Смотри правде в глаза, Блейз, у нас только два пути. Твой или мой. — Его глаза вспыхнули неземным огнём, источая фиолетовое сияние, окутавшее его фигуру теплым светом. — Узнаем, чья аура здесь поистине могущественнее.

В тот же миг Блейз Филдинг утратила контроль, все эмоциональные мантры, которыми она себя усмиряла, рухнули. Её аура взорвалась, озарив всё вокруг яркими голубыми переливами.

— Будь по-твоему, — прошипела она белыми, без зрачков, глазами.

— Ложись! — взревел Адам, и остальные рухнули на палубу.

Невозможно было сказать, кто первым выпустил огненный шар. Два ступка квантовой энергии столкнулись с оглушительным грохотом, взорвавшись калейдоскопом света. Невидимая ударная волна пронеслась по комнате, сбросив Вольфганга Дама со стула. Он ударился головой о переборку и потерял сознание.

Аксель откатился в сторону, корчась от боли, пронзившей его раны. После хаотичных секунд, в течение которых его сознание поглотил вихрь света и движения, воцарилась жуткая тишина.

Макс закашлялся, поднимаясь на ноги.

– Черри, ты в порядке?

Она кивнула, морщась от боли в ноге.

– Я в порядке, – сказала она.

В комнате остался лишь один из тех, кто метнул огненный шар. Другой исчез.

Блейз Филдинг восседала во главе стола, специально оборудованного в комнате для совещаний детективного отдела полицейского участка Вуд-Оук-Сити. Это была встреча, избежать которой она не могла, даже если бы захотела. По бокам от неё – плотная шеренга лиц: члены наблюдательного совета, окружной прокурор, чиновники из Государственного департамента, и, словно якорь, комиссар Джозеф Бернштейн, занявший торцевую позицию.

Главным среди них был Дюк Ода, высокий, шестидесятилетний мужчина с аристократически-холодным профилем римского центуриона. Безупречно выглаженный тёмно-синий костюм лишь подчёркивал его властность. Высокопоставленный чиновник Министерства юстиции Нового Мирового порядка, чья власть в 2043 году подкреплялась собственными батальонами федеральной полиции – кибер-SWAT, усиленного аугментациями ZanTech и DahmCo. Его присутствие здесь...

"Удача", – подумала Блейз, надеясь, что его мнение склонит чашу весов в её пользу. Её связи с ним восходили к временам работы в полиции Лос-Анджелеса.

– В свете отчёта, лежащего передо мной, – произнёс Ода, – в свете услышанного... – он сделал паузу, перебирая файлы, знакомые каждому участнику совещания, – кажется, детектив Филдинг, вы значительно превысили свои служебные полномочия. Мне известны ваши действия в Мозамбике несколько лет назад, и я знаю, что комиссар Бернштейн предостерегал вас о необходимости соблюдения юрисдикции. – Он покачал головой, набирая в грудь воздух. – Мой официальный отчёт об этом инциденте будет неполным, пока мы не согласуем все обстоятельства произошедшего.

Место рядом с Блейз зияло пустотой, словно отражая её внутреннюю изоляцию. На её лице – печать бессонных ночей и тяжкого бремени, хотя закалка, полученная годами службы и залеченными ранами, придавала ей видимость невозмутимости. Внешне спокойная, она хранила непроницаемое выражение, но в глубине глаз мерцал тёмный, сдержанный вызов.

Ода уловил этот отблеск, и в его манере появилась едва заметная перемена. Он помнил, на что была способна эта женщина, работавшая под кодовым именем "Огненный шторм"; иногда их пути пересекались, когда он сотрудничал с Верховным главнокомандующим Петровым. Её результаты были впечатляющими, но неизменно граничили с самосудом. Он приподнял бровь.

– Появились неопровержимые доказательства причастности DahmCo к этому реформированному синдикату и его многочисленным заговорам. Устранение Леона Шивы, совершённое вами, Блейз, вероятно, предотвратило катастрофу библейских масштабов, в этом нет сомнений. Другие события, о которых вы сообщили – эти существа, 'Homo Emendus'... всё это звучит невероятно и, откровенно говоря, неправдоподобно. Тем не менее, мы должны тщательно изучить все имеющиеся доказательства.

Чиновники из Госдепартамента, с любопытством изучали Блейз; один из них, озадаченный, скользнул взглядом поверх очков.

Она неловко поежилась на стуле. – Что теперь будет, сэръ? – спросила она.

– Что ж.. с чего бы вы хотели, чтобы я начал? – Ода заглянул в папку, затем вновь встретился с её взглядом. – Исландия – далеко не Вуд-Оук-Сити, детектив Филдинг. Вам крупно повезло, что сам Верховный главнокомандующий Петров снова поручился за вас, хотя он и уходит в отставку в следующем месяце. Вы не можете вечно полагаться на его влиянии, хотя у вас есть и другие сторонники в федеральных ведомствах, включая ЦРУ. Я представлю отчёт президенту и генеральному прокурору, отмечу ваши находки и сделаю всё, что в моих силах. Контроль над сознанием и генетические мутации не совсем вписываются в рамки обычного бытового терроризма, детектив.

– Нет, не вписываются, – согласилась Блейз. – Леон Шива возглавлял организацию, обладающую преступными намерениями и средствами для их реализации. Остановить его было необходимо, в соответствии с моей клятвой служить и защищать.

– Я понимаю.. И вам очень повезло, что вы остались живы, Блейз, – произнёс Ода. – Испытания, которые вам пришлось пережить, оставили свой отпечаток – я вижу это по вашему лицу. Но правила есть правила, и границы должны быть проведены. Я считаю, что вам следует взять отпуск, пока все улики по этому делу не будут должным образом проанализированы. Проведите время дома и, возможно, вернётесь на службу в полицию на новых условиях контракта. Мои люди свяжутся с комиссаром Бернштейном и сообщат вам, когда вы сможете вернуться к работе.

Совещание завершилось. Чиновники поднялись, отодвигая стулья и обмениваясь тихими репликами. Блейз избегала взгляда Бернштейна, покидая зал; она не хотела видеть выражение его лица в этот момент. Спускаясь по лестнице прямо на парковку, она шла с опущенной головой, сдержанная, держа свои мысли при себе, растворяясь в сумерках, окружавших здание.

Додзё Стоунов
Район Ват Бо
Четыре недели спустя

Вопреки мрачным прогнозам Макса, додзё в этот вечер кишело людьми. Зал был набит до отказа, свободной оставалась лишь крохотная полоска вдоль стены. Макс ошибся, полагая, что никто, кроме пары падких до его мускулов старшекласниц, не соизволит прийти. Но перед ним стояла совсем другая

публика: местные семьи, бабушки, с трудом пробиравшиеся сквозь толпу, мальчишки, мечтающие дать отпор школьным хулиганам и видевшие в нём пример для подражания, молодые родители, полные решимости отдать своих детей в надёжные руки. В конце концов, Вуд-Оук-Сити не был самым простым местом для взросления.

Но важнее всего было то, что в первых рядах стояла она – Блейз Филдинг.

Она сияла, глядя на сына с гордостью, читавшейся в каждом лучике её глаз. В преддверии пятидесятилетия она оставалась той прекрасной матерью, которую он всегда знал. Эта улыбка, согревающая теплом домашнего очага, врезалась в его память навсегда. Он был счастлив, что она здесь, что у неё появилось время, подумал он. Тёмно-бордовое платье-футляр с изящным вырезом-бабочкой подчёркивало её достоинства, делая её, возможно, прекраснее, чем когда-либо. Она, без сомнения, была самой сильной женщиной, которую он знал. Она значила для него целый мир. Рядом с ней сидели Дженнифер и тётя Тина, верные спутницы её жизни.

– Поздравляю, мой мальчик, – произнёс Аксель Стоун, обращаясь к залу. Как всегда, он вёл церемонию награждения. – Ты заслужил свой второй дан. – Он пожал Максу руку и вручил ему новенький, отливающий чернотой пояс, на котором золотом было вышито его имя. Макс с гордостью повязал его под бурные аплодисменты и восторженные крики толпы. Затем они повернулись, чтобы ослепнуть от вспышек фотографа из местной газеты. Трижды вспыхнула камера, и они снова отвернулись.

Когда церемония вручения поясов подошла к концу, Макс направился к матери. Она расцвела от гордости, заключив его в крепкие объятия. – Я горжусь тобой, Макс, – прошептала она. – Вся твоя семья гордится тобой.

– Спасибо, мама, – улыбнулся он, и в этой улыбке не было ни капли фальши.

Дженнифер, с лукавой ухмылкой, хлопнула его по плечу. – Посмотри на себя, здоровяк, – сказала она. – Скоро ты станешь здесь главным. Берегись!

Макс усмехнулся. Он знал, что отныне отец всегда может рассчитывать на его помощь. Он уже обучал младших учеников азам боевого искусства, помогая им осваивать ступень за ступенью. – Может быть, однажды, сестрёнка, – ответил он. – Однажды..

Этот вечер стал для Макса самым счастливым за долгое время.

Блейз сидела на скалистом выступе, замороженно наблюдая, как догорает день, бросая последний взгляд на мост Вуд-Оук-Сити и темнеющую синеву реки. Вдали, где городская дымка окутывала горизонт серо-коричневой пеленой, мерцали огни небоскрёбов, словно далёкие звезды, а тени их исполинских строений вырисовывались в туманном воздухе, подобно древним монолитам. Её рука была крепко сжата в кулак, словно она забыла, как его разжать.

Оторвавшись от завораживающего зрелища, она увидела Акселя и Адама, погружённых в воспоминания о былых временах. Вскоре их смех стих, и Адам

подошёл к ней, протягивая коричневую бутылку неприметного местного пива, которое он достал из сумки-холодильника.

— Спасибо, — сказала она, делая большой глоток. Цитрусовый вкус, приятная газация, освежающая прохлада... Она жадно утолила жажду, приятно удивлённая его вкусом. Вытерев рот тыльной стороной запястья, она посмотрела на него с вопросом: — У нас всё хорошо?

Он присел рядом, улыбаясь. — У нас всё в порядке, Блейз. Никому из нас не предъявят обвинений. Я получил это подтверждение от самого президента.

Улыбка потускнела, когда он вспомнил их более ранний разговор. — Этого ты хотела, да?

Она кивнула. — Спасибо, Адам. Ты лучший.

Аксель подошёл ближе, отхлебывая своё пиво. — Теперь у нас всё будет хорошо, — сказал он, и в голосе его послышалась тень. — Но помните, что никаких следов тела Шивы не было найдено. Куда оно делось?

Он наблюдал, как его слова проникают в их сознание, как меняется выражение их лиц.

— Эй, с точки зрения президента Соединённых Штатов, мы все спасли мир, — сказал Адам, поднимая свой бокал. — Именно поэтому мы собрались здесь, у моста, пьём пиво и празднуем. Всё хорошо.

Блейз поставила бутылку на выступ. Что-то похожее на тревогу заворочалось у неё в животе. Опьяняющее действие пива приподняло завесу над её разумом, и слова, копившиеся глубоко внутри, вырвались наружу. Она рассказала им о видении, посетившем её в момент слияния её ауры с аурой Шивы на Четвёртой базе, неделями ранее. Поток образов, зрелищ, которые она увидела благодаря своей способности Номо Superior к предвидению, но на таком уровне, которого она никогда не испытывала. Непостижимые образы, полуоформленные фрактальные картины, которые таились в её подсознании, отравляя её сны. С того дня она почти не спала. Призрак того, что открылось её 'видению ауры' — в момент высвобождения чистой квантовой энергии — преследовал её, стоило ей закрыть глаза. До сих пор она никому об этом не рассказывала, держала это в себе...

— Но есть одна вещь, которую я помню очень отчётливо, — сказала она. — Она выжжена в моей памяти, словно клеймо. Образ, впечатление от каждого города в мире.

Блейз дрожала, несмотря на тепло угасающего дня. — Все они охвачены огнем и яростью. Вот что они планируют.

Аксель внимательно наблюдал за ней, поражённый силой её убежденности и ее страхом. Он давно не видел эту женщину настолько глубоко и явно встревоженной. И теперь он понимал, что терзало её в последнее время.

— О чём ты говоришь, Блейз? — спросил он. — Кто это планирует?

Она прикусила язык, пытаясь подавить захлестнувшие ее эмоции. Она покачала головой и опустила глаза, избегая его взгляда. Воспоминания о видении были такими неясными.

— ...Я...

— Надвигается война, которую мы не сможем остановить? — спросил Аксель. — Шива действительно сгинул?

Она посмотрела на него, уловив неуверенность в его глазах. Она ответила с решительной сдержанностью. — Грядут перемены, Аксель, — сказала она, глубоко вздохнув. — И мы не можем с этим бороться. Мы не можем это остановить. Колёса уже запущены. Единственное, что мы можем сделать, — это затаиться и ждать.

— Ждать чего? — Он погладил левой рукой свою светлую бороду. Эта женщина навсегда останется для него невыразимой загадкой, подумал он.

— Нового будущего.

Блейз поднялась на ноги и, взяв его за руку, дружески пожала её. Она искренне улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ, глядя в её карие глаза. В их взгляде читалась глубокая связь; после всего, что они пережили, слова были излишни.

Затем они повернули головы, чтобы полюбоваться видом на город за рекой, и вместе посмотрели вверх, когда день сменился тьмой. Адам подошёл ближе и, оперев руки в бока, смотрел на темнеющее небо вместе с ними.

Ночь опускалась на небо, на мир, который они знали слишком хорошо...

КОНЕЦ
?

ОБ АВТОРЕ

Мэттью Друри — независимый писатель и давний поклонник SEGA. Он живёт в Лос-Анджелесе и округе Ориндж, Южная Калифорния, уже более десяти лет. Он вырос в Ситтингборне, городке в графстве Кент, в Англии, в 40 милях от Лондона. У него двое подростков, собака и кошка, две золотые рыбки и бородатый дракон, и он по-прежнему любит играть на своих PlayStation 5 и Xbox Series S (PSN/XB-тег игрока: SOROnline)

Электронная почта: mattd@streetsofragesaga.net

Подписывайтесь на официальный аккаунт в Twitter по адресу: @sagastreets513.

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Сергей Максименко – геймер из России, ведущий сообщество в соцсети ВКонтакте. Годами изучает творчество как разработчиков видеоигр, так и авторов, пишущих романы по этим мирам. С разрешения авторов, переводит книги на русский язык, дабы ознакомить читателя с этими поистине бесценными работами.

Электронная почта:
sergei-maximenko.2014@yandex.ru

Ссылка в ВКонтакте (лс):
<https://vk.com/sergeymaximenko1989>

Ссылка на сообщество ВКонтакте:
<https://vk.com/oneandonly2025>